

Еврейские сказки и легенды

Гертруда Ланда

Jewish Fairy Tales and Legends

Gertrude Landa

Электронная книга проекта "Гутенберг" с еврейскими сказками и легендами

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Еврейские сказки и легенды

Автор: Гертруда Ланда

Иллюстратор: Сол Аронсон

Дата выхода: 27 сентября 2008 г. [Электронная книга № 26711]

Последнее обновление: 13 января 2019 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Джинни Хауз и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg (<https://www.pgdp.net>)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЕВРЕЙСКИЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ"

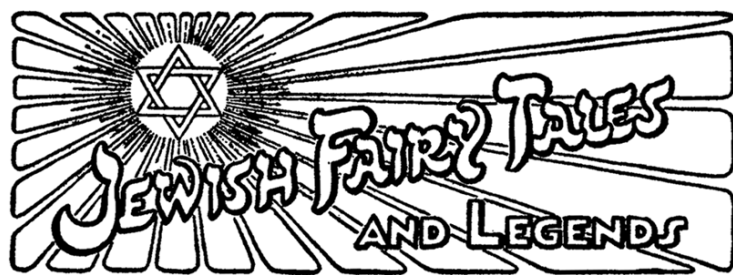
Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Джинни Хауз и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg (<http://www.pgdp.net>)

Примечание переписчика:

Непоследовательная расстановка переносов в исходном документе сохранена.

Очевидные опечатки были исправлены. Полный список приведен в [конце этого документа](#).

Нажмите на изображения, чтобы увидеть увеличенную версию.

"Где дверь?" (Стр. 21)[Включить](#)

Еврейские сказки и легенды

Автор "Тетя Наоми"

(ГЕРТРУДА ЛАНДА)

Когда детские игрушки уйдут в прошлое,
Пусть Книги станут другой игрой.
Тогда пусть каждая книга дарит благословение
И приносит вам удовольствие, пока вы живы.

—*Рут Ланда.*

ШЕСТИНАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА

NEW YORK
BLOCH PUBLISHING CO., Inc.
"Еврейский книжный концерн"
1943

Авторское право, 1919,
Издательство Блоха.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень сердечный прием, оказанный моему предыдущему сборнику "Еврейские сказки и басни", побудил меня продолжить изучение раввинских знаний в интересах, главным образом, детей. Как мудрые раввины древности учитывали потребности малышей, разум которых они понимали так прекрасно, видно из таких легенд, как те, в которых рассказывается о детских подвигах великих библейских персонажей - Авраама, Моисея и Давида. Я переписал эти истории из Талмуда и мидраша в манере, подходящей для современных детей.

Я также рискнул выйти за рамки этих двух замечательных сборников. Легенды и фольклорные предания евреев более позднего периода богаты восхитительным воображением, которое почти полностью неизвестно детям. Я также опирался на эти источники для некоторых из представленных здесь историй. Мое желание состоит в том, чтобы подарить мальчикам и девочкам что-нибудь еврейское, что они могли бы рассматривать как дополнение к сокровищнице общих сказочных знаний и детской романтики.

Тетя Наоми.

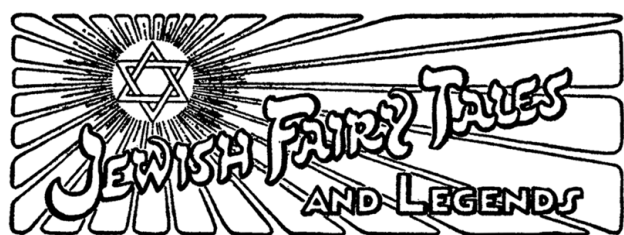
Лондон, *март 1919 г.*

Содержание

	Страница
"ОРЛИНЫЙ ДВОРЕЦ"	15
"ВЕЛИКАН ПОТОПА"	27
"СКАЗОЧНАЯ ПРИНЦЕССА ЭРГЕЦА"	35
"ДВОРЕЦ ХИГГЛИ-ХИГГЛИ"	67
"КРАСНАЯ ТУФЕЛЬКА"	77
"ЗВЕЗДНОЕ ДИТЯ"	87
"ПИР АБИ ФРЕССЫ"	99
"КОРОЛЬ НИЩИХ"	113
"ССОРА КОШКИ И СОБАКИ"	119
"ВОДЯНОЙ МЛАДЕНЕЦ"	127
"СИНДБАД Из ТАЛМУДА"	133
ПРИНЦ-ИЗГОЙ	151
ИСТОРИЯ БОСТАНАЯ	163
ОТ МАЛЬЧИКА-ПАСТУШКА До КОРОЛЯ	173
ВОЛШЕБНЫЙ ДВОРЕЦ	179
СОН НА СТО ЛЕТ	187
КОРОЛЬ НА ТРИ ДНЯ	195
ДВОРЕЦ В ОБЛАКАХ	203
ИГРА ПАПЫ В ШАХМАТЫ	213
СУДЬБА РАБА	225
МОРСКОЙ РАЙ	235
ЧЕЛОВЕК-ПУГАЛО РАВВИНА	243
СКАЗОЧНАЯ ЛЯГУШКА	251
ПРИНЦЕССА ТАУЭРА	259
ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА	277
а. Видение победы	277
б. Страна тьмы	282
с. Чудеса света	288

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Страница
"где дверь?"	Фронтиспис
ОГ, езда весело на единорога позади ковчега, была вполне счастлива	26
странной толпы демонов всех форм и размеров вливается в синагоге с угрожающими жестами	36
он не мог видеть, что Сара видела,—фигура, дух, сжимая в руках большую палку	68
"большой парень разозлился, бить других и разбил их на куски"	88
вскочил со стула, брызгая слюной и проклиная	100
он нашел красивую молодежь, одетый в оленье шкуры, лежащие на земле	112
с криком, он сунул пальцы в рот, чтобы облегчить боль и сожгли его языком	126
они увидели, что Земля поднимется, как гора, и огромный поток воды бьет	134
он поднял глаза и увидел самую красивую женщину, его глаза никогда не видел	150
как Шах поднял свой меч старик шагнул из-за дерева	162
позади него свирепый рев указал, что лев был в погоне	172
ворота открылись изнутри и арабских стоял перед ними	178
солнце светило на благородные город из башенки и минареты	188
он услышал крик тревоги, и увидел, как огромный камень падает на солдата верхом позади него	194
четырех молодых людей установила орлы, которые летали в воздухе, чтобы конец веревки их	202
"ты можешь только мой давно потерянный сын Elkanan!"	214
он присел на свой трон и предполагал, он видел ангелов и демонов, фей	234
монстр был обрушивая вниз к дверям синагоги	244
Ханина и его жена последовала гигантская лягушка	252
гигантской птицы, казалось, не замечали его бремя на всех	258
затем дверь медленно отворилась, и фигура в Белом стояла у входа	276

Орлиный дворец

К востоку от Страны Восходящего Солнца жил король, который проводил все свои дни и половину ночей в удовольствиях. Согласно знаниям того времени, его королевство находилось на краю света и почти полностью было окружено морем. Казалось, никого не волновало, что лежит за каменным барьером, отделяющим сушу от остального мира. Если уж на то пошло, никто, казалось, ни о чем особо не беспокоился в этом королевстве.

Большинство людей последовали примеру короля и вели праздную, беспечную жизнь, не думая о будущем. Король считал задачу управления своими подданными большой неприятностью; он не хотел, чтобы его беспокоили предложениями, касающимися благосостояния масс, и документы, приносимые ему на подпись его советниками, никогда не читались. Насколько он знал, возможно, они ссылались на школьные правила луны, а не на законы торговли и тому подобные общественные дела.

"Не приставайте ко мне", - было его обычным замечанием. "Вы мои советники и государственные служащие. Ведите дела так, как считаете нужным".

И он отправлялся на свою любимую охоту, которая была его любимым занятием.

Земля была плодородной, и никому никогда не приходило в голову, что плохая погода может когда-нибудь сказаться на урожае и вызвать нехватку зерна. Они не приняли никаких мер предосторожности, чтобы заложить запасы пшеницы, и поэтому, когда однажды летом сильно не хватило дождей и поля иссохли, последующая зима была отмечена страданиями. Королевство столкнулось с голодом, и людям это не нравилось. Они не знали, что делать, и когда они обратились к королю, он не смог им помочь. На самом деле, он не мог понять, в чем трудность. Он отнесся к этому очень легкомысленно.

"Я могучий охотник", - сказал он. "Я всегда могу убить достаточно зверей, чтобы обеспечить себя достаточным количеством пищи".

Но засуха погубила траву и деревья, а нехватка такой пищи значительно сократила поголовье животных. Король обнаружил, что в лесах нет ни оленей, ни птиц. Тем не менее, он не смог осознать серьезность ситуации, и то, что он считал чрезвычайно блестящей идеей, осенило его.

"Я исследую неизведанную территорию за барьером скалистых холмов", - сказал он. "Несомненно, там я найду землю изобилия. И, по крайней мере, - добавил он, - это будет приятное приключение с хорошей охотой".

Поэтому была организована большая экспедиция, и король со своими товарищами по охоте отправился на поиски тропы через скалы. Это было совсем нетрудно, и на третий день среди скал и пиков, образующих вершину барьера, был обнаружен проход, и король увидел местность за ним.

Это казалась огромная и прекрасная земля, простиравшаяся, насколько хватало глаз, в лесу из огромных деревьев. Охотники осторожно спустились по другую сторону скального барьера и вступили в неведомую страну.

Он казался необитаемым. Не было видно и никаких признаков присутствия какого-либо зверя или птицы. Ни один звук не нарушал тишины леса, не было видно никаких следов. Насколько могли разглядеть охотники, здесь еще не ступала нога человека. Даже природа, казалось, пребывала в покое. Все деревья были старыми, их стволы искривились в причудливые формы, листья пожелтели и пожухли, как будто рост прекратился давным-давно.

В целом марш-бросок по лесу был довольно жутким, и охотники шли гуськом, что еще больше усиливало впечатляющую странность впечатления. Новизна, однако, понравилась королю, и он продолжал свой путь в течение четырех дней.

Затем лес резко закончился, и исследователи вышли на обширную открытую равнину, пустыню, по которой протекала широкая река. Далеко за ней возвышалась гора, увенчанная скалами правильной формы. Во всяком случае, это были камни, но расстояние было слишком велико, чтобы кто-либо мог говорить с уверенностью.

"Вода, - сказал визирь, - это признак жизни".

Поэтому король решил продолжить путь до самой горы. В реке был обнаружен брод, и, оказавшись на другом берегу, можно было разглядеть скалы, венчающие гору. Они выглядели слишком правильными, чтобы быть простыми скалами, и, подойдя ближе, король убедился, что на вершине горы должно быть огромное здание. Когда они подошли совсем близко, сомнений не осталось. На вершине возвышался то ли город, то ли дворец, и было решено совершить восхождение на следующий день.

Ночью не было слышно ни звука, но, ко всеобщему удивлению, утром была замечена отчетливая тропинка, ведущая в гору. Он так зарос сорняками, мхом и раскидистыми лианами, что было очевидно, что им давно не пользовались. Соответственно, подъем был трудным, но на полпути появились первые признаки жизни, замеченные с начала экспедиции.

Это был орел. Внезапно он слетел с вершины горы и закружил над охотниками, крича, но не делая попыток напасть.

Наконец вершина была достигнута. Это было плоское плато огромной площади, почти все которое было покрыто огромным зданием с массивными стенами и колоссальными башнями.

"Это дворец великого монарха", - сказал король.

Но никакого входа видно не было. Остаток дня прошел в блужданиях, но нигде не было видно ни двери, ни окна, ни проема. На следующее утро было решено предпринять более серьезные усилия, чтобы получить доступ.

Однако это казалось еще большей загадкой, чем когда-либо. Наконец один из самых отважных участников отряда обнаружил орлиное гнездо на одной из самых маленьких башен, с большим трудом поймал птицу и принес ее королю. Его величество приказал одному из своих мудрецов, Муфлогу, знающему птичьи языки, заговорить с ним. Он так и сделал.

Резким каркающим голосом орел ответил: "Я всего лишь молодая птица, мне всего семь столетий. Я ничего не знаю. На башне, более высокой, чем та, на которой я живу, находится гнездо моего отца. Возможно, он сможет дать тебе информацию.

Больше он ничего не сказал. Единственное, что оставалось сделать, это взобраться на башню повыше и расспросить отца-орла. Это было сделано, и птица ответила:

На башне еще выше живет мой отец, а на еще более высокой башне - мой дед, которому две тысячи лет. Возможно, он что-то знает. Я ничего не знаю.

После значительных трудностей удалось достичь самой верхней башни и обнаружить почтенную птицу. Казалось, она спала, и ее разбудили только после долгих уговоров. Затем он настороженно оглядел охотников.

- Дай мне посмотреть, дай мне подумать, - медленно пробормотал он. "Я действительно слышал, когда был крошечным орлиным птенцом, всего несколько лет от роду — это было давным—давно, - что мой прадедуська сказал, что его прадедуська сказал ему, что он слышал, что давным-давно — о, намного дольше этого — в этом дворце жил король; что он умер и оставил его орлам; и что в течение многих, многих, многих тысяч лет дверь была покрыта пылью, принесенной ветром".

"Где дверь?" - спросил Муфлог.

Это была загадка, на которую древняя птица не могла с готовностью ответить. Он думал, думал и заснул, и его приходилось постоянно будить, пока, наконец, он не вспомнил.

- Когда утром светит солнце, - прохрипел он, - его первый луч падает на дверь.

Затем, измученный всеми своими мыслями и разговорами, он снова заснул.

В ту ночь у гостей не было отдыха. Все они смотрели, чтобы убедиться, что первый луч восходящего солнца упадет на дворец. Когда это произошло, место было тщательно отмечено. Но двери видно не было. Поэтому были начаты раскопки, и спустя много часов было найдено отверстие.

Через него был осуществлен вход во дворец. Каким чудесным и таинственным было это место, все заросшее сорняками столетий! Спутанные массы лиан лежали повсюду — на том, что когда-то было аккуратно ухоженными дорожками, и почти полностью скрывали нижние здания. В расщелины стен пробрались корни и своим ростом раздвинули камни. Все это представляло собой ужасную картину запустения. Людям короля пришлось с трудом прорубать мечами путь сквозь заросли сорняков к центральному зданию, и когда они сделали это, то подошли к двери, на которой была надпись, глубоко врезанная в дерево. Этот язык был неизвестен всем, кроме Муфлога, который расшифровал его следующим образом:

"Мы, Обитатели этого Дворца, много лет жили в комфорте и роскоши. Затем пришел Голод. Мы не готовились. У нас было много драгоценных камней, но не зерна. Мы перемалывали жемчуг и рубины в муку высшего сорта, но не могли испечь хлеба. Поэтому мы умираем, завещая этот Дворец орлам, которые пожрут наши тела и построят свои гнезда на наших башнях".

Страшная тишина воцарилась на всей вечеринке, когда Муфлог прочитал эти странные слова, и король побледнел. Это предупреждение из мертвого прошлого делало приключение далеко не приятным. Кое-кто из отряда предложил немедленно прекратить экспедицию и вернуться домой. Теперь они опасались скрытых опасностей. Но король оставался непреклонен.

"Я должен расследовать это до конца", - сказал он твердым голосом. "Те, кто охвачен страхом, могут вернуться. Я пойду дальше, если понадобится, один".

Ободренные этими словами, охотники решили остаться с королем. Один из них начал колотить в дверь, но король стремился сохранить надпись, и после очередного срезания сорняков было видно, что ключ торчит в замочной скважине. Однако отпереть дверь оказалось непростой задачей из-за скопившейся за века ржавчины. Когда, наконец, это было сделано, дверь тяжело скрипнула на петлях, и из сырого коридора, который открылся, донесся затхлый запах.

Исследователи шли по щиколотку в пыли по лабиринту комнат, пока не пришли в большой центральный зал со статуями. Они были так искусно вылеплены, что казались реалистичными в своих позах, и на мгновение все затаили дыхание. В этом зале не было пыли, и Муфлог отметил, что это была герметичная камера. Очевидно, это было специально придумано для сохранения статуй.

"Это, должно быть, изображения королей", - сказал его величество, и, прочитав надписи, Муфлог подтвердил, что это так.

В дальнем конце зала, на пьедестале повыше остальных, стояла статуя, которая была больше остальных. В дополнение к названию на постаменте была надпись. Муфлог прочитал ее в благоговейной тишине:

"Я последний из королей - да, последний из людей, и своими собственными руками завершил эту работу. Я правил тысячей городов, ездил верхом на тысяче лошадей и получал почтение тысячи вассальных князей; но когда пришел Голод, я оказался бессилен. Вы, кто может прочесть это, обратите внимание на судьбу, которая постигла эту землю. Прими только одно слово совета от последнего из смертных; готовь себе еду, пока светает * * *"

Слова оборвались: остальное было неразборчиво.

- Довольно! - крикнул король, и голос его дрогнул. - Это действительно была хорошая охота. В своей глупости и погоне за удовольствиями я узнал то, чего не смог увидеть сам. Давайте вернемся и будем действовать по совету этого короля, который встретил конец, который, несомненно, постигнет и нас, если мы забудем его предупреждение ".

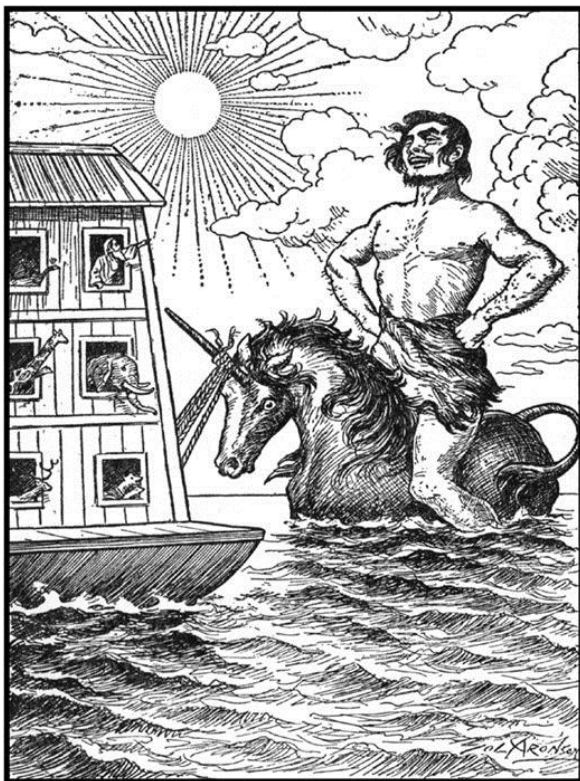
Глядя на равнину, которую они пересекли, его величеству казалось, что он видит процветающие города и улыбающиеся плодородные поля. В воображении он видел караваны, груженные товарами, пересекающие промежуточные пространства. Затем, когда последовали более мрачные мысли, облако, казалось, опустилось на всю землю. Города рушились и исчезали, орлы спикировали вниз и завладели тем, что человек не сумел оценить и удержать; а после орлов пыль веков медленно оседала, накапливаясь год за годом, пока все не покрылось и не осталась видимой только пустыня.

Почти не было произнесено ни слова, пока король и его охотники возвращались в страну к востоку от Восходящего Солнца. В общей сложности они отсутствовали сорок дней, когда вновь пересекли каменный барьер. Их радостно встретили.

"Что вы принесли?" - спросили люди. "Скоро мы будем умирать с голоду".

"Вы не умрете с голоду", - сказал король. "Я принес мудрость из Дворца Орлов. Из судьбы и страданий других я извлек урок — свой долг".

Он сразу же приступил к работе по организации надлежащего распределения запасов продовольствия и возделыванию земли. Он больше не тратил времени на глупые развлечения, и со временем страна к востоку от Восходящего Солнца наслаждалась счастьем и процветанием и даже основала плодородные колонии на равнине, над которой возвышался Орлиный дворец.

Ог, весело скакавший верхом на единороге позади Ковчега, был вполне счастлив.
(Страница 30). [Включить в список](#)

Великан Всемирного потоп

Незадолго до того, как мир утонул, все животные собрались перед Ковчегом, и отец Ной внимательно осмотрел их.

"Все вы, кто ляжет, войдете и будете спасены от потопа, который вот-вот уничтожит мир", - сказал он. "Вы, кто стоит, не можете войти".

Затем различные существа начали входить в Ковчег. Отец Ной внимательно наблюдал за ними. Он казался обеспокоенным.

"Интересно, - сказал он себе, - как я добуду единорога и как перенесу его в ковчег".

"Я могу принести тебе единорога, отец Ной", - услышал он громовой голос и, обернувшись, увидел великана Ога. "Но ты должен согласиться спасти и меня от потопа".

- Убирайся! - крикнул Ной. - Ты демон, а не человек. Я не могу иметь с тобой никаких дел.

- Пожалей меня, - захныкал великан. - Посмотри, как уменьшилась моя фигура. Когда-то я был таким высоким, что мог пить воду из облаков и жарить рыбу на солнце. Я боюсь не того, что утону, но того, что вся пища будет уничтожена и я умру от голода".

Ной, однако, только улыбнулся; но он снова стал серьезным, когда Ог принес единорога. Он был размером с гору, хотя великан сказал, что это самое маленькое, что он смог найти. Она легла перед Ковчегом, и Ной понял по этому действию, что он должен спасти ее. Некоторое время он был озадачен, что делать, но, наконец, его осенила блестящая идея. Он привязал огромного зверя к Ковчегу веревкой, прикрепленной к его рогу, чтобы он мог плавать рядом и получать пищу.

Ог уселся на ближайшей горе и стал смотреть, как льет дождь. Все быстрее и быстрее она обрушивалась потоками, пока реки не вышли из берегов и воды не начали быстро подниматься по суше и сметать все на своем пути. Отец Ной мрачно стоял перед дверью Ковчега, пока вода не достигла его шеи. Затем его затянуло внутрь. Дверь с грохотом захлопнулась, и Ковчег, галантно поднявшись на волне, двинулся дальше. Единорог проплыл рядом, и когда он проплыл мимо Ога, великан запрыгнул ему на спину.

"Видите, отец Ной, - воскликнул он с громким смешком, - вам все-таки придется спасти меня. Я стащу всю еду, которую ты положишь в окно для единорога.

Ной понял, что спорить с Огом бесполезно, который действительно мог потопить Ковчег своей огромной силой.

"Я заключу с тобой сделку", - крикнул он из окна. "Я накормлю тебя, но ты должен пообещать быть слугой моим потомкам".

Ог был очень голоден, поэтому принял условия и съел свой первый завтрак.

Дождь продолжал лить огромными завесами, закрывавшими дневной свет. Однако внутри Ковчега все было ярко и жизнерадостно, потому что Ной собрал самые драгоценные камни на земле и использовал их для окон. Их сияние освещало все три этажа Ковчега. Некоторые животные были беспокойными, и Ной совсем не спал. У льва был сильный приступ лихорадки. В углу все это время спала птица. Это был феникс.

"Просыпайся", - сказал Ной однажды. "Время кормления".

- Спасибо, - ответила птица. - Я видел, что ты был занят, отец Ной, поэтому не стал тебя беспокоить.

"Ты хорошая птица, - сказал растроганный Ной, - поэтому ты никогда не умрешь".

Однажды дождь прекратился, тучи рассеялись, и снова ярко засияло солнце. Каким странным выглядел мир! Он был похож на бескрайний океан. Нигде не было видно ничего, кроме воды, и только одна или две самые высокие горные вершины возвышались над разливом. Весь мир утонул, и Ной смотрел на эту безлюдную сцену из одного из окон со слезами на глазах. Ог, весело скакавший на единороге позади Ковчега, был вполне счастлив.

-Ха-ха-ха! - он радостно рассмеялся. "Теперь я смогу есть и пить столько, сколько захочу, и меня никогда не побеспокоят эти крошечные существа, смертные".

"Не будь так уверен", - сказал Ной. "Эти крошечные смертные станут твоими хозяевами и переживут тебя и всю расу великанов и демонов".

Гиганту такая перспектива не понравилась. Он знал, что все, что предсказал Ной, сбудется, и ему было так грустно, что он два дня ничего не ел и начал становиться все меньше и худее. Он становился все более и более несчастным по мере того, как день ото дня вода спадала и начали появляться горы. Наконец Ковчег остановился на горе Арарат, и долгое путешествие Ога подошло к концу.

"Я скоро покину тебя, отец Ной", - сказал он. "Я обойду весь мир, чтобы посмотреть, что от него осталось".

"Ты не можешь уйти, пока я не разрешу тебе", - сказал Ной. "Неужели ты так быстро забыл о нашем договоре? Ты должен быть моим слугой. У меня есть для тебя работа.

Великаны не любят работать, а Ог, который был отцом всех великанов, был особенно ленив. Его заботили только еда и сон, но он знал, что находится во власти Ноя, и пролил горькие слезы, когда снова увидел землю.

"Остановись", - приказал Ной. "Ты хочешь еще раз затопить мир своими большими слезами?"

Итак, Ог сидел на горе и раскачивался из стороны в сторону, тихо плача про себя. Он наблюдал, как животные покидали Ковчег, и ему приходилось выполнять всю тяжелую работу, когда дети Ноя строили дома. Ежедневно он жаловался, что уменьшился до размеров смертных, потому что Ной сказал, что еды не так уж много.

Однажды Ной сказал ему: "Пойдем со мной, Ог. Я отправляюсь в кругосветное путешествие. Мне приказано сажать фрукты и цветы, чтобы сделать землю красивой. Мне нужна твоя помощь".

Много дней они скитались по всей земле, и Ог был вынужден нести тяжелый мешок с семенами. Последним, что посадил Ной, была виноградная лоза.

"Что это — еда или питье?" - спросил Ог.

"И то, и другое", - ответил Ной. "Его можно есть или из его сока делать вино", и, сажая виноград, он благословил его. "Будь ты, - сказал он, - растением, приятным для глаз, приноси плоды, которые будут пищей для голодных и целебным напитком для жаждущих и больных".

Ог хмыкнул.

"Я принесу жертву этому чудесному плоду", - сказал он. "Могу ли я не сделать этого теперь, когда наши труды закончены?"

Ной согласился, и великан привел овцу, льва, свинью и обезьяну. Сначала он зарезал овцу, потом льва.

"Когда человек отведаст всего несколько капель вина, - сказал он, - он станет безобиден, как овца. Когда он примет еще немного, то станет сильным, как лев".

Тогда Ог начал танцевать вокруг растения и убил свинью и обезьяну. Ной был очень удивлен.

"Я дарю твоим потомкам два дополнительных благословения", - сказал Ог, посмеиваясь.

Он снова и снова катался по земле в великом ликовании, а потом сказал:

"Когда человек выпьет слишком много сока из вина, он превратится в животное, подобное свинье, а если он все еще будет продолжать пить, то будет вести себя глупо, как обезьяна".

И вот почему по сей день слишком большое количество вина делает человека глупым.

Сам Ог часто слишком много пил, и много лет спустя, когда он был слугой патриарха Авраама, последний ругал его до тех пор, пока тот не испугался так, что у него выпал зуб. Из этого зуба Авраам сделал для себя стул из слоновой кости. Впоследствии Ог стал царем Васана, но он забыл о своем договоре с Ноем и вместо того, чтобы помочь израильтянам получить Ханаан, выступил против них.

"Я убью их всех одним ударом", - заявил он.

Приложив всю свою огромную силу, он вырвал с корнем гору и, подняв ее высоко над головой, приготовился обрушить ее на лагерь израильтян и сокрушить его.

Но случилось удивительное. Гора была полна кузнечиков и муравьев, которые проделали в ней миллионы крошечных отверстий. Когда король Ог поднял огромную массу, она рассыпалась в его руках и упала ему на голову и шею, как ошейник. Он попытался стащить ее, но его зубы запутались в массе. Пока он приплясывал от ярости и боли, к нему подошел Моисей, вождь израильтян.

Моисей был крошечным человеком по сравнению с Огом. Его рост составлял всего десять локтей, и он носил с собой меч такой же длины. Могучим усилием он подпрыгнул на десять локтей в воздух и, подняв меч, сумел ударить великана по лодыжке и смертельно ранить его.

Так по прошествии многих лет погиб ужасный великан времен потопа за то, что нарушил свое слово, данное Отцу Ною.

Сказочная принцесса Эргеца

Я

В большом и красивом городе, стоявшем на берегу моря, умирал старик. Его звали Мар Шалмон, и он был самым богатым человеком в стране. Обложенный подушками на богато убранной кровати в роскошной комнате, он со слезами на глазах смотрел через открытое окно на заходящее солнце. Подобно огненному шару, он опускался все ниже и ниже, пока, казалось, почти не остановился на спокойных водах за гаванью. Внезапно Мар Шалмон встрепенулся.

-Где мой сын, Бар Шалмон? - спросил я. - спросил он слабым голосом, и его рука дрожащей рукой скользнула по шелковому покрывалу кровати, словно в поисках чего-то.

"Я здесь, отец мой", - ответил его сын, стоявший у его кровати. Его глаза были влажны от слез, но голос звучал ровно.

"Сын мой, - медленно и с некоторым трудом произнес старик, - я собираюсь покинуть этот мир. Моя душа покинет это хрупкое тело, когда солнце скроется за горизонтом. Я прожил долго и накопил огромное богатство, которое скоро будет твоим. Используй это хорошо, как я учил тебя, ибо ты, сын мой, человек образованный, как и подобает нашей благородной еврейской вере. Я должен попросить тебя пообещать мне одну вещь".

Странная толпа демонов всех форм и размеров ворвалась в синагогу с угрожающими жестами. (Страница 40).[Включить в список](#)

- Я сделаю это, отец мой, - всхлипывая, ответил Бар Шалмон.

"Нет, не плачь, сын мой", - сказал старик. "Мой день окончен; моя жизнь прожита не зря. Я бы избавил тебя от боли, которая была моей в первые дни, когда я, будучи торговцем, сколотил свое состояние. Море там, которое скоро поглотит солнце, сейчас спокойно. Но остерегайся этого, сын мой, ибо это предательство. Обещай мне — нет, поклянись мне, — что никогда не перейдешь его и не попадешь в чужие земли".

Бар Шалмон положил свои руки на руки своего отца.

"Торжественно клянусь, - сказал он прерывающимся голосом, - исполнить твоё желание — никогда не путешествовать по морю, а остаться здесь, на моей родной земле. Это клятва перед тобой, отец мой.

"Это клятва перед небом", - сказал старик. "Храни ее, храни, и небеса благословят тебя. Помни! Смотри, солнце садится".

Мар Шалмон откинулся на подушки и больше ничего не сказал. Бар Шалмон стоял, глядя в окно, пока солнце не скрылось за горизонтом, а затем, беззвучно рыдая, покинул комнату смерти.

Весь город плакал, когда стало известно печальное известие, потому что Мар Шалмон был человеком большого милосердия, и почти все жители проводили останки до могилы. Затем Бар Шалмон, его сын, занял почетное место своего отца в городе, и в нем бедные и нуждающиеся тоже нашли друга, чей кошелек всегда был открыт, а совет всегда мудр.

Так проходили годы.

Однажды в гавань города прибыл странный корабль из далекой страны. Его капитан говорил на неизвестном языке, и послали за Бар Шалмоном, человеком глубоких знаний. Он единственный в городе мог понимать язык капитана. К своему удивлению, он узнал, что груз судна предназначался Мару Шалмону, его отцу.

"Я сын Мар Шалмона", - сказал он. "Мой отец умер, и все свое имущество он оставил мне".

"Тогда, воистину, ты самый счастливый смертный и самый богатый на земле", - ответил капитан. "Мой добрый корабль наполнен огромным запасом драгоценностей, самоцветов и других сокровищ. И знай, о возлюбленный сын Мар Шалмона, этот груз - лишь малая часть богатства, которое принадлежит тебе в стране по ту сторону моря".

"Это странно, - удивленно сказал Бар Шалмон. - мой отец ничего не говорил мне об этом. Я знал, что в молодости он торговал с дальними землями, но он никогда не говорил о тамошних владениях. И, более того, он предупреждал меня никогда не покидать этот берег.

Капитан выглядел озадаченным.

"Я этого не понимаю", - сказал он. "Я всего лишь выполняю приказ моего отца. Он был слугой твоего отца и долгие годы ждал возвращения Мар Шалмона, чтобы забрать свои богатства. На смертном одре он заставил меня поклясться, что я разыщу его хозяина или его сына, и я это сделал".

Он предъявил документы, и не могло быть никаких сомнений в том, что огромное богатство, упомянутое в них, теперь принадлежало Бару Шалмону.

"Теперь ты мой господин, - сказал капитан, - и должен вернуться со мной в страну за морем, чтобы потребовать свое наследство. Еще через год будет слишком поздно, потому что по законам страны это будет конфисковано".

"Я не могу вернуться с тобой", - сказал Бар Шалмон. "Я поклялся перед небом никогда не путешествовать по морю".

Капитан рассмеялся.

"По правде говоря, я не понимаю тебя, как мой отец не понимал твоего", - ответил он. "Мой отец обычно говорил, что Мар Шалмон был странным человеком и, возможно, не настолько здравомыслящим, чтобы пренебрегать своим богатством".

Сердитым жестом Бар Шалмон остановил капитана, но тот был очень встревожен. Теперь он вспомнил, что его отец часто загадочно говорил о чужих землях, и ему действительно стало интересно, мог ли Мар Шалмон быть в здравом уме, чтобы ни словом не обмолвиться о своих богатствах за границей. В течение нескольких дней он обсуждал этот вопрос с капитаном, который в конце концов убедил его отправиться в путешествие.

"Не бойся своей клятвы", - сказал капитан. - По правде говоря, твой достойный отец, должно быть, был лишен рассудка, если не сообщил тебе о своем полном имуществе, а клятва для человека с нездоровым умом необязательна. Таков закон в нашей стране".

"Так оно и есть", - подтвердил Бар Шалмон, и с этим замечанием его последние сомнения исчезли.

Он нежно попрощался со своей женой, ребенком и друзьями и отплыл на незнакомом корабле в страну за морем.

Три дня все шло хорошо, но на четвертый корабль вошел в штиль, и паруса лениво хлопали на мачтах. Морякам ничего не оставалось, как лежать на палубе и ждать попутного ветра, и Бар Шалмон воспользовался случаем, чтобы угостить их пиршеством.

Внезапно, в разгар пиршества, они почувствовали, что корабль начал двигаться. Ветра не было, но судно двигалось очень быстро. Капитан сам бросился к штурвалу. К своей тревоге он обнаружил, что судно неуправляемо.

"Корабль заколдован", - воскликнул он. "Нет ни ветра, ни течения, и все же нас несет вперед, словно перед бурей. Мы погибнем".

Моряками овладела паника, и Бар Шалмон не смог их успокоить.

- Кто-то на борту принес нам несчастье, - сказал боцман, многозначительно глядя на Бар Шалмона. - Нам придется сбросить его за борт.

Его товарищи согласились и бросились к Бару Шалмон.

Однако как раз в этот момент впередсмотрящий на носу взволнованно крикнул: "Впереди земля!"

Корабль по-прежнему отказывался слушаться руля и сел на песчаную отмель. Он задрожал от носа до кормы, но не развалился. Скал не было видно, виднелись только безлюдные участки пустынной земли, на которых то тут, то там росли одинокие деревья.

- Кажется, мы не получили никаких повреждений, - сказал капитан, оправившись от первого изумления, - но как мы собираемся снова держаться на плаву, я не знаю. Эта земля для меня довольно странная".

Он не смог найти его ни на одной из своих карт, и моряки стояли, мрачно глядя на таинственный берег.

"Не лучше ли нам исследовать землю?" - спросил Бар Шалмон.

"Нет, нет!" - взволнованно воскликнул боцман. "Смотрите, на берег не набегают волны. Это не земля людей. Это владения демонов. Мы пропали, если не выбросим за борт того, кто навлек на нас это несчастье".

Сказал Бар Шалмон: "Я приземлюсь и дам пятьдесят серебряных крон всем, кто приземлится со мной".

Однако ни один из матросов не пошевелился, даже когда он предложил пятьдесят золотых крон, и, наконец, Бар Шалмон сказал, что сойдет на берег один, хотя капитан настоятельно просил его этого не делать.

Бар Шалмон легко спрыгнул на берег, и в этот момент корабль сильно затрясло.

"Что я тебе говорил?" - крикнул боцман. "Бар Шалмон - тот, кто принес нам это несчастье. Теперь мы спустим корабль на воду.

Но она по-прежнему оставалась прочно закрепленной на песке. Бар Шалмон подошел к дереву и взобрался на него. Через несколько мгновений он вернулся, держа в руке веточку.

- Земля простирается на многие мили точно так же, как вы видите ее здесь, - крикнул он капитану. "Здесь нет никаких признаков человека или жилья".

Он приготовился снова подняться на борт судна, но матросы не позволили ему. Боцман стоял на носу и угрожал ему саблей. Бар Шалмон поднял прутик, чтобы отразить удар, и ударил по кораблю, который снова задрожал от кормы к корме.

"Разве это не доказательство того, что судно заколдовано?" - закричали матросы, и когда капитан строго приказал им помнить, что Бар Шалмон был их хозяином, они пригрозили и ему.

Бар Шалмон, забавляясь страхами мужчин, снова ударил прутиком по сосуду. Он снова задрожал. В третий раз он поднял веточку.

"Если корабль заколдован, - сказал он, - то что-то произойдет после третьего удара".

"Свист" прозвучал, когда ветка рассекла воздух, и третий удар пришелся по носу судна. Что-то действительно произошло. Корабль почти оторвался от песка, и прежде чем Бар Шалмон успел осознать, что произошло, он быстро понесся прочь.

- Вернись, вернись! - закричал он и увидел, как капитан борется со штурвалом. Но судно отказывалось отвечать, и Бар Шалмон видел, как оно становилось все меньше и меньше и, наконец, исчезло. Он был один на необитаемой пустынной земле.

"Какое жалкое положение для самого богатого человека в мире", - сказал он себе и в следующее мгновение понял, что действительно находится в опасности.

Ужасный рев заставил его оглянуться. К своему ужасу, он увидел льва, направлявшегося к нему. Со скоростью вспышки Шалмон подбежал к дереву и поспешно вскарабкался на ветви. Лев яростно бился о ствол дерева, но пока что Бар Шалмон был в безопасности. Однако приближалась ночь, и лев присел на корточки у подножия дерева, очевидно, намереваясь дожидаться его. Всю ночь лев оставался там, время от времени рыча, и Бар Шалмон вцепился в одну из верхних ветвей, боясь уснуть, чтобы не упасть и не быть съеденным. Когда наступило утро, ему угрожала новая опасность. Огромный орел облетел вокруг дерева и бросился на него со своим жестоким клювом. Затем огромная птица уселась на самую толстую ветку, и Бар Шалмон крадучись двинулся вперед с ножом, который вытащил из-за пояса. Он подкрался к птице сзади, но когда он приблизился, она расправила свои большие крылья, и Бар Шалмон, чтобы его не сбросили с дерева, выронил нож и схватился за птичьи перья. Тут же, к его ужасу, птица поднялась с дерева. Бар Шалмон изо всех сил вцепился ей в спину.

Все выше и выше парил орел, пока деревья внизу не стали казаться простыми точками на земле. Орел стремительно пролетал мили и мили пустыни, пока у Бар Шалмона не закружилась голова. Он ослабел от голода и боялся, что не сможет удержать хватку. Весь день птица летела, не отдыхая, над островом и морем. Не было видно ни домов, ни кораблей, ни людей. Однако ближе к ночи Бар Шалмон, к своей великой радости, увидел огни города, окруженного деревьями, и, когда орел приблизился, он смело спикировал к земле. Сломая голову он бросился вниз. Казалось, он падал несколько часов. Наконец он ударился о дерево. Ветви ломались под тяжестью и силой его падающего тела, а он продолжал падать вниз. Ветки разорвали его одежду в клочья и оставили синяки на теле, но смягчили его ужасное падение, и когда наконец он достиг земли, то не сильно пострадал.

//

Бар Шалмон оказался на окраине города и осторожно пополз вперед. К своему огромному облегчению, он увидел, что первое здание было синагогой. Дверь, однако, была заперта. Уставший, измученный и ослабевший от долгого голодания, Бар Шалмон опустил на ступеньки и зарыдал, как ребенок.

Что-то коснулось его руки. Он поднял глаза. При свете луны он увидел стоящего перед ним мальчика. Таким странным мальчиком он тоже был. У него были раздвоенные лапы, а его пальто, если это было пальто, казалось, было сшито в форме крыльев.

"Иври Оночи, - сказал Бар Шалмон, - я еврей".

"Я тоже", - сказал мальчик. "Следуй за мной".

Он шел впереди, странно прихрамывая, и когда они добрались до дома за синагогой, он спрыгнул с земли, расправляя при этом крылья своего пальто, к окну примерно в двадцати футах от земли. В следующий момент дверь открылась, и Бар Шалмон, к своему удивлению, увидел, что мальчик спрыгнул прямо через окно на дверь, которую он открыл изнутри. Мальчик жестом пригласил его войти в комнату. Он вошел. Пожилой мужчина, в котором он увидел раввина, поднялся, чтобы поприветствовать его.

"Мир вам", - сказал раввин и указал на стул. Он хлопнул в ладоши, и перед баром "Шалмон" немедленно появился стол с едой. Последний был слишком голоден, чтобы задавать какие-либо вопросы в данный момент, и раввин тоже молчал, пока ел. Когда он закончил, раввин хлопнул в ладоши, и стол исчез.

"Теперь расскажи мне свою историю", - сказал раввин.

Бар Шалмон так и сделал.

"Увы! Я несчастный человек", - заключил он. "Я был наказан за нарушение своей клятвы. Помоги мне вернуться домой. Я хорошо вознагражу тебя и искуплю свой грех".

"Твоя история действительно печальна, - серьезно сказал раввин, - но ты не осознаешь всей глубины своего несчастного положения. Осознаешь ли ты, что это за земля, в которую ты был заброшен?"

"Нет", - сказал Бар Шалмон, снова испугавшись.

"Тогда знай, - сказал раввин, - что ты не в стране людей. Ты попал в Эргетц, страну демонов, джиннов и фей.

"Но разве ты не еврей?" - удивленно спросил Бар Шалмон.

"Истинно", - ответил раввин. "Даже в этом мире у нас есть всевозможные религии, как и у вас, смертных".

"Что со мной будет?" - шепотом спросил Бар Шалмон.

"Я не знаю", - ответил раввин. "Сюда приходят немногие смертные, и, боюсь, в основном их приговаривают к смерти. Демоны их не любят.

"Горе, горе мне, - воскликнул Бар Шалмон, - я погиб".

"Не плачь", - сказал раввин. "Я, как еврей, не люблю смерти от насилия и пыток и постараюсь спасти тебя".

- Благодарю тебя! - воскликнул Бар Шалмон.

"Пусть твоя благодарность подождет", - ласково сказал раввин. "В моих жилах течет человеческая кровь. Мой прадед был смертным, который попал в эту землю и не был предан смерти. Будучи смертным по происхождению, я стал раввином. Возможно, ты найдешь здесь благосклонность и тебе будет позволено жить и обосноваться на этой земле".

"Но я хочу вернуться домой", - сказал Бар Шалмон.

Раввин покачал головой.

- Теперь тебе нужно поспать, - сказал он.

Он провел руками по глазам Бар Шалмона, и тот погрузился в глубокий сон. Когда он проснулся, было светло, и мальчик стоял у его кушетки. Он сделал знак Бар Шалмону следовать за ним, провел его по подземному ходу в синагогу и поставил рядом с раввином.

"О твоем присутствии стало известно", - прошептал раввин, и в тот момент, когда он говорил, послышался сильный шум. Это было похоже на дикую болтовню множества высоких голосов. Через все окна и двери в синагогу вливалась странная толпа. Там были демоны всех форм и размеров. У одних были большие тела с крошечными головками, у других - огромные головы и причудливые маленькие тела. У некоторых были большие вытаращенные глаза, у других - длинные широкие рты, и у многих было только по одной ноге у каждого. Они окружили бар "Шалмон" с угрожающими жестами и шумом. Раввин взошел на кафедру.

"Тишина!" - приказал он, и шум немедленно прекратился. "Вы, жаждущие крови смертных, не оскверняйте это святое здание, где я хозяин. То, что ты хочешь сказать, должно подождать до окончания утренней службы".

Они молча и терпеливо ждали, сидя в самых разных странных местах. Некоторые из них примостились на спинках сидений, некоторые, как огромные мухи, цеплялись за колонны, другие сидели на подоконниках, а несколько самых крошечных свисали со стропил на потолке. Как только служба закончилась, шум поднялся с новой силой.

"Отдайте нам клятвопреступника", - кричали демоны. "Он не годится для жизни".

С некоторым трудом раввин утихомирил переполох и сказал:

"Послушайте меня, вы, демоны и духи земли Эргец. Этот человек попал в мои руки, и я несу за него ответственность. Наш король Ашмедай должен знать о его прибытии. Мы не должны осуждать человека, не выслушав его. Давайте подадим прошение королю о справедливом суде над ним".

После некоторых колебаний демоны согласились на это предложение и толпой вышли из синагоги тем же странным образом, в каком пришли. Каждый был вынужден выйти через ту же дверь или окно, через которое вошел.

Бар Шалмона унесли во дворец короля Ашмедая, предшествуемого и сопровождаемого шумной толпой демонов и фей. Казалось, их были миллионы, и все они гремели и указывали на него. Они ковыляли и прыгали по земле, подпрыгивали в воздух, перепрыгивали с крыши дома на крышу, внезапно появлялись из дыр в земле и исчезали за сплошными стенами.

Дворец представлял собой огромное здание из белого мрамора, казавшееся изящным, как кружево. Он стоял на великолепной площади, где множество красивых фонтанов били струями кристально чистой воды. Король Ашмедай вышел на балкон, и при его появлении все демоны и феи замолчали и опустили на колени.

"Чего вы хотите от меня?" - воскликнул он громовым голосом, и раввин приблизился и склонился перед его величеством.

"Смертный, еврей, попал в мои руки, - сказал он, - и твои подданные жаждут его крови. Говорят, он клятвопреступник. Милостивое величество, я бы подал прошение о судебном разбирательстве.

"Что он за смертный?" - спросил Ашмедай.

Бар Шалмон выступил вперед.

"Прыгай сюда, чтобы я мог видеть тебя", - приказал король.

"Прыгайте, прыгайте!" - кричала толпа.

"Я не могу", - сказал Бар Шалмон, глядя на балкон в тридцати футах над землей.

"Попробуй", - сказал раввин.

Бар Шалмон действительно попытался и в тот момент, когда оторвал ноги от земли, обнаружил, что стоит на балконе.

"Ловко сработано", - сказал король. "Я вижу, ты быстро учишься".

"Так всегда говорили мои учителя", - ответил Бар Шалмон.

"Достойный ответ", - сказал король. "Значит, ты ученый".

"В моей родной стране, - ответил Бар Шалмон, - люди говорили, что я был великим среди ученых".

"Итак", - сказал король. "И можешь ли ты передать мудрость человека и человеческого мира другим?"

"Я могу", - сказал Бар Шалмон.

"Посмотрим", - сказал король. "У меня есть сын, жаждущий таких знаний. Если ты сможешь ознакомить его с запасом своих знаний, твоя жизнь будет сохранена. Ходатайство о судебном разбирательстве удовлетворено".

Король взмахнул скипетром, и двое рабов схватили Бар Шалмона за руки. Он почувствовал, как его оторвало от балкона и стремительно понесло по воздуху. Рабы полетели с ним через огромную площадь, а когда оказались над самым большим из фонтанов, ослабили хватку. Бар Шалмон думал, что упадет в фонтан, но, к своему изумлению, обнаружил, что стоит на крыше здания. Рядом с ним был раввин.

"Где мы?" - спросил Бар Шалмон. "Я чувствую себя сбитым с толку".

"Мы находимся в Суде Справедливости, в ста милях от дворца", - ответил раввин.

Перед ними появилась дверь. Они вошли и оказались в прекрасном зале. Трое судей в красных мантиях и пурпурных париках восседали на помосте, и огромная толпа заполняла

галереи таким же странным образом, как и в синагоге. Бар Шалмон разместился на небольшом помосте перед судьями. Крошечный эльф, всего около шести дюймов в высоту, встал на другую небольшую платформу по правую руку от него и начал читать со свитка, у которого, казалось, не было конца. Он прочитал весь отчет о жизни Бар Шалмона. Не пропало ни одно маленькое событие.

- Обвинение против Бар Шалмона, смертного, - заключил дух, - заключается в том, что он нарушил торжественную клятву, данную на смертном одре своего отца.

Тогда раввин вступился за него и заявил, что клятва не имеет обязательной силы, потому что отец Бар Шалмона не сообщил ему о своих сокровищах за границей и, следовательно, не мог быть в здравом уме. Кроме того, добавил он, Бар Шалмон был ученым, и король пожелал, чтобы он научил своей мудрости наследного принца.

Главный судья поднялся, чтобы огласить приговор.

"Бар Шалмон, - сказал он, - по праву ты должен умереть за нарушенную клятву. Это тяжкий грех. Но есть сомнение, что твой отец, возможно, был не в своем уме. Поэтому твоя жизнь будет сохранена".

Бар Шалмон выразил свою благодарность.

- Когда я смогу вернуться домой? - спросил он.

"Никогда", - ответил верховный судья.

Бар Шалмон покинул корт в очень подавленном настроении. Теперь он был в безопасности. Демоны не осмеливались приставать к нему, но он страстно желал вернуться в свой дом.

"Как мне вернуться во дворец?" он спросил раввина. - Возможно, после того, как я передам свои знания наследному принцу, король позволит мне вернуться на родину.

"Этого я не могу сказать. Пойдем, полетим со мной", - сказал раввин.

"Лети!"

"Да, вижу, у тебя есть крылья".

Бар Шалмон заметил, что теперь он был одет точно так же, как и все демоны. Когда он раскинул руки, то обнаружил, что может летать, и быстро поплыл по воздуху ко дворцу. Он думал, что с этими крыльями сможет улететь домой.

"Не думай так, - сказал раввин, который, казалось, мог читать его мысли, - ибо твои крылья бесполезны за пределами этой земли".

Бар Шалмон пришел к выводу, что в настоящее время для него будет лучше выполнять его инструкции, и усердно принялся обучать наследного принца. Принц был способным учеником, и они стали большими друзьями. Король Ашмедай был в восторге и сделал Бар Шалмон одним из своих любимых.

Однажды король сказал ему: "Я собираюсь на некоторое время покинуть город, чтобы предпринять кампанию против мятежного племени демонов за тысячи миль отсюда. Я должен взять с собой наследного принца. Я оставляю тебя отвечать за дворец.

Король подарил ему огромную связку ключей.

"Эти двери, - сказал он, - ведут во все тысячи комнат дворца, кроме одной. От этой комнаты нет ключа, и ты не должен входить в нее. Берегись".

В течение нескольких дней Бар Шалмон развлекался, осматривая сотни комнат огромного дворца, пока однажды не подошел к двери, от которой у него не было ключа. Он забыл предупреждение короля и свое обещание повиноваться.

"Откройте мне эту дверь", - сказал он своим слугам, но они ответили, что не могут.

- Ты должен, - сердито сказал он, - вскрыть его.

"Мы не знаем, как взломать дверь", - сказали они. "Мы не смертны. Если бы нам разрешили войти в комнату, мы бы просто прошли сквозь стены".

Бар Шалмон не мог этого сделать, поэтому он навалился плечом на дверь, и она довольно легко поддалась.

Странное зрелище предстало его взору. Прекрасная женщина, самая красивая, какую он когда-либо видел, восседала на золотом троне, окруженная волшебными слугами, которые исчезли, как только он вошел.

"Кто ты?" - спросил Бар Шалмон в великом изумлении.

- Дочь короля, - ответила принцесса, - и твоя будущая жена.

- В самом деле! Откуда ты это знаешь? - спросил он.

"Ты нарушил свое обещание, данное моему отцу, королю, не входить в эту комнату", - ответила она. — Следовательно, ты должен умереть, если только...

- Скажите мне быстро, - перебил Бар Шалмон, побледнев, - как можно спасти мою жизнь.

"Ты должен просить моей руки у моего отца", - ответила принцесса. "Только став моим мужем, ты сможешь спастись".

"Но у меня на родине есть жена и ребенок", - сказал Бар Шалмон, сильно встревоженный.

- Теперь ты потерял надежду вернуться, - медленно произнесла принцесса. - Ты снова нарушил обещание. Кажется, теперь тебе это дается легко".

Бар Шалмон не хотел умирать, и он со страхом и трепетом ждал возвращения короля. Как только он услышал о приближении короля Ашмедая, он поспешил ему навстречу и бросился на землю к ногам его величества.

"О король, - воскликнул он, - я видел твою дочь, принцессу, и я желаю взять ее в жены".

"Я не могу отказаться", - ответил король. "Таков наш закон— тот, кто первым увидит принцессу, должен стать ее мужем или умереть. Но будь осторожен, Бар Шалмон. Ты должен поклясться любить и быть верным всегда".

"Я клянусь", - сказал Бар Шалмон.

Свадьба прошла с большой церемонией. Принцессу сопровождала тысяча сказочных подружек невесты, и весь город был блестяще украшен и иллюминирован до тех пор, пока Бар Шалмон не был почти ослеплен ослепительным зрелищем.

Раввин провел церемонию бракосочетания, и Бар Шалмон должен был устно и письменно поклясться, что любит принцессу и никогда ее не бросит. В качестве приданого ему подарили прекрасный дворец, полный драгоценностей, и свадебные торжества продолжались шесть месяцев. Все феи и демоны приглашали их по очереди; они должны были присутствовать на банкетах, вечеринках и танцах в гротах и пещерах, а также в глубине волшебных фонтанов на площади. Никогда прежде в Эргетце не было такого изощренного ликования.

///

Прошло несколько лет, а Бар Шалмон все еще думал о своей родной земле. Однажды принцесса застала его тихо плачущим.

"Почему ты печален, муж мой?" спросила она. "Ты больше не любишь меня, и разве я теперь не прекрасна?"

"Нет, дело не в этом", - сказал он, но долгое время отказывался говорить что-либо еще. Наконец он признался, что ему очень хочется снова увидеть свой дом.

- Но ты связан со мной клятвой, - сказала принцесса.

"Я знаю, - ответил Бар Шалмон, - и я не нарушу его. Позволь мне ненадолго посетить мой дом, и я вернусь и докажу, что я более предан тебе, чем когда-либо".

На этих условиях принцесса согласилась, чтобы он взял отпуск на целый год. Большой черный демон быстро полетел с ним в его родной город.

Как только Бар Шалмон ступил на землю, он решил не возвращаться в страну Эргец.

"Скажи своей царственной госпоже, - обратился он к демону, - что я никогда к ней не вернусь".

Он разорвал на себе одежду, чтобы выглядеть бедняком, но его жена была вне себя от радости, увидев его. Она оплакивала его как умершего. Он не стал рассказывать о своих приключениях, а просто сказал, что потерпел кораблекрушение и вернулся обратно бедным моряком. Он был рад снова оказаться среди людей, слышать свой родной язык и видеть прочные здания, которые не появлялись и не исчезали, когда им заблагорассудится, и по мере того, как проходили дни, он начал думать, что его приключения в сказочной стране были всего лишь сном.

Тем временем принцесса терпеливо ждала окончания года.

Затем она послала большого черного демона вернуть Бар Шалмона.

Бар Шалмон встретил посланника однажды ночью, когда гулял один в своем саду.

"Я пришел забрать тебя обратно", - сказал демон.

Бар Шалмон был поражен. Он забыл, что год закончился. Он чувствовал, что заблудился, но поскольку демон не схватил его силой, он увидел, что есть возможность спастись.

- Вернись и скажи своей госпоже, что я отказываюсь, - сказал он.

"Я возьму тебя силой", - сказал демон.

"Ты не можешь, - сказал Бар Шалмон, - потому что я зять короля".

Демон был беспомощен и вернулся в Эргетц один.

Король Ашмедай был очень разгневан, но принцесса посоветовала ему набраться терпения.

"Я придумаю способ вернуть моего мужа", - сказала она. "Я пошлю других гонцов".

Таким образом, на следующий вечер Бар Шалмон обнаружил в саду группу прекрасных фей. Они изо всех сил старались уговорить его вернуться вместе с ними, но он и слушать не хотел. Каждый день приходили разные посланцы — большие, уродливые демоны, которые угрожали, хорошенькие феи, которые пытались уговорить его, и беспокойные духи и гоблины, которые только раздражали его. Бар Шалмон не мог и шагу ступить, не столкнувшись с посланцами принцессы во всевозможных странных местах. Никто другой не мог их видеть, и часто было слышно, как он разговаривает с невидимыми людьми. Его друзья начали считать его поведение странным.

Король Ашмедай с каждым днем злился все больше и пригрозил самому отправиться за Бар Шалмоном.

"Нет, я пойду, - сказала принцесса. - мой муж не сможет мне противиться".

Она отобрала большое количество слуг, и быстрый полет принцессы и ее свиты по воздуху вызвал сильную бурю, бушевавшую над землями, которые они пересекали. Подобно густой черной туче, они обрушились на землю, где жил Бар Шалмон, и их жуткие крики казались дикими завываниями могучего урагана. Вниз они пронеслись в сильнейшей буре, какой город никогда не знал. Затем, так же быстро, как и началась, буря прекратилась, и люди, которые укрылись в своих домах, снова вышли на улицу.

Маленький сын Бар Шалмона вышел в сад, но быстро бросился обратно в дом.

"Отец, выйди и посмотри", - закричал он. "Сад полон странных существ, принесенных бурей. В сад вторглись всевозможные пресмыкающиеся - ящерицы, жабы и мириады насекомых. Деревья, кустарники, дорожки покрыты, и некоторые из них светятся в сумерках, как крошечные фонарики".

Бар Шалмон вышел в сад, но не увидел жаб и ящериц. То, что он увидел, было огромным множеством демонов, гоблинов и духов, а в розовом кусте - принцесса, его жена, сияющая, как звезда, в окружении сопровождающих ее фей. Она протянула к нему руки.

"Муж мой, - взмолилась она, - я пришла умолять тебя вернуться со мной в землю Эргетц. К сожалению, я скучал по тебе; долго я ждал твоего прихода, и трудно было унять гнев моего отца. Пойдем, муж мой, возвращайся со мной; тебя ждет великий прием".

"Я не вернусь", - сказал Бар Шалмон.

"Убейте его, убейте его", - завопили демоны и окружили его, яростно жестикулируя.

"Нет, не причиняй ему вреда", - приказала принцесса. "Подумай хорошенько, Бар Шалмон, прежде чем снова отвечать. Солнце село, и надвигается ночь. Подумай хорошенько до восхода солнца. Приди ко мне, вернись, и все будет хорошо. Откажись, и с тобой поступят так, как ты того заслуживаешь. Хорошенько подумай перед восходом солнца.

"А что произойдет на рассвете, если я откажусь?" - спросил Бар Шалмон.

- Увидишь, - ответила принцесса. - Подумай хорошенько и помни, я жду тебя здесь до восхода солнца.

"Я ответил; я бросаю тебе вызов", - сказал Бар Шалмон и ушел в дом.

Ночь прошла под странную, заунывную музыку в саду, и солнце взошло во всем своем великолепии и пролило свои золотые лучи на город. И с наступлением рассвета еще более странные звуки разбудили жителей города. На рыночной площади их взорам предстало удивительное зрелище. Он был заполнен сотнями и сотнями самых странных существ, которых они когда-либо видели, гоблинами и брауни, демонами и феями. Изящные маленькие эльфы бегали по площади к восторгу детей, а причудливые эльфы карабкались по фонарным столбам и сидели на корточках на фронтонах здания городского совета. На ступенях этого здания стояла сверкающая толпа фей и сопровождающих их гениев, и среди них стояла принцесса, ослепительное видение, сияющее, как утренняя заря.

Мэр города не знал, что делать. Он надел свою служебную цепь и произнес длинную приветственную речь принцессе.

"Благодарю вас за сердечный прием, - сказала принцесса в ответ, - и вы, мэр, и вы, добрые люди этого города смертных, прислушайтесь ко мне. Я принцесса Волшебной страны Эргец, где мой отец, Ашмедай, правит как король. Среди вас есть тот, кто является моим мужем."

"Кто он?" - изумленно спросили в толпе.

"Его зовут Бар Шалмон, - ответила принцесса, - и с ним я связана клятвами, которые нельзя нарушать".

"Это ложь", - закричал Бар Шалмон из толпы.

- Это правда. Взгляните на нашего сына, - ответила принцесса, и вперед выступил изящный мальчик-эльф, чье лицо было копией лица Бар Шалмона.

"Я прошу вас, смертные города, — продолжала принцесса, - только одного, справедливости - той самой справедливости, которую мы в земле Эргец воздали Бар Шалмону, когда, нарушив свою клятву, данную своему отцу, он отплыл в чужую страну и был передан в наши руки. Мы сохранили ему жизнь; мы удовлетворили его ходатайство о новом судебном разбирательстве. Я лишь прошу, чтобы вы удовлетворили мое такое же ходатайство. Выслушайте меня в вашем Суде справедливости".

"Твоя просьба вполне разумна, принцесса", - сказал мэр. "Нельзя сказать, что незнакомцам здесь отказывают в правосудии. Бар Шалмон, следуйте за мной".

Он провел их в Палату правосудия, и магистраты города услышали все, что сказали принцесса и ее свидетели, среди которых был раввин, а также все, что сказал Бар Шалмон.

"Совершенно очевидно, - сказал мэр, вынося приговор, - что ее королевское высочество, принцесса Сказочной страны Эргетц, сказала правду. Но у Бар Шалмона в этом городе есть жена и ребенок, с которыми он связан узами, которые невозможно разорвать. Бар Шалмон должен развестись с принцессой и вернуть ей приданое, полученное им при их браке".

"Если таков ваш закон, я согласна", - сказала принцесса.

"Что скажешь ты, Бар Шалмон?" - спросил мэр.

- О! Я доволен, - хрипло ответил он. "Я согласен на все, что избавит меня от принцессы демонов".

Принцесса покраснела от стыда и ярости при этих жестоких словах.

"Я не заслужила этих слов", - гордо воскликнула она. "Я любила тебя и была верна тебе, Бар Шалмон. Я принимаю решение ваших законов и возвращаюсь в землю Эргец вдовой. Я не прошу вашей жалости. Я прошу лишь о том, что принадлежит мне по праву, - об одном последнем поцелуе.

- Очень хорошо, - сказал Бар Шалмон еще более хрипло, - все, что угодно, лишь бы иметь с тобой дело.

Принцесса гордо шагнула к нему и поцеловала в губы.

Бар Шалмон смертельно побледнел и упал бы, если бы его не подхватили друзья.

— Прими наказание за все свои грехи, - надменно воскликнула принцесса, - за нарушенные тобой клятвы и лживые обещания, за лжесвидетельство перед твоим Богом, твоим отцом, моим отцом и мной.

Пока она говорила, Бар Шалмон замертво упал к ее ногам. По знаку принцессы ее свита из фей и демонов вылетела из здания, поднялась в воздух вместе со своей королевской госпожой и исчезла.

Запутанный дворец

Сарра, жена патриарха Авраама и великая мать еврейского народа, была самой красивой женщиной, которая когда-либо жила. Все, кто видел ее, восхищались ослепительным сиянием ее лица; они стояли, очарованные великолепным светом, который сиял в ее глазах, и чудесной чистотой ее лица. Это сильно беспокоило Авраама, когда он бежал из Ханаана в Египет. Его приводило в замешательство то, что толпы путешественников смотрели на его

жену так, словно она была чем-то большим, чем человек. Кроме того, он опасался, что египтяне захватят Сарру для царского гарема.

Итак, после долгих раздумий он спрятал свою жену в большой коробке. Когда он прибыл на египетскую границу, таможенники спросили его, что в нем содержится.

"Ячмень", - ответил он.

"Вы так говорите, потому что пошлина на ячмень самая низкая", - сказали они. "В коробке, несомненно, должна быть пшеница".

Он не мог видеть того, что видела Сара — фигуру, дух, сжимающий большую палку.
(Страница 72).[Включить в список](#)

"Я заплачу пошлину на пшеницу", - сказал Абрахам, который больше всего на свете беспокоился, чтобы они не открывали коробку.

Чиновники были удивлены, поскольку, как правило, люди старались уклониться от уплаты пошлин.

"Если вы так готовы платить более высокий налог, - сказали они, - в коробке должно быть что-то более ценное. Возможно, в нем содержатся специи.

Авраам намекнул на свою готовность уплатить пошлину на специи.

"О, о!" - засмеялись офицеры. "Вот странный человек, готовый платить большие взносы. Должно быть, ему не терпится что-то спрятать - может быть, золото.

- Я заплачу пошлину золотом, - спокойно сказал Абрахам.

Теперь офицеры были совершенно сбиты с толку.

"Наш высший долг, - сказал их вождь, - хранить драгоценные камни, и поскольку вы отказываетесь открыть шкатулку, мы должны потребовать уплаты налога на самые дорогие камни".

"Я заплачу", - просто сказал Абрахам.

Офицеры полиции вообще не могли этого понять и, посоветовавшись между собой, решили, что ящик необходимо открыть.

"В нем может содержаться что-то очень опасное", - утверждали они.

Абрахам запротестовал, но его арестовали охранники, и ящик взломали. Когда Сара была раскрыта, официальные лица отступили назад в изумлении и восхищении.

"Действительно, редкая драгоценность", - сказал вождь.

Было немедленно решено отправить Сарру к царю. Когда фараон увидел ее, он пришел в восторг. Она была просто одета в одежду крестьянки, без украшений и драгоценностей, и все же королю показалось, что он никогда не видел женщины столь чарующе красивой. Однако, когда он увидел Абрахама, его чело омрачилось.

- Кто этот человек? - спросил он у Сары.

Опасаясь, что он может быть заключен в тюрьму или даже казнен, если она признает его своим мужем, Сара ответила, что он ее брат.

Фараон почувствовал облегчение. Он улыбнулся Аврааму и приятно поприветствовал его.

"Твоя сестра чрезвычайно красива на вид, - сказал он, - и прелестна фигурой. Она околдовала меня своим несравненным очарованием. Она станет любимицей моего гарема. Я хорошо вознагражу тебя за потерю ее. Ты будешь осыпан подарками.

Авраам был слишком мудр, чтобы выдать гнев, бушевавший в его сердце.

- Мужайся, моя возлюбленная, - прошептал он Саре. - Добрый Бог не оставит нас.

Он сделал вид, что соглашается с предложением фараона, и главный управляющий царя дал ему обильный запас золота, серебра и драгоценных камней, а также овец, быков и верблюдов. Авраама отвели в прекрасный дворец, где множество рабов сопровождали его и склонялись перед ним, ибо тот, кого монарх осыпал милостями, был великим человеком в стране фараона. Оставшись один, Авраам начал самым истовым образом молиться.

Тем временем Сару провели в великолепные апартаменты, где личным слугам королевы было приказано облачить ее в самые богатые королевские одежды. Затем ее привели к фараону, который отпустил всех слуг.

"Я хочу побыть с тобой наедине", - сказал король Сарре. "Мне нужно многое сказать тебе, и я жажду полюбоваться этими чертами редкой красоты".

Но Сара отшатнулась от него. Ей он показался уродливым и отвратительным. Его улыбка была злобной ухмылкой, а голос звучал как хриплое карканье.

- Не бойся, - сказал он, стараясь говорить нежно. - Я не причиню тебе вреда. Нет, я осыплю тебя почестями. Я исполню любую твою просьбу".

- Тогда позволь мне уйти отсюда, - быстро сказала Сара. - Я ничего не желаю, кроме того, чтобы ты позволил мне уехать с моим братом.

"Ты шутишь", - сказал фараон. "Этого не может быть. Я сделаю тебя королевой! - страстно воскликнул он и сделал движение к ней.

- Остановись! - закричала Сарра. - Если ты сделаешь еще хоть шаг...

Фараон прервал ее со смехом. Угрожать царю было так забавно, что он не смог удержаться от хриплого хихиканья. Но Сарра внезапно замолчала. Она смотрела не на него, а за его спину. Фараон обернулся, но ничего не заметил. Он не мог видеть того, что видела Сарра — фигуру, дух, сжимающий большую палку.

"Ну же, - сказал король, - не будь глупой. Я не могу сердиться на такое прекрасное создание, как ты. Но не подобает — нет, это неразумно — угрожать тому, кто носит корону".

Сарра ничего не ответила. Она больше не боялась. Она знала, что ее молитвы и молитвы Авраама были услышаны и что с ней ничего не случится. Фараон неправильно истолковал ее молчание и двинулся к ней. Однако, когда он сделал это, он почувствовал сильный удар по голове. На мгновение он был ошеломлен. Придя в себя, он оглядел комнату, но ничего не увидел. Сара продолжала стоять неподвижно.

- Странно, - пробормотал фараон. — Я... я подумал, что кто-то вошел в комнату.

Он снова двинулся к Саре и снова получил сокрушительный удар — на этот раз по плечу. Только огромным усилием воли он не закричал от боли. Он решил, что, должно быть, его охватила какая-то внезапная болезнь, но через мгновение почувствовал себя лучше и храбро попытался улыбнуться Саре.

"Я— я только что подумал о чем-то очень важном", - сказал он, пытаясь предложить какое-то объяснение тому, что чуть не упал недостойным образом. Он подошел ближе к Саре и начал поднимать руку, чтобы прикоснуться к ней.

- Если ты тронешь меня хотя бы пальцем, это будет на твой страх и риск! - воскликнула Сара, гневно сверкнув глазами.

- Тьфу! - воскликнул он, теряя терпение, и поднял руку.

На этот раз невидимая фараону дубинка духа не поразила его: она мягко опустилась и легла на вытянутую руку царя. И фараон не мог сдвинуть его с места. Он побледнел и задрожал.

- Ты ведьма? - наконец выдохнул он.

Сара так разозлилась, услышав это оскорбление, что сверкнула глазами духу, и тот с размаху ударил своей дубинкой по голове и плечам короля, заставив монарха разразиться самыми не по-королевски воплями боли.

"Твоего прощения, твоего прощения, я молю", - сумел прокричать он. "Я имел в виду не то, что сказал. Я болен - очень болен. Мое тело ноет. Моя рука парализована".

Удары дубинкой прекратились, и фараон смог пошевелить рукой. Он корчился в агонии, потому что был весь в синяках. Он поспешно ушел, сказав, что вернется завтра. Сара обнаружила, что заперта, но ее больше никто не беспокоил.

Фараона, однако, ждали дальнейшие приключения. Дух был в веселом настроении и устроил ночное развлечение за счет царя. Как только царь лег на свое ложе, дух перевернул его и отправил его растягиваться на полу. Всякий раз, когда фараон пытался лечь, происходило то же самое. Он переходил из одной комнаты в другую, но все попытки отдохнуть были напрасны. Каждая кровать отвергала его, и каждый стул и кушетка делали то же самое, хотя, когда он приказывал другим лечь, они делали это вполне комфортно. Он попытался лечь рядом с одним из своих слуг, но в то время как последнему удавалось оставаться невозмутимым, фараон обнаружил, что его тело приподнято, он встал на голову, развернулся, а затем перекатился по земле.

Его врачи не могли предложить никакого лекарства, его маги, поспешно вызванные ото сна, не могли дать никаких объяснений, и фараон провел ужасную ночь, бродя из комнаты в комнату, вверх и вниз по коридорам, где углы, казалось, уходили из-под ног, чтобы наткнуться на него, а лестница, казалось, опускалась, когда он хотел подняться, и наоборот. Такого беспорядочного дворца никто никогда не видел. Хуже того, с первыми лучами рассвета он заметил, что поражен проказой.

Он поспешно послал за Авраамом и сказал: "Кто ты и что ты, я не знаю. Ты и твоя сестра навлекли на меня бедствие. Я хотел сделать ее своей королевой, но теперь я говорю тебе: избавь меня от этой проказы и убирайся отсюда вместе со своей сестрой. Я одарю тебя богатствами, но убирайся отсюда, и как можно скорее".

С помощью волшебного драгоценного камня, который он носил на груди, Авраам вернул фараону здоровье, а затем удалился вместе с Саррой. Эти последние слова он сказал фараону:

"Сарра мне не сестра, а жена. Я даю тебе это предупреждение. Если твои потомки когда-нибудь попытаются преследовать наших потомков, тогда наш Бог, Он, Единый Бог вселенной, несомненно, снова накажет короля чумой".

И много лет спустя, как вы читаете в Библии, предсказание сбылось.

Красная Туфелька

Рози-ред была милой маленькой девочкой с прекрасными голубыми глазами, нежно-розовыми щечками и великолепными золотисто-рыжими волосами того оттенка, который любят рисовать художники. Ее мать умерла в день ее рождения, но бабушка ухаживала за ней с такой нежной заботой, что Рози-ред считала ее своей матерью. Она была очень счастлива, была Рози-ред. Весь день напролет она пела, весело носясь по дому или окружавшему его лесу, и ее голос был таким мелодичным, что птицы собирались на деревьях, чтобы послушать ее и подбодрить продолжать, изящно щебеча всякий раз, когда она замолкала.

Веселая Рози-ред выполняла все маленькие обязанности, которые поручала ей бабушка, а на праздники ей разрешалось надевать восхитительную пару красных кожаных туфелек, подарок отца ей на первый день рождения. Теперь, хотя ни она, ни ее отец об этом не знали, это были волшебные тапочки, которые становились все больше по мере роста ее ног. Рози-ред была всего лишь ребенком и поэтому не знала, что тапочки обычно не растут. Ее бабушка знала секрет тапочек, но никому не сказала, а ее отец стал слишком угрюмым и слишком глубоко погруженным в свои мысли и дела, чтобы что-либо заметить.

Однажды — Рози-ред вспоминала это с грустью — она вернулась из леса и обнаружила, что ее бабушка исчезла, а в доме три незнакомые женщины. Она внезапно замолчала посреди своего пения, и ее щеки побледнели, потому что ей не понравился вид незнакомцев.

- Кто вы? - спросила она.

"Я твоя новая мать, - ответила старшая из троих, - а это мои дочери, две твои новые сестры".

Рози-ред задрожала от страха. Они все трое были такими уродливыми, и она заплакала.

Ее новые сестры отругали ее за это и избили бы, если бы не появился отец. Он говорил ласково, сказав ей, что снова женился, потому что был одинок, и что ее мачеха и сводные сестры будут добры к ней. Но Рози-ред знала другое. Она поспешила в свою маленькую комнату и спрятала тапочки, которыми очень гордилась.

"Они выставили мою дорогую бабушку за дверь; они заберут у меня мои красивые тапочки", - всхлипывала она.

После этого Рози-ред больше не пела. Она стала мрачной девушкой и труженицей. Птицы не могли понять. Они следовали за ней по лесу, но она молчала, как будто лишилась дара речи, и казалось, что из ее глаз всегда вот-вот хлынут слезы. Кроме того, она была слишком занята, чтобы замечать своих пернатых друзей.

Ей приходилось собирать дрова для дома, черпать воду из колодца и с трудом тащить тяжелое ведро, от веса которого у нее ныли руки и спина. Иногда ее белые руки тоже были покрыты синяками, потому что ее жестокие и эгоистичные сводные сестры, не колеблясь, били ее. Часто они ходили на вечеринки или танцы, и в этих случаях ей приходилось выступать в роли их горничной и помогать им одеваться. Рози-ред не возражала; она была счастлива, только когда их не было дома. Только тогда она тихонько напевала про себя, и птицы слетались послушать.

И так прошло много несчастливых лет.

Однажды, когда ее отца не было дома, ее сводные сестры отправились на свадебный танец. Они сказали ей, чтобы она не забывала черпать воду из колодца, и предупредили, что если она забудет, как в прошлый раз, они безжалостно избьют ее, когда вернутся.

Такая румяная, несмотря на усталость, она вышла в темноту за водой. Она опустила ведро, но веревка оборвалась, и ведро упало на дно колодца. Она побежала домой за длинной палкой с крючком на конце, чтобы достать ведро, и, опуская его в воду, запела:

Размахивайте и считайте, пока все не прилипнет
И благополучно не всплывет на поверхность.

Случилось так, что на дне колодца жил спящий джинн. Его можно было разбудить только заклинанием, и хотя Рози-ред не знала этого, произнесенные ею слова, которые она однажды слышала от своей бабушки, были заклинанием.

Джинн проснулся и был так обрадован сладким голосом, что тут же решил помочь девушке, которая, как он увидел, смотрела вниз, в воду. Он привязал ведро к палке и, взяв несколько драгоценностей из сокровищницы, хранителем которой он был, положил их внутрь.

- О, как красиво! - воскликнула Рози-ред, увидев сверкающие драгоценные камни. - Они всегда намного красивее тех, что надевают мои сестры, отправляясь на бал.

Затем она некоторое время сидела, размышляя, и ей в голову пришла блестящая идея.

"Я подарю эти драгоценности своим сестрам", - сказала она. "Возможно, они будут добрее ко мне".

Она нетерпеливо подождала, пока сестры вернутся с танцев, и сразу же рассказала им. На мгновение они были слишком ошеломлены, чтобы говорить, когда увидели сверкающие драгоценные камни. Затем они многозначительно посмотрели друг на друга и спросили, как они попали к ней. Рози рассказала им о словах, которые она спела.

"Ах, мы так и думали", - сказали сестры, к ее ужасу. "Драгоценности наши. Мы спрятали их в колодце для сохранности. Ты украл их".

Напрасно Рози-ред протестовала. Ее сестры не слушали. Они жестоко избили ее, сказали, чтобы она поскорее шла спать, а затем, схватив ведро, поспешили к колодцу. Они опустили ведро и пропели слова, которые пела Рози-ред. По крайней мере, им казалось, что они поют; но голоса у них были резкие. Спящий джинн снова проснулся, но ему не понравился каркающий звук, который издавали сестры.

-Ха-ха-ха! - рассмеялся он. "Я научу тебя нарушать мой сон отвратительными звуками и накажу за такие шалости, разыгранные надо мной. Вот еще несколько квакушек", - и он наполнил ведро склизкими жабами и лягушками.

Сестры были так взбешены, что прибежали домой и вытащили бедняжку Рози-ред из ее постели.

"Ты кошка, ты воровка", - закричал один из них.

"Ты жульничаешь!" - воскликнул другой. "Ступай. Ни дня больше ты не сможешь оставаться в этом доме".

Рози-ред была слишком захвачена врасплох, чтобы что-то сказать. Было возмутительно выгнать ее из дома отца, пока он был в путешествии, но ей пришла в голову мысль, что она вряд ли могла быть менее счастлива, живя одна в лесу.

У нее было время только схватить свои красивые красные туфельки, и, как только дом скрылся из виду, она надела их. Это заставило ее чувствовать себя менее несчастной. Взошло солнце, и когда его лучи осветили ее, она начала петь. Со своими старыми друзьями, птицами, щебетавшими вокруг нее, она чувствовала себя совершенно счастливой.

Она шла все дальше и дальше, гораздо дальше в лес, чем когда-либо прежде. Когда она уставала, всегда находился приятный тенистый уголок, где она могла отдохнуть; когда она проголодалась, там в изобилии росли фруктовые деревья; а когда ее мучила жажда, она всегда приходила к источнику с чистой, свежей водой. Волшебные тапочки вели ее. Весь день она бродила, и когда ближе к вечеру заметила, что ее тапочки в грязи, она сняла их, чтобы почистить. А потом наступила темнота. Пошел дождь, и она испугалась. Она сидела на корточках под деревом, пока не заметила свет неподалеку. Она встала и пошла к нему.

Подойдя совсем близко, она увидела, что свет исходит из пещерного жилища. Навстречу ей вышла пожилая женщина. Это была ее бабушка, но прошло так много лет, что Рози-ред не узнала ее. Бабушка, однако, сразу узнала ее. "Входи, дитя мое, и укройся от дождя", - ласково сказала она, и Рози-ред была только рада принять приглашение.

Внутри пещеры было довольно уютно, и Рози-ред, которая была почти полностью измотана, быстро крепко уснула. Вздвогнув, она проснулась.

- Мои красивые красные туфельки! - воскликнула она. - Где они? - спросила я.

Она сунула руку в карман своего изодранного платья, но нашла только один.

- Должно быть, я потеряла другую, - всхлипнула она. - Я должна выйти и поискать ее.

"Нет, нет", - сказала матушка. "Ты не можешь этого сделать. Бушует буря".

Рози-ред выглянула из пещеры и в страхе отпрянула, увидев вспышку молнии и услышав раскаты грома. Она снова засыпала, рыдая, и на этот раз ее разбудили голоса. Она боялась, что это могли быть ее сестры, которые обнаружили ее убежище и пришли, чтобы силой утащить ее обратно домой. Поэтому она забилась в угол пещеры и внимательно прислушалась.

Говорил мужчина.

"Ты знаешь, кому принадлежит эта красная туфелька?" он спрашивал. "Я нашел ее в лесу".

Рози-ред уже собиралась выбежать из дома, чтобы вернуть потерянную туфельку, когда бабушкин голос — нарочно очень громкий, чтобы она услышала, — остановил ее.

"Нет, нет, я не знаю", - повторяла она снова и снова, и наконец мужчина ушел.

Бабушка вернулась в пещеру и сказала: "Мне очень жаль, Рози-ред, но, насколько я знала, он мог быть посланцем от твоих жестоких сестер; и, конечно, я никому не позволю вернуть тебя к ним".

На следующий день мужчина позвонил снова, на этот раз в сопровождении нескольких сопровождающих. И снова Рози-ред спряталась.

"Я сын вождя и богат", - сказал мужчина. "Я должен найти владельца этой обуви. Только грациозная и красивая девушка может носить такие изящные туфельки".

Рози-ред не знала, испугаться ей больше или обрадоваться, когда бабушка сказала ей, что мужчина был очень красив и благородной осанки.

День за днем он прибывал, каждый раз с новыми слугами, и, наконец, прибыл верхом на верблюде в богатой попоне со ста одним сопровождающим, все верхом, как и он.

- Девушка, которую я ищу, здесь, - сказал он. - Больше не отрицай этого. Мои слуги прочесали лес и всю округу. Можно поклясться, что вчера он слышал, как поет молодая девушка".

Рози-ред увидела, что прятаться больше невозможно. Ей понравился мужской голос, и она храбро вышла в своей единственной туфельке.

Незнакомец, низко склонившись перед ней, протянул другое, и Рози-ред взяла его и надела. Оно сидело идеально.

"Многие девушки пытались надеть эту туфлю, - сказал молодой человек, - но все потерпели неудачу. И я поклялся сделать ее обладательницу своей невестой. Я сын вождя, а ты будешь принцессой.

Итак, Рози-ред покинула пещеру вместе со своей бабушкой и, взобравшись на верблюда, направилась через лес к своему новому дому, где она не знала ничего, кроме счастья, и дни ее страданий были совершенно забыты. И всегда она надевала свои волшебные красные тапочки.

Дитя-Звезда

Когда родился Авраам, его отец Фарра, который был одним из главных военачальников царя Нимрода, устроил пир для большого числа своих друзей. Он развлекал их самым роскошным

образом, и самым веселым из гостей был глава королевских магов. Это был пожилой человек, чрезвычайно любивший вино и много пивший. Пир продолжался всю ночь, и серый рассвет раннего утра появился в небе прежде, чем друзья Теры сообразили встать из-за стола.

Внезапно старый волшебник вскочил на ноги.

- Смотрите! - взволнованно воскликнул он, указывая через открытую дверь на небо. - Видите вон ту яркую звезду на востоке. Оно проносится по небесам".

Остальные посмотрели, но сказали, что ничего не видят.

"Дураки, - закричал старик, - вы, может, и не видите, но я вижу. Я, мудрейший из королевских магов и астрологов, говорю вам, что это предзнаменование. Посмотрите, как яркая звезда мчится по небу! Оно поглотило звезду поменьше, и другую, и даже третью, и четвертую. Я говорю, это предзнаменование, предвещающее недоброе. И, более того, - добавил он, еще больше возбуждаясь, - это предзнаменование, связанное с рождением маленького сына Теры".

"Этот здоровяк разозлился, избил остальных и разнес их вдребезги". ([Страница 95](#)).[Перечислить](#)

-Чепуха! - воскликнул Терах.

"Не говори мне глупостей", - строго сказал волшебник. "Я должен поспешить сообщить королю".

Он поспешно покинул дом Теры, за ним последовали другие маги, некоторые из которых теперь говорили, что они также видели, как звезда поглотила еще четверых. Они не сочли разумным перечить своему вождю, хотя он выпил много вина и не мог твердо ходить.

Царь Нимрод пробудился ото сна, и его волшебники предстали перед ним.

"О царь, живи вечно", - сказал вождь вместо приветствия. "Воистину, печальная весть заставила нас потревожить тебя во сне. Этой ночью у твоего офицера, Теры, родился сын, и с наступлением рассвета нам в небесах явилось предупреждение. Я, главный из твоих магов, действительно наблюдал, как на востоке взошла яркая звезда, пронеслась по небу и поглотила четыре звезды поменьше".

"Мы тоже это наблюдали", - сказали другие волшебники.

"И что это значит?" - спросил король.

- Это значит, - таинственно произнес главный волшебник, - что это дитя-звезда уничтожит других детей, что его потомки завоюют твоих. Прими предупреждение. Выкупи этого ребенка у своего офицера, Теры, и убей его, чтобы он не стал представлять для тебя опасности.

"Твой совет приятен мне", - сказал жестокий король.

Тщетно протестовал Терах. Король Нимрод не оставил без внимания предупреждение своих волшебников, но согласился дать Терах три дня на то, чтобы забрать ребенка. С опечаленным сердцем Терах вернулся домой и на второй день сообщил своей жене ужасную новость.

"Мы не должны допустить, чтобы наш маленький сын Авраам был убит", - сказала она. "Если он хочет стать великим, он должен жить. У меня есть план. Царь Нимрод не успокоится, пока не будет убит ребенок. Поэтому приведи к нему ребенка рабыни и скажи ему, что это Авраам. Он не заметит разницы. А чтобы уловка не была раскрыта, заberi нашего ребенка и спрячь его на время".

Тере эта идея показалась отличной, и он ее осуществил. Больной ребенок рабыни, родившийся всего за несколько часов до Авраама, был отдан царю Нимроду, который убил его собственными руками, а маленького мальчика Теры кормилица тайно отнесла в пещеру в лесу. Там Авраам был тщательно взращен.

Время от времени Авраама навещали его отец и мать, и только когда ему исполнилось десять лет, они сочли безопасным привести его из пещеры в лесу к себе домой. Но даже тогда они сочли за лучшее быть осторожными. Их старший сын Харан был изготовителем идолов, и Авраам стал его помощником, не сказав Харану, что это его брат.

Авраам, дитя-звезда, был странным маленьким мальчиком. Он не верил в идолов.

"Я поклоняюсь солнцу днем, луне и звездам ночью", - сказал он Харану.

"Бывают моменты, когда ты не видишь ни солнца днем, ни луны и звезд ночью, - сказал Харан, - но ты всегда можешь взять с собой своего идола".

Какое-то время это беспокоило маленького Авраама, но однажды он прибежал к своему брату и сказал: "Я сделал открытие. Я не буду больше поклоняться ни солнцу, ни луне, ни звездам. Должно быть, за ними стоит какая-то могущественная сила, которая приказывает им сиять, солнцу днем, а луне и звездам ночью. Эта великая сила будет моим Богом".

Авраам задавал своему отцу всевозможные странные вопросы. "Кто сотворил солнце, луну и звезды?" он спросил.

"Я не знаю", - ответил Терах.

"Я спрашивал всех твоих идолов, твоих богов, и они не отвечают", - сказал Авраам.

- Они не могут говорить, - сказала Терах.

"Тогда почему ты молишься им и боготворишь их?" - настаивал мальчик.

Терах не ответил. Авраам спросил свою мать, но она могла только сказать ему, что боги, создавшие все, были с ними в доме.

"Но Харан сделал эти глупые штуковины из дерева и глины", - сказал Авраам, и в конце концов они отказались отвечать на его неудобные вопросы.

Большую часть времени он стоял у двери дома, глядя на небо, словно пытаясь разгадать тайны солнца и звезд.

"Тебе следовало бы обратиться к астрологу", - сказал ему однажды Харан. "Ты - дитя звезд".

Терах услышал это и рассердился на Харана, так как боялся, что тайна рождения ребенка может быть раскрыта.

"Я не знаю, почему мой отец держит тебя здесь", - сказал Харан позже Аврааму. "Ты становишься ленивым. Я достаточно поработал сегодня и пойду в лес понаблюдать за охотой. Ты оставайся здесь. Может быть, придет покупатель. Будь внимателен и получи хорошую плату за идолов".

Вскоре после ухода Харана в лавку вошел старик и сказал, что хочет купить идола.

"Вчера я уронил своего идола на землю, и он разбился", - сказал он. "Мне нужен идол покрепче".

"Несомненно, у тебя должен быть бог, настолько сильный, что ничто не сможет сломить его", - ответил Авраам. "Скажи мне, сколько тебе лет?"

"Полных шестьдесят лет, мальчик", - ответил мужчина.

"И все же ты не достиг долгих лет мудрости", - сказал Авраам. "Посмотри, как легко сломать твоих богов", - и он взял палку и одним ударом разбил одного из идолов.

Старик в ужасе выбежал из магазина.

Затем вошла женщина.

"Я слишком бедна, чтобы иметь собственного кумира", - сказала она. "Поэтому я принес немного еды в качестве подношения одному из многочисленных здешних богов".

"Принеси это любому идолу, который понравится тебе", - сказал Авраам со смехом.

Женщина поставила его перед самым маленьким идолем.

"Этот идол маленький и угрюмый", - сказал мальчик. "Оно не принимает твоего подношения", - и он поднял свою палку и ударил по ней.

"Попробуй принести в жертву идола побольше", - сказал он, и женщина так и сделала.

"У тебя тоже нет хороших манер", - сказал Авраам, обращаясь к богу. - "ешь, или я разорву тебя на куски".

Идол, конечно, есть не стал, и тогда Авраам разбил его, а женщина в большой тревоге выбежала на улицу.

Авраам попробовал всех идолов по очереди с едой, и поскольку каждый из них не мог есть, он разбил их все, кроме самого большого. Перед этим идолом, который был ростом с человека, он остановился. Затем, громко рассмеявшись, он вложил в руку идола палку, которой пользовался.

К этому времени у дверей собралась толпа, привлеченная криками старика и женщины.

"Что ты сделал?" - гневно спросили они.

"Я? Ничего", - ответил Авраам. "Смотри, самый большой идол держит в руке большую палку. Мне кажется, что он был зол и убил всех остальных. Спроси его, почему он это сделал".

Люди стояли в замешательстве, пока не вернулись Терах и Харан.

"Что это значит?" спросили они, указывая на разбитых идолов.

"О! Как весело", - ответил Абрахам. "Здесь была драка. Женщина принесла богам подношение с едой, и они поссорились, потому что все хотели этого. Итак, этот здоровяк разозлился и, взяв палку, которую, как вы видите, он все еще держит, избил остальных и разбил их вдребезги".

"Абсурд!" - воскликнул Харан. "Идолы не могут делать такие вещи".

- Попроси этого здоровяка ударить меня, если я солгал, - ответил Абрахам.

- Прекрати нести чушь, - приказал его отец.

- Какие у вас забавные боги, - задумчиво произнес Авраам, стоя перед большим идолом. "Как ты думаешь, он ударит меня, если я ударю его по лицу?"

Прежде чем кто-либо успел его остановить, он ударил идола по лицу, а затем снес ему голову палкой.

Некоторые из людей побежали во дворец, и вскоре пришел приказ от короля Нимрода привести к нему разрушителя идолов. Авраам, Харан и Терах были схвачены стражниками и отправлены во дворец.

"Кто из вас разбил идолов?" - сердито спросил царь.

"Я так и сделал, потому что они были грубыми и не приняли подношение", - сказал Абрахам. "Как они могут быть богами, если у них нет разума?"

- Не совсем глупое замечание, - сказал Нимрод, улыбаясь. "Если идолы тебе не нравятся, тогда поклоняйся огню, который обладает всепожирающей силой".

"Огонь сам по себе может быть погашен водой", - ответил Авраам.

"Тогда поклоняйся воде", - ответил Нимрод.

- Но облака поглощают воду, - сказал мальчик.

"А облака уносит ветер", - сказал Нимрод.

"Человек может противостоять силе ветра", - сказал Авраам.

- Значит, он будет говорить весь день напролет, это дитя звезд! - воскликнул Харан.

- Дитя звезд! - воскликнул главный волшебник. - Теперь я понимаю. О царь, это, должно быть, не кто иной, как дитя Теры, против которого при его рождении мы предостерегали ваше величество. Послание звезд сбылось. Он посмел уничтожить наших богов. Скоро он уничтожит нас".

"Это действительно дитя звезд?" - спросил Нимрод у Теры, но тот не ответил.

- Это правда, ваше величество, - сказал Харан. - Я давно подозревал это.

"Тогда почему ты не сообщил мне?" в ярости воскликнул король. "Я испытаю это звездное дитя силой моего бога, огня. И ты, Харан, за свое пренебрежение тоже должен пострадать. Стражники, пусть они будут связаны и брошены в печь, о которой я молюсь ежедневно. Терах, ты их отец. Я могу простить тебя; ты достаточно пострадаешь, потеряв обоих своих сыновей ради моего бога".

Огонь разгорелся так сильно, что люди, пытавшиеся бросить Авраама и Харрана в пламя, были пойманы и сгорели заживо. Всего погибло двенадцать человек, прежде чем сыновья Теры были брошены в печь. Харран сразу же сгорел дотла, но, к удивлению огромной толпы, стоявшей на безопасном расстоянии, Авраам прошел сквозь пламя невредимым, так как оковы, которыми он был скован, сгорели.

Когда царь Нимрод увидел это, он задрожал.

"Выходи, мальчик, - крикнул он Аврааму, - и я прощу тебя".

- Прикажи своим людям вывести меня отсюда, - ответил он.

Однако все, кто приближался к ужасающему огню, сгорали заживо, и, наконец, когда Нимрод сказал, что склонится перед Богом Авраама, мальчик вышел невредимым.

Все люди склонились перед мальчиком, который велел им встать, сказав: "Поклоняйтесь не мне, но истинному Богу, который обитает на Небесах за пределами солнца и звезд и слава которого повсюду".

Король Нимрод нагрузил мальчика подарками и велел ему возвращаться домой с миром.

Праздник Аби Фрессы

Во всем Багдаде не было более жадного человека, чем Аби Фресса, и вы можете быть уверены, что он не пользовался популярностью. Дело было не в том, что он был богат и отказывался обращать внимание на нужды бедных. По правде говоря, он был купцом со средним достатком и не отказывал в милостыне тем, кто этого заслуживал; но он был человеком с огромным аппетитом и не стеснялся прибегать к хитрости, чтобы получить приглашение на обед.

Действительно, он стал настолько искусен в выпрашивании этих милостей у своих друзей и у тех, с кем торговал, что посвящал большую часть каждого дня еде и оставлял себе мало времени на то, чтобы заняться своими делами. Более того, он неприятно растолстел. Его лицо было красным и раздутым от обильного употребления вина. На него вообще было неприятно смотреть, и те, кто раньше были его друзьями, пришли к выводу, что настал день, когда ему следует преподать суровый урок.

Он вскочил со стула, отплевываясь и ругаясь. (Страница 110). [Включить в список](#)

И вот случилось так, что, когда Аби Фресса стоял на базаре в час полуденной трапезы и жадно вглядывался в толпу в поисках какого-нибудь знакомого, которого он мог бы пригласить к себе на обед, он увидел Бен Маслию, одного из самых богатых и щедрых людей Багдада.

"Ах, мой превосходный друг, - воскликнул Аби, тепло приветствуя Бен Маслию, - прошла почти вечность с тех пор, как мой недостойный взор был обращен на твое приятное лицо. Мир тебе и твоим близким до скончания дней".

- И тебе тоже, - ответил Бен Маслия.

"И откуда ты пришел? И куда направляешься ты, о самый гостеприимный друг?" Аби Фресса поспешно задавал эти вопросы, его маленькие глазки-бусинки жадно вглядывались в лицо собеседника в поисках знака, за который он мог бы ухватиться, чтобы пригласить себя на обед. "Сейчас время полуденной трапезы. Идешь ли ты, может быть, в свой благочестивый дом?"

"Туда иду и я", - сказал Бен Маслия.

"Мой путь лежит в том же направлении", - сказал Аби Фресса. "Будет приятно прогуляться вместе. Пойдем, - и он схватил Бен Маслию за руку.

"Это любезно с твоей стороны, друг Аби Фресса, - ответил тот, - но я построил себе новое жилище на другом конце города".

Лицо Аби Фресса на мгновение вытянулось, но он был достаточно умен, чтобы воспользоваться этой новостью.

"Новое жилище, возведенное богатым Бен Маслией, - сказал он победоносно, - должно быть великолепным зданием, достойным внимания".

"Действительно, все так, как ты говоришь", - с энтузиазмом воскликнул собеседник и тут же пустился в пространное описание своего жилища.

Аби Фресса потерял терпение, когда Бен Маслия начал подробно описывать каждую комнату, его голод усилился, когда его друг в ярких словах расписал великолепную столовую, а у него потекли слюнки при известии о том, что в погребах хранится тысяча бутылок вина.

- Благословляю тебя, твой винный погреб и твой дом, - пробормотал Аби Фресса, когда смог вставить слово. - Сегодня днем у меня нет важных дел. Я не смог бы сделать тебе лучшего комплимента, чем провести его, разглядывая твои сокровища.

"Конечно, ты не смог бы", - согласился другой, к его великому ликованию.

- Тогда давайте продолжим, - сказал Аби Фресса.

Итак, они отправились в путь, Бен Маслия все еще продолжал свой восторженный рассказ о своем замечательном доме.

- Он должен быть просторным, как дворец, - вставил Аби Фресса.

- Ты говоришь правду, - согласился Бен Маслия. - Я покажу тебе обширные просторы моего нового жилища.

Он остановился, отмерил сто шагов по улице и дал понять, что это соответствует ширине центрального двора.

Аби Фресса был ошеломлен, но на мгновение проголодался еще больше и с трудом сдерживал свое нетерпение.

"Да, да, - сказал он, - я бы с удовольствием взглянул на наружную дверь твоего жилища".

"Такой наружной двери, - сказал Бен Маслия, - ты никогда не видел. Его ширина...." и снова он начал измерять улицу, чтобы указать ее размеры.

"И далее, - спокойно добавил он, то ли не заметив, то ли намеренно не обращая внимания на растущее беспокойство Аби Фрессаха, - его форма и дизайн ...!" - и он потащил другого по нескольким улицам, пока не нашел дверь, на которую мог указать, поскольку она не совсем отличалась от его собственной.

- Но я утомил тебя, - внезапно сказал он, словно сожалея о потерянном времени.

"Нет, нет, вовсе нет", - заверил его Аби Фресса, хотя внутренне он был возмущен задержкой. "Твои описания безмерно восхищают меня. Ты еще не раскрыл мне чудес своей столовой".

После этого Бен Маслия рассказал о столовой и ее мебели и потащил своего спутника за полмили в сторону от их дороги, чтобы показать ему мебельный магазин, где он купил столы и кушетки. Затем он вернулся по своим следам, чтобы указать на здание, у которого позаимствовал определенные идеи оформления.

Тучное тело Аби Фрессаха не привыкло к таким нагрузкам. Он сильно вспотел, ноги подкашивались, а во рту пересохло. Ему действительно было очень неудобно, и муки голода, от которых он страдал, не уменьшились, когда Бен Маслия остановился возле ресторана, чтобы поговорить с другом, который как раз входил.

Беседа затянулась, и все это время нос Аби Фресса щекотал запах готовящейся еды. Он переживал мучения, особенно когда друг пригласил Бена Маслия отобедать с ним, и Бен Маслия, после некоторого колебания, решительно отказался.

- Я должен извиниться перед тобой за эту задержку, - сказал Бен Маслия, когда, наконец, покинул своего друга, - но дело было срочным. Я заглажу свою вину перед тобой великолепием этого пира".

Аби Фресса сердечно поблагодарил его за внимание, но его боль стала невыносимой, когда Бен Маслия настоял на том, чтобы подробно рассказать ему обо всех блюдах, которые ему понравятся.

"Да, да", - продолжал повторять Аби, но Бен Маслия не стал его перебивать.

- Твое жилище находится далеко от центра города, - сумел наконец вымолвить Аби Фресса.

"Это добродетель", - прокомментировал Бен Маслия и последовал совету, данному ему известным врачом, согласно которому дом лучше всего подходит для здоровья, когда он стоит отдельно, вдали от суеты людей. Ко всему этому и многому другому Аби Фресса был вынужден прислушаться. Все его толстое тело ломилось от усталости, его мучила неистовая жажда, и ему казалось, что он худеет — так страшно он был голоден.

Солнце уже садилось, когда они наконец добрались до дома, и Аби Фресса на мгновение испугался, что хозяин станет распространяться о его архитектуре. Однако, к его облегчению, они сразу вошли, и Бен Маслия сказал ему: "Ты, должно быть, устал после прогулки. Отдохни немного".

Аби Фресса был искренне благодарен и, сняв обувь, растянулся на удобном диване. Он ненадолго задремал, но был разбужен звоном посуды и запахом вкусной стряпни. Он почти забыл о своем неприятном дне в предвкушении предстоящего пира, но Бен Маслия не пришел. Аби Фресса вскоре разозлился. Он не смог удержаться и ударил в большой медный гонг, призывая слугу. Но, хотя он ударил несколько раз, ни один слуга не откликнулся на зов. Аби Фресса чуть не расплакался от отчаяния.

Внезапно перед ним возник Бен Маслия.

"Я думал, что дам тебе достаточно отдохнуть", - вкрадчиво сказал он. "Пойдем, нам нужно совершить омовение".

Аби Фресса предпочел бы обойтись без этой церемонии, но он не мог оскорбить хозяина, отказавшись следовать обычаям того времени. Бен Маслия повел их в банную комнату, и там они провели целый час. Затем, полностью освежившись, хозяин сказал: "Теперь я покажу тебе чудеса и красоты моих владений".

Аби Фресса почти одурел от голода, но ему пришлось позволить провести себя по всем комнатам и снова услышать похвалы, которые уже звучали в его ушах весь день. Только запах готовящейся пищи укрепил его дух и позволил ему выдержать это испытание. Казалось, он очнулся от оцепенения, когда его хозяин открыл дверь и воскликнул: "Это пиршественный зал".

Великолепная сцена предстала взору Аби Фрессаха. Он радостно потер руки и был готов забыть и простить неудобства последних нескольких часов. Столовая имела великолепный вид, с ее великолепными драпировками, множеством ламп и мраморным полом. Но Аби Фресса едва ли обратил на это внимание. Его взгляд тут же устремился на стол.

На нем было накрыто самое роскошное угощение, которое он когда-либо видел. Там стояли блюда с вкусными сладостями, огромные блюда с сочными фруктами, множество бутылок вина и накрытых крышками чаш, от которых исходил самый аппетитный аромат. Рот Аби Фрессаха начал подергиваться, а глаза загорелись. Он двинулся вперед, к креслу.

"Добрый друг, - сказал хозяин, - позвольте мне сначала представить вашему вниманию моих слуг".

Он хлопнул в ладоши, и тотчас же дюжина слуг совершенно неожиданным образом вышли из-за скрывавших их портьер и склонились перед своим хозяином. Прислуживая дюжине слуг, Аби Фресса понял, что ему предстоит насладиться трапезой, достойной этого случая. Он с удовлетворением посмотрел на рабов.

- Заметьте, мой достойный Аби Фресса, - сказал Бен Маслия, - что это не обычная свита слуг. Каждый из них прибыл из разных частей известного мира. Рош, большой человек там, глава их всех, единственный уроженец Багдада. У него интересная история. Он был у меня на службе с момента своего рождения. Его отец также состоял на службе у моего святого отца и его деда.... Но пусть этого будет достаточно. Я бы не стал дольше сдерживать твой аппетит. Шени — это второй слуга, вон тот большой черный нубиец, — принеси сюда первое блюдо.

Шени взял со стола одно из блюд и сел рядом со своим хозяином.

- Он плохо себя чувствует? - спросил Бен Маслия восхищенным тоном. - Он потомок королей. В древние времена его предки восседали на троне и правили огромной территорией за

пределами африканских пустынь. Я приобрел его во время своего путешествия по этой стране. И тогда я обнаружила этот прекрасный ковер в магазине в Каире".

Сказав это, Бен Маслия поднялся со своего места и любовно потрогал пальцами один из занавесей в комнате. Аби Фресса не встал. Он пытался держать себя в руках. Блюдо, которое Шени так соблазнительно держала у него под носом, сводило его с ума от голода и желания.

Но Бен Маслия не обратил на это внимания. Он начал распространяться о достоинствах другого куска гобелена.

"Это, - сказал он, - я купил на знаменитом базаре Дамаска. Ему сотни лет. И в том же городе я овладел своим третьим слугой, Шелиши Тамошним, истиннорожденным сыном Святой Земли и хранителем моих верблюдов. Наша встреча была приключением..."

Аби Фресса не слушал. Это было выше его сил. Он чувствовал, что скоро рухнет на пол в обмороке. А Бен Маслия все бубнил. Был слуга из Китая, а также ваза искусной работы из этой страны; смуглый мальчик-паж в красном тюрбане из Индии, откуда его хозяин также привез лампу, стоявшую в центре стола, и несколько цветов, украшавших комнату.

"Вы бы ни за что не догадались, - говорил он, - что многие из этих цветов ненатуральные. Они искусственны, но так искусно смешаны с реальными, что даже эксперты были бы введены в заблуждение".

К этому времени Аби Фресса потерял дар речи. Два или три раза он пытался заговорить, но не мог. Он действительно был слишком слаб. Никогда в жизни он не был так голоден, так измучен. Однако прошло некоторое время, прежде чем Бен Маслия заметил его бедственное положение.

"Ты болен?" - воскликнул он. - Это огорчает меня. Но, к счастью, у меня в доме есть опытный аптекарь, который может поставить пиявки и избавить тебя от нечистой крови.

"Нет, нет", - взмолился несчастный Аби Фресса, обретя дар речи при виде такой мрачной перспективы.

- Может быть, бокал редкого сердечного напитка взбодрит тебя, - сказал Бен Маслия, беря со стола одну из бутылок.

Аби Фресса сумел выдавить из себя слово "Да", и Рош протянула кубок, в который Бен Маслия налил густую красную жидкость.

- Выпей это, - ласково сказал он, поднося чашку к губам гостя.

"Наконец-то", - подумал Аби Фресса, открывая рот.

В следующее мгновение он с поразительной ловкостью вскочил со стула, брызгая слюной и ругаясь. Жидкость была чрезвычайно горькой, и вкус, который она оставила у него во рту, был просто ужасным.

- Теперь я знаю, что меня обманули! - в ярости закричал он и бросился к входной двери.

— Останься, останься, что с тобой? - закричал Бен Маслия.

- Стойте, стойте! - эхом отозвались слуги, когда Аби Фресса пустился бежать.

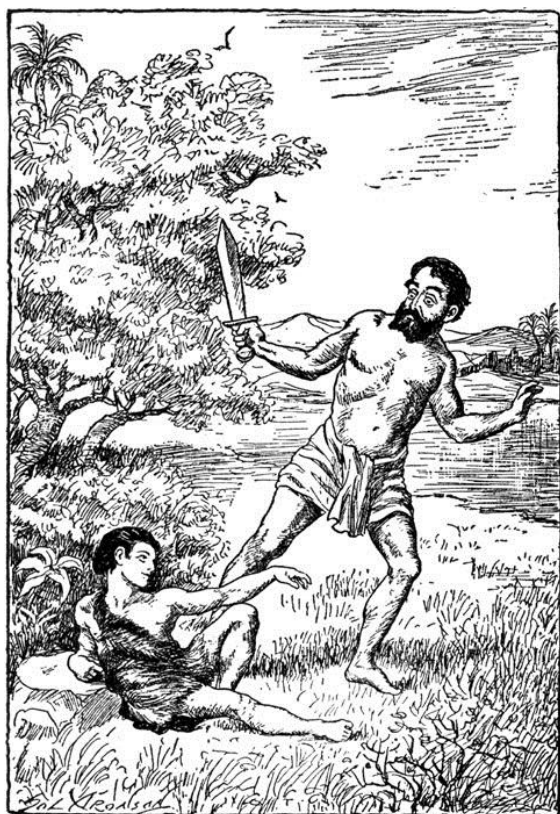
Крик был подхвачен на улице теми, кто увидел толстяка, тяжело дышащего в темноте, преследуемого несколькими слугами.

"Держи вора!" - таков был возбужденный крик одного человека. Городская стража услышала это и без всяких церемоний схватила Аби Фрессаха и потащила его в тюрьму. Напрасно он молил о пощаде и боролся за свободу.

"Если ты не будешь вести себя прилично, мы применим силу", - сказали охранники и избили его палками.

В тюрьме Аби Фрессаха бросили в камеру, и там, на подстилке из соломы на земле, он провел ужасную бессонную ночь. У него болела каждая косточка в теле, он был весь в синяках, а голод был таким, что ему казалось, он никогда в жизни ничего не ел. Как вы легко можете себе представить, его размышления были печальными, и они привели его к клятве, что он никогда больше не будет искать гостеприимства у своих друзей. Наконец он понял, что вел себя несносно и был умно и заслуженно наказан.

И все же его страданиям не было конца, ибо на следующее утро, когда его выписали и послали за его врачом, последний прописал диету из каши и ячменного отвара на целую неделю!

Он нашел прекрасного юношу, одетого в оленью шкуру, лежащим на земле. (Страница 115).[Перечислить](#)

Король Нищих

Гордый царь Хагаг восседал на своем величественном троне, а верховный жрец, стоя рядом с ним, читал из Священной Книги, как это было его ежедневным обычаем. Он прочел следующие слова: "Ибо богатство не вечно, и пребывает ли корона в каждом поколении?"

"Прекратите!" - крикнул король. "Кто написал эти слова?"

"Это слова Священной Книги", - ответил верховный жрец.

"Отдай мне книгу", - приказал король.

Дрожащими руками верховный жрец положил его перед его величеством. Король Хагаг внимательно взгляделся в прочитанные слова и нахмурился. Подняв руку, он вырвал страницу из книги и бросил ее на землю.

"Я, Хагаг, король, - сказал он, - и все такие отрывки, которые оскорбляют меня, будут вырваны".

Он сердито отшвырнул от себя книгу, в то время как верховный жрец и все его придворные смотрели на это в изумлении.

- На сегодня я услышал достаточно, - сказал он. - Я слишком долго откладывал свою охотничью вылазку. Пусть готовят лошадей.

Он спустился с трона, надменно прошествовал мимо дрожащей фигуры верховного жреца и отправился на охоту. Вскоре он яростно скакал по открытой равнине к лесу, где был замечен дикий олень. Звук трубы возвестил о том, что оленя выгнали из его укрытия, и король погнал свою лошадь вперед, чтобы быть первым в погоне. Скакун Его величества был самым

быстрым в стране. Оно быстро унесло его из поля зрения вельмож и слуг. Но олень был на удивление проворен, и король не смог догнать его. Подойдя к реке, животное нырнуло в нее и переплыло. Карабкаясь на противоположный берег, он зацепился рогами за ветку дерева, и король, добравшись до реки, издал крик радости.

"Теперь я поймал тебя", - сказал он. Спрыгнув с лошади и сбросив с себя одежду, он переплыл реку, не имея при себе ничего, кроме меча.

Однако, когда он достиг противоположного берега, олень освободился от дерева и нырнул в заросли. Король с мечом в руке быстро последовал за ним, но никакого оленя он не увидел. Вместо этого он обнаружил лежащего на земле за зарослями прекрасного юношу, одетого в оленью шкуру. Он тяжело дышал, словно после долгого бега. Король застыл от удивления, а юноша вскочил на ноги.

"Я - олень", - сказал он. "Я джинн, и я заманил тебя в это место, гордый король, чтобы преподать тебе урок за твои слова сегодня утром".

Прежде чем король Хагаг успел оправиться от удивления, юноша побежал обратно к реке и переплыл ее. Он быстро облачился в королевские одежды и вскочил на коня как раз в тот момент, когда подошли другие охотники. Они подумали, что джинн - это король Хагаг, и остановились перед ним.

"Давайте вернемся", - сказал джинн. "Олень переплыл реку и убежал".

Король Хагаг из чащи на противоположной стороне наблюдал, как они уезжают, а затем бросился на землю и горько заплакал. Там он лежал до тех пор, пока его не нашел дровосек.

"Что вы здесь делаете?" - спросил мужчина.

- Я король Хагаг, - ответил монарх.

"Ты дурак", - сказал дровосек. "Ты ленивый ничтожество, раз так говоришь. Пойдем, отнеси мою вязанку хвороста, и я дам тебе еды и старую одежду".

Напрасно король протестовал. Дровосек только еще больше расхохотался и, наконец, потеряв терпение, избил его и прогнал прочь. Усталый и голодный, одетый только в лохмотья, которые дал ему дровосек, король Хагаг добрался до дворца поздно ночью.

"Я король Хагаг", - сказал он стражникам, но они грубо велели ему убираться, и, проведя ужасную ночь на улицах города, его величество на следующее утро был рад принять немного хлеба и молока, предложенных ему бедной старой женщиной, которая сжалась над ним. Он стоял на углу улицы, не зная, что делать. Маленькие дети дразнили его; другие принимали его за попрошайку и предлагали ему деньги. Позже в тот же день он увидел, как гений проехал по улицам на своем коне. Все люди склонились перед ним и закричали: "Да здравствует король!"

"Горе мне!" - воскликнул Хагаг в отчаянии. "Я наказан за свой грех, когда насмеялся над словами Священной Книги".

Он увидел, что ему бесполезно снова идти во дворец, и пошел в поле, пытаясь заработать себе на хлеб чернорабочим. Однако он не привык работать, и, если бы не доброта самых бедных, он умер бы с голоду. Он с несчастным видом переходил с места на место, пока не наткнулся на нескольких слепых нищих, которых бросил их проводник. Он с радостью принял их предложение занять место гида.

Шли месяцы, и однажды утром королевские герольды вышли вперед и объявили, что "Добрый король Хагаг" через неделю, начиная с этого дня, устроит пир для всех нищих в стране.

Отовсюду приходили нищие сотнями, чтобы вкусить от щедрот короля, и Хагаг стоял среди них со своими слепыми товарищами во дворе дворца, ожидая появления его величества. Он хорошо знал это место, опустил голову и заплакал.

"Его величество поговорит сегодня с каждым из вас, кто является его гостями", - провозгласил герольд, и один за другим они прошли во дворец и встали перед тронном. Когда настала очередь Хагага, он так сильно дрожал, что охранникам пришлось поддерживать его.

Джинны на троне и Хагаг долго смотрели друг на друга.

"Ты тоже нищий?" - спросил гений.

"Нет, милостивое величество", - ответила Хагаг, склонив голову. "Я тяжко согрешила и понесла наказание. Я всего лишь слуга толпы слепых нищих, которым я служу проводником".

Король джиннов знаком показал своим придворным, что он желает, чтобы его оставили наедине с Хагагом. Затем он сказал:

"Хагаг, я знаю тебя. Я вижу, что ты раскаялся. Это хорошо. Теперь ты можешь занять свое законное место".

"Милостивое величество, - сказал Хагаг, - я научился смирению и мудрости. Трон не для меня. Я нужен слепым нищим. Позвольте мне остаться у них на службе".

"Этого не может быть", - сказал джинн. "Я вижу, что ты действительно раскаиваешься. Твой урок усвоен, и моя задача выполнена. Я позабочусь, чтобы слепые нищие ни в чем не нуждались".

Собственными руками он надел королевские одежды на Хагага и сам облачился в одежды нищего. Когда придворные вернулись, они не увидели никакой разницы. Король Хагаг снова воссел на трон, и нигде в целом мире не было монарха, который правил бы более мудро или проявлял больше доброты и сочувствия ко всем своим подданным.

Ссора Кошки и Собаки

В детстве мира, когда Адам давал имена всем животным и правил ими, собака и кошка были самыми большими добрыми друзьями. Они были неразлучными друзьями в своих развлечениях, верными партнерами в своих сделках и преданными товарищами во всех своих приключениях, радостях и горестях. Они жили вместе, делились едой друг с другом и не доверяли свои секреты никому, кроме самих себя. Казалось, что между ними никогда не возникнет разногласий, которые могли бы вызвать проблемы.

Затем наступила зима. Для них было в новинку чувствовать, как холодный ветер пронизывает кожу и заставляет их дрожать. Мрачная перспектива увидеть голые деревья и твердую холодную землю тяжело давила на их сердца, и, что еще хуже, еды было все меньше. Нехватка стала серьезной, и голод поверг их в несчастье и отчаяние. Песик впал в меланхолию, в то время как Пусси стала раздражительной, затем капризной и, наконец, у нее развился ужасный характер.

"Так больше не может продолжаться", - простонал кот. "Я думаю, нам лучше разорвать партнерство. Мы не можем найти достаточно корма, чтобы поделиться им, когда мы вместе, но по отдельности каждый из нас должен найти достаточно корма для нашей охоты".

"Я думаю, что смогу тебе помочь, потому что я сильнее", - сказал пес.

Пусси не возражала, но считала собаку немного глуповатой и слишком добродушной. Она знала, что хитра, и намеревалась полагаться на это качество в своем будущем пропитании. Догги был глубоко уязвлен желанием Пусси расторгнуть их счастливое соглашение, но он тихо сказал: "Конечно, если ты настаиваешь на расставании, я соглашусь".

- Значит, договорились, - промурлыкала Пусси.

"Куда ты пойдешь?" - спросил Песик.

"В дом Адама", - быстро ответила кошка, которая, очевидно, приняла решение. "Там мыши. Адам будет благодарен, если я их уберу. У меня будет чем подкрепиться".

"Очень хорошо", - согласился пес. "Я поброжу дальше".

Затем кот торжественно произнес: "Каждый из нас должен поклясться никогда не переходить дорогу другому. Это правильный способ расторгнуть деловое соглашение. Так говорит змей, а он мудрейшее из всех животных".

Они сложили передние лапы вместе и серьезно повторили клятву никогда не мешать друг другу ходить в одно и то же место. Затем они расстались. Песик печально потрусил прочь, опустив голову. Один раз он оглянулся, но Пусси этого не сделала. Она помчалась так быстро, как только могла, к дому Адама.

"Отец Адам, - воскликнула она, - я пришла, чтобы стать твоей рабыней. Тебя беспокоят мыши в доме. Я могу избавить вас от них, и ничего другого мне за свои услуги не нужно.

- Добро пожаловать, - сказал отец Адам, поглаживая теплую шерстку Пусси.

Киска потерлась головой о его ноги, довольно замурлыкала и убежала искать мышей. Она нашла их вдоволь и вскоре растолстела и освоилась. Адам относился к ней по-доброму, и вскоре она совсем забыла о своем бывшем товарище.

Бедному Песику жилось не очень хорошо. Действительно, ему пришлось нелегко. Он бесцельно бродил по мерзлой земле и не мог найти ни малейшего кусочка еды. Через три дня, усталый, с разбитыми лапами и подавленный, он пришел в волчье логово и попросил приюта. Волк сжалился над ним, дал ему немного еды и разрешил поспать в логове. Песик был очень благодарен и, когда спал, насторожив уши, слышал ночью крадущиеся шаги. Он рассказал волку.

"Прогони незваных гостей", - угрюмо сказал хозяин.

Песик послушно вышел, чтобы сделать это. Но мародеры были дикими животными, и они чуть не убили его. Ему повезло, что он остался жив. Промыв ранним утром свои раны в бассейне, он бродил весь день, но снова ничего не смог найти. Ближе к ночи, когда он едва мог тащить свое измученное голодом тело, он увидел обезьяну на дереве.

"Добрая обезьянка, - взмолился он, - приюти меня на ночь. Я устал и умираю с голоду".

"Уходи, уходи, уходи", - щебетала обезьянка, быстро прыгая и перелетая с ветки на ветку, быстро шевеля губами и комично открывая и закрывая глаза. Песик заколебался, и, чтобы отпугнуть его, обезьяна сорвала с дерева кокосовые орехи и швырнула в него.

Бедный Песик с несчастным видом уполз прочь.

- Что мне делать? он застонал.

Услышав блеяние каких-то овец, он направился к ним и попросил сжалиться над ним.

"Мы сделаем это, - ответили они, - если ты будешь присматривать за нами и скажешь, когда придет волк".

Песик охотно согласился и, съев немного еды, потянулся спать, как верный сторожевой пес, приоткрыв один глаз.

Посреди ночи он услышал приближение волков и, желая услужить овце, которая так хорошо к нему относилась, вскочил на ноги и начал громко лаять. Это разбудило овец, которые проснулись и бросились врассыпную. Некоторые из них наткнулись прямо на стаю волков и были убиты и съедены. У бедного Песика чуть не разбилось сердце.

"Это моя вина, моя вина", - причитал он. "Я залаял слишком рано. О, какое я несчастное создание. Теперь я буду держаться подальше от всех животных".

Он снова отправился в путь. Всякий раз, когда он встречал животное, он убегал в противоположном направлении. Ему приходилось совершать свое путешествие самыми безлюдными тропами, и трудности с поиском пищи неуклонно возрастали. Наконец он так ослаб и исхудал, что у него едва хватало сил ползти, и ему несколько раз чудом удавалось избежать участи стать добычей свирепых зверей.

Однажды ночью он пришел в дом и попросил кусочек еды. Это было дано, и ночью он разбудил мужчину и предупредил его, что дикие звери совершают набег. Мужчина вскочил, схватил свой лук и стрелы и прогнал воров. Затем он погладил Собачку.

"Хорошая собака", - сказал он. "Ты мудрое животное. Оставайся всегда со мной. Ты найдешь отца Адама добрым".

- Отец Адам! - в тревоге воскликнул Песик. - Я не должен здесь оставаться.

- Ерунда. Я говорю, что ты должен, - ответил Адам, и Песик был вынужден подчиниться.

Утром Пусси узнала, что собака присоединилась к дому, и пожаловалась Адаму.

"Пес нарушил клятву, он поклялся не приходить туда, где я нахожусь", - сказала она.

"Он не знал, что ты здесь", - сказал Адам, желая сохранить мир. "Он очень полезен. Я хочу, чтобы он остался. Он не причинит тебе вреда. Здесь достаточно места для обоих.

"Нет, это не так", - злобно сказала Пусс, выгибая спину и сердясь. "Он нарушил свою клятву. Он злое создание. Ты не смеешь закрывать глаза на его проступок.

Бедный Песик уныло стоял в стороне, поджав хвост.

"Я не знал, что это дом Адама, и я был таким голодным, несчастным и усталым", - сказал он.

Но Пусси не желала успокаиваться. Она выставила свои уродливые когти и попыталась поцарапать своего бывшего партнера. Пес старался не попадаться ей на глаза, но она ссорилась с ним при каждом удобном случае, и в конце концов он решил больше не терпеть ее поведения.

"Я должен покинуть вас, отец Адам", - сказал он. "Пусси делает мою жизнь невыносимой".

- Но я хочу тебя, - сказал Адам.

- Мне очень жаль, - твердо сказал Догги, - но я действительно не могу продолжать у вас служить. У меня другая ситуация в доме Сета. Он тоже хочет меня.

- Ты не хочешь подружиться с Пусси? - спросил Адам.

- С удовольствием, если она мне позволит, но она этого не сделает.

- Вы обвиняете друг друга, - сказал Адам, теряя терпение. - Я вас не понимаю. У вас такой вид, будто вы вечно ссоритесь.

Слова Адама оказались правдой. С тех пор кошке и собаке так и не удалось договориться, и Пусси никогда больше не согласится дружить с Догги.

Вскрикнув, он сунул пальцы в рот, чтобы унять боль, и обжег язык. (Страница 131).[Включить в список](#)

Водяной Младенец

Плывя в корзине по реке Нил, принцесса Батия, дочь фараона, царя Египта, нашла крошечного водяного младенца. Принцесса Батия была вдовой, у нее не было детей, и она

была так рада, что забрала ребенка домой, во дворец, и воспитывала его как своего собственного. Она назвала младенца Моисеем.

Он был хорошеньким маленьким мальчиком, полным веселья и резвости, когда вырос, и стал любимцем всех во дворце. Даже жестокий царь фараон, приказавший утопить всех еврейских мальчиков, любил играть с ним. Однако его государственные министры и маги нахмурились, когда увидели Моисея, едва он научился ходить и говорить, превратившись в товарища по играм с царем. Они предупредили фараона, что опасно давать такие привилегии незнакомому ребенку, но принцесса Батия только посмеялась над ними. То же самое сделала ее мать, царица, а царь фараон не обратил на это внимания.

Когда Мозесу было три года, принцесса Батия устроила вечеринку в его честь по случаю дня рождения. Это был действительно большой банкет, на котором присутствовали король, королева и все придворные. Мозес сидел во главе стола, и его глаза широко раскрылись от изумления при виде всего, что он увидел. Ему казалось, что это такая нелепая торжественная суeta. Он предпочел бы играть на полу или забраться на стол, но, конечно, они ему не позволили.

"Что все это значит?" он спросил короля, который сидел рядом с ним. - Скажи мне, - и он игриво потянул фараона за бороду.

Придворные в ужасе смотрели на происходящее, а Билам, главный волшебник, закричал: "Берегись, о король, это не игра".

"Не обращай внимания на эти слова, отец мой", - сказала принцесса. "Билам всегда предупреждает тебя. Если бы ты обращал внимание на все, что он говорит, у тебя не было бы ни минуты покоя. Возьми нашего малыша к себе на колени и поиграй с ним".

Чтобы доставить удовольствие принцессе, царь фараон так и сделал, и Моисей развлекался, играя сверкающими драгоценными камнями на одеждах его величества. Затем он поднял глаза и пристально посмотрел на голову короля.

- Что это? - спросил он, указывая.

"Это царская корона", - ответил фараон.

"Нет, это не так; это всего лишь забавная шляпа", - ответил Мозес.

- Берегись, - торжественно вмешался Билам.

"Позвольте мне надеть шляпу", - сказал Мозес, протягивая свои маленькие ручки, и прежде чем они успели остановить его, он снял корону с головы короля и надел ее на себя.

Принцесса Батия и королева весело рассмеялись, но Билам выглядел очень серьезным.

"Ваше величество, - сказал он дрожащим от страсти голосом, - это не глупая детская игра. Помните, этот ребенок не такой, как другие дети. Разве он не пришел с реки? В его поступке есть смысл. Он уже пытается отнять у тебя твою королевскую корону. Это предзнаменование зла".

Фараон задумчиво погладил бороду.

"Что говорит Рагуил?" спросил он, поворачиваясь ко второму главному магу.

"Я говорю, что ребенок всего лишь младенец и что это действие ничего не значит", - ответил Руэл.

Королева и принцесса согласились с Руэлем, который был их любимцем, но Билам не позволил этому пройти легкомысленно.

"Я, Билам, главный из твоих советников, - сказал он, - и глубоко сведущ в тайнах знаков и предзнаменований. Во всем есть смысл. Помни, о царь, это дитя евреев и избежало твоего указа. В этой его игре есть смысл. Если ему будет позволено вырасти, он взбунтуется против тебя и попытается разрушить твое правление. Пусть его судят, о царь".

"Твои слова мудры", - сказал фараон, который сам был недоволен Моисеем, и приказал трем судьям судить ребенка за его проступок.

Мозес подумал, что это новая игра, и радостно захлопал в ладоши, когда его отвели в судилище и поставили перед судьями. Он слышал, как Руэл умолял его, но не понимал этого.

"Я говорю, что он всего лишь младенец и делает бессмысленные вещи", - воскликнул Руэл.

"Подвергни его испытанию и посмотри, знает ли он разницу между огнем и золотом.

Поставьте перед ним блюдо с огнем и блюдо с драгоценностями и золотом. Если он схватит драгоценности, это докажет, что он не обычный ребенок; если он поднесет руку к огню, тогда мы будем уверены, что он всего лишь глупый младенец".

"Да будет так, - сказал Билам, - и если он завладеет драгоценностями, пусть его наказанием будет мгновенная смерть".

Фараон и судьи согласились, и два блюда, одно с горящими углями, а другое с золотом и драгоценными камнями, были принесены и поставлены перед Моисеем. Все пристально смотрели, как Мозес уставился на тарелки. Принцесса Батия делала ему знаки, но Билам приказал ей замолчать, и именно Руэль утешил ее и вытер слезы.

"Возьми мой волшебный посох", - сказал он, протягивая ей посох, который, казалось, был сделан из одного большого драгоценного камня. "Это было дано Адаму, когда он покинул Эдемский сад, и было передано мне через Еноха и Ноя, через Авраама и Иакова Джозефу, который оставил это на мое хранение. Возьми посох, и Моисей исполнит любое твое желание".

Принцесса взяла посох и прижала его к губам.

"Я хочу, - сказала она, - чтобы мой маленький водяной малыш схватил горящие угли".

Моисей сунул пальцы в огонь и вытащил тлеющий уголек. С криком он засунул пальцы в рот, чтобы облегчить боль, и обжег язык углем. С тех пор он всегда шепелявил.

Принцесса схватила Моисея и крепко прижала его к своей груди.

"Дай мне волшебную палочку, - попросила она Руэля, - чтобы я могла охранять ребенка".

"Можешь ли ты прочесть это слово?" - спросил Руил, указывая на слово, выгравированное на посохе.

- Нет, - ответила принцесса.

"Тогда это не может быть твоим", - ответил Рагуил. "Тот, кто прочтет это имя, сможет понять все, даже мысли животных и птиц. Не бойся за Моисея. В грядущие годы этот посох будет принадлежать ему".

И так это и произошло. Спустя годы, когда Моисей был мужчиной и бежал из Египта, он женился на дочери Рагуила, которая стала еврейкой и взяла имя Иофор. Рагуил посадил посох в своем саду, и Моисей увидел это. Он прочитал волшебное слово, и, прикоснувшись к посоху, он появился из земли в его руках. С помощью этого посоха Моисей совершил чудесные дела в Египте, когда освободил детей Израиля из рабства, как рассказано в Библии.

Синдбад из Талмуда

- Рабба, Рабба, глупенький, глупенький Рабба, ты поймал сегодня еще одного кита?

С этим странным криком несколько детей последовали за пожилым мужчиной по улицам города на Востоке. Их родители весело наблюдали за происходящим, а некоторые из них, как и малыши, окликали мужчину. Рабба, однако, не обратил на это внимания, а пошел прямо с отсутствующим выражением в глазах, как будто его мысли были где-то далеко. Вскоре, поворачивая за угол улицы, он чуть не столкнулся с арабом, шедшим в противоположном направлении. Как только дети увидели араба, они развернулись и убежали.

"Али Рабба идет", - крикнули они друг другу в знак предупреждения и так быстро, как только могли нести ноги, разбежались по домам.

Араб угрожающе погрозил кулаком вслед детям. Затем повернулся к мужчине, за которым они следили.

"Это позор, — сказал он с жаром, - что дерзким городским оборванцам позволено бросать неуважительные слова на улицах в адрес моего святого учителя, раббы бар Ханы, человека глубокой образованности и знаменитого путешественника..."

Они увидели, как земля вздымается подобно огромной горе и из нее вырывается огромный поток воды. (Страница 138). [Список толистов](#)

"Будь нежен, добрый Али", - перебил Рабба. "Помни, что они немногим больше младенцев и не вполне понимают друг друга. И как они могут проявлять уважение, когда их родители, которые должны обладать мудростью и верой, не принимают наши рассказы о многочисленных приключениях, которые у нас были? Вчера я рассказал им о том дне, когда наш корабль был окружен пятью тысячами китов, каждый длиной в милю, и они глумились и кричали: "Невозможно!"

"Невозможно!" - в ярости повторил Али. "Разве я не был там с тобой, мой господин? Разве я сам не пересчитал каждого кита?" Кто смеет сомневаться в моем слове? Разве я не был долгие годы твоим верным проводником в твоих чудесных путешествиях? Бах! Что знают эти городские дурачки, чья жизнь не шире узких улочек, на которых они живут, о чудесах огромного мира за морями? Дураки, невежественные дураки, все до единого, мой добрый хозяин. Зачем ты остаешься здесь с ними и терпишь их оскорбления и насмешки? Давай отправимся в путь сегодня же. Хороший корабль ждет в гавани.

Голос Али становился все громче по мере того, как его гнев усиливался и собиралась толпа. Рабба поспешил увести его, и они вместе направились к гавани. Там они вскоре вступили в серьезный разговор с капитаном судна, пришедшего из далекой страны.

- Я буду рад видеть на своем корабле двух таких знаменитых путешественников, - сказал капитан. "Я слышал о ваших приключениях, и в моей стране говорят, что только те встречаются с чудесами, кто осмеливается искать их и верить в них. Я тоже хотел бы увидеть чудеса света и с радостью предоставлю вам место на моем корабле".

На следующий день Рабба и Али стояли на палубе судна, когда поднимали парус, и оно медленно выходило из гавани под одобрительные возгласы и смех толпы на берегу.

"Глупые Рабба и Али Рабба, не забудьте вернуть луну", - кричали они. "Узнай, куда он девается, когда его здесь нет".

Вскоре земля скрылась из виду, и, подгоняемый попутным бризом, корабль быстро продвигался вперед. За десять дней он достиг моря, по которому раньше не плавало ни одно судно. Али сказал, что может сказать это, потому что рыбы вели себя странно. Они высунули головы из воды, чтобы посмотреть на корабль, а затем снова быстро скрылись из виду. Было совершенно ясно, что они никогда раньше не видели корабля и, очевидно, приняли его за какое-то странное морское чудовище. С каждым днем рыбы становились все больше, но земли не было видно, пока не прошло еще пять дней. Затем прямо по курсу показался необитаемый остров, и капитан направил корабль к нему. Тут и там росло несколько травинков, и Рабба решил высадиться и исследовать остров.

В сопровождении своего верного Али он сел в маленькую лодку и поплыл к берегу. Они нашли несколько растущих овощей, которых никогда раньше не видели, и поэтому, собрав веточки с низкорослых низкорослых кустов, развели костер, чтобы приготовить их. Пока овощи готовились, они огляделись по сторонам.

"Это кажется огромной землей, - сказал Рабба, - и все же вон там, примерно в трех-четыре-х милях отсюда, мне кажется, я вижу воду".

"Я тоже так думаю", - сказал Али. "Должно быть, это ширина земли, но в других направлениях я не вижу конца. Но послушайте! Что это за звук?"

"Это похоже на грохот землетрясения, - сказал Рабба, - и я уверен, что почувствовал, как дрогнула земля. Действительно, мне кажется, что он вздымается вверх и вниз, как живое существо".

Крик с лодки заставил их посмотреть в ту сторону, и они увидели, что их товарищи дико указывают на них и призывают вернуться. Посмотрев в указанном направлении, они увидели, что земля поднимается подобно огромной горе и из нее вырывается огромный поток воды.

- Это не земля, это кит! - в тревоге воскликнул Рабба. - Наш огонь пробудил его ото сна. Давайте поспешим на корабль, пока чудовище не нырнуло и не потопило нас.

Они поспешили обратно к лодке и поднялись на борт как раз в тот момент, когда кит начал двигаться. Оно погрузилось под воду, чтобы погасить пожар на спине, но снова поднялось, и тогда судно оказалось в новой опасности. Он лежал между телом чудовища и одним из его плавников.

"Позволь мне принять командование", - сказал Али. "Я лучше всех знаю, как действовать во времена опасности, подобной этой. Мы должны избежать удара плавника, иначе будем уничтожены. Мы должны определить, в какую сторону движется чудовище, и идти в

противоположном направлении; иначе мы разобьемся, когда доберемся до места, где плавник соединяется с телом ".

В ту ночь экипаж не спал. Все внимательно следили, потому что малейшее неверное движение могло привести к мгновенной катастрофе. К счастью, кит начал двигаться по поверхности моря против ветра, так что кораблю, двигавшемуся в противоположном направлении, ветер дул в спину. Корабль быстро летел под ветром, но плавнику, казалось, не было конца, хотя кит тоже двигался быстро. Корабль шел три дня и три ночи, прежде чем достиг конца плавника. Тогда все на борту вздохнули свободнее.

"Это был счастливый побег", - сказал капитан Рабба.

"Не говори слишком быстро", - ответил тот. "У меня еще есть опасения. Мы должны поторопиться, чтобы полностью уйти от этого чудовища, но ветер не способствует изменению нашего курса.

Пока он говорил, в воде поднялось сильное волнение, и кит начал пятиться с такой устрашающей скоростью, что они едва могли его разглядеть. Вода была сильно взбаламучена, и корабль швыряло из стороны в сторону, как будто это была простая пробка. Это продолжалось целый день. Затем движение замедлилось, когда голова кита проплыла мимо корабля.

"Смотрите!" - взволнованно воскликнул Али. "Маленькая рыбка застряла в ноздре чудовища. Вот причина этого переполоха. Чудовище наверняка будет убито.

Волнение воды теперь улеглось, и было видно, что кит начинает переворачиваться.

- Чудовище мертво, - сказал Рабба. "Он будет плавать по волнам, как огромная пустынная земля, и будет представлять опасность для кораблей".

В течение нескольких дней судно было вынуждено следовать за мертвым китом. Всякий раз, когда предпринималась попытка отойти, течение или ветер менялись, и туша чудовища следовала за кораблем. Капитану это совсем не понравилось, потому что было крайне опасно. Он боялся, что мертвый кит ударится о судно и разобьет его.

Наконец показалась земля. Даже Рабба и Али не смогли узнать эту страну. Они сказали, что никогда раньше ее не видели. Берега были усеяны прекрасными городами, но, ко всеобщей тревоге, тело кита начало плыть к суше.

Что еще хуже, поднялся шторм, и чудовище поднималось и опускалось с каждым движением разъяренных волн.

"Города будут разрушены, если кит нападет на них, - воскликнул Рабба, - и мы не сможем предупредить людей".

Кит подходил все ближе и ближе, в то время как капитан корабля делал все возможное, чтобы держаться подальше, чтобы его не ударило обратной волной.

Наконец, с оглушительным грохотом чудовище было отброшено волнами, которые достигли огромной высоты, к берегу. Сквозь завывания ветра был слышен шум падающих зданий и дикие крики людей. Огромная волна подхватила корабль и отнесла его на милю в открытое море, а затем развернула обратно со скоростью, которая заставила команду в благоговейном страхе затаить дыхание.

Казалось неизбежным, что судно разобьется вдребезги на суше, и команда с криками предупреждения и тревоги поспешила привязать себя к мачтам. Могучая волна захлестнула сушу, руины городов, унося с собой корабль, и, наконец, занесла его среди деревьев густого леса в миле от берега.

"По крайней мере, пока мы в безопасности", - сказал Рабба, когда оправился от шока и неожиданности. "Нам повезло больше, чем бедным людям, которые пострадали от этой странной катастрофы".

"Я хотел бы знать, как я собираюсь вывести свой корабль обратно в море", - сказал капитан. "Я никогда раньше не слышал о таком затруднительном положении".

Рабба только пожал плечами и вместе с Али направился к берегу. Их взорам предстало необыкновенное зрелище. Тысячи людей безумно мчались в леса. Повсюду царили разруха и запустение. Все города вдоль побережья, числом шестьдесят, как они узнали позже, были разрушены выброшенным на берег чудовищем и последовавшей за ним приливной волной, а то, что не было сровнено с землей и унесено в море, было отнесено вглубь страны, в леса и за их пределы. По всему побережью, насколько хватало глаз, лежало тело кита, похожее на горный хребет, и сотни людей бегали взад и вперед, горько плача и заламывая руки.

Рабба собрал вместе столько из них, сколько смог, и обратился к ним с речью.

"Добрые люди, - сказал он, - вы стали жертвами ужасного бедствия, которое одним жестоким ударом лишило вас ваших домов, а многих из вас - ваших семей. Но у вас, кто выжил, есть обязанности перед самими собой и перед будущим. В этот час скорби не отчаивайтесь. Там лежит страшное чудовище, которое стало вашей гибелью. Оно также станет вашим спасением. Его тело может обеспечить всех вас пищей. То, что вы не можете съесть, вы можете посолить и сохранить на будущее. Из его жира можно получить тысячи бочонков масла, и на это вы можете обменять. Кроме того, его кости представляют ценность.

Люди поблагодарили Раббу за его добрый совет, и немедленно приступили к выполнению того, что он им велел. Они сказали ему, что это заколдованная земля, страна Кишеф, изобилующая ужасными чудовищами как на суше, так и в море, и управляемая злобным джинном по имени Ормуз, который не давал им покоя. Они попросили Раббу попытаться убить этого эльфа, который сказал, что только чужак на этой земле может причинить ему вред, и поэтому Рабба и его верный Али, оседлав лошадей, отправились навстречу своим приключениям.

"Мне кажется, я знаю эту страну", - сказал Али. "По-моему, однажды я высадился на другом берегу. Мы не можем быть далеко от пустыни, по которой бродили израильтяне".

Несколько дней они шли по лесам и равнинам, но ничего не происходило. Наконец они подошли к широкой высокой стене, преградившей им путь. Они не могли найти отверстия, через которое можно было бы пройти, и пока они раздумывали, что делать, на стене внезапно появилась странная фигура. Одна из его ног была длиннее другой, и руки тоже были разной длины. Его уши и глаза также были неодинаковы, и он прыгал вдоль стены с поразительной скоростью.

"Меня зовут Ормуз", - крикнул он. "Кто ты?"

- Чужаки! - позвал Рабба, и как только он услышал это слово, эльф быстро метнулся прочь по верху стены. Но хотя лошади бежали на предельной скорости, они не могли догнать его, и он

быстро исчез. Однако там, где он пропал из виду, в стене была дыра, и через нее Рабба и Али едва успели увести своих лошадей. Перед ними расстилалась бескрайняя дикая местность.

Али подобрал два комка земли и понюхал их.

"Как я и думал, - сказал он, - это пустыня израильтян. Пойдем, я покажу тебе удивительные места".

Перед наступлением темноты они подошли к месту, где на земле лежали тела большого количества мужчин.

"Эти люди, должно быть, были великанами", - сказал Рабба, когда Али с поднятым копьем проехал под поднятым коленом одного из тел. "Это, должно быть, тела Ефремлян, которые покинули Египет раньше остальных сынов Израилевых и были убиты".

Он отрезал часть одежды, которая все еще прикрывала одно из тел, но когда попытался пошевелиться, не смог. Казалось, он прирос к месту. И его лошадь не могла сдвинуться с места.

"О, о, - воскликнул Али, - мой конь потерял способность двигаться. Ты, должно быть, взял что-то у мертвого. Верни его, добрый хозяин, или нас будут крепко держать здесь, пока мы не погибнем.

Рабба вернул предмет одежды, и они снова смогли двигаться. Они поспешили прочь от этого места и подошли к расщелине в земле, из которой поднимался дым.

"Это яма, в которой были поглощены Корей и его дети", - сказал Али.

"Это, должно быть, было чудесное зрелище", - сказал Рабба. "Я слышал, что яма стала похожа на воронку и что воздух вокруг закручивался и засасывал все, что принадлежало Коре. Даже вещи, которые люди брали у него в займы, такие как посуда, издалека скатывались по земле в яму. Пойдем, поспешим прочь".

Они продолжали свой путь много дней, но так и не смогли снова увидеть демона. Однажды пустыня закончилась, и они вышли к морю. Они разбили лагерь на ночь, и когда наступило утро, Рабба с удивлением обнаружил, что корзина, в которой они хранили провизию, исчезла.

"Думаю, я могу объяснить", - сказал Али. "Здесь не было воров, но это конец света, край земли. Здесь, раз в двадцать четыре часа, небо и земля в своем вращении соприкасаются. Должно быть, небо подхватило вашу корзину и унесло ее прочь. Оно будет возвращено завтра утром в тот же час".

Рабба проснулся на следующее утро еще до восхода солнца и увидел, что его корзина опускается на землю на облаке. И он, и Али были вне себя от радости, когда нашли его, потому что они были очень голодны. Пока они ели, небо потемнело, и, посмотрев вверх, они увидели то, что показалось им огромной тучей над их головами. Из моря, казалось, внезапно выросло могучее дерево. Они осторожно двинулись вперед, чтобы исследовать.

"Берегись!" - раздался громовой голос. "Я птица, стоящая в воде. Он такой глубокий, с таким быстрым течением, что семь лет назад в него упал топор и до сих пор не достиг дна".

Рабба и Али в великом страхе припали к земле, пока, наконец, Рабба не позвал: "Могучая птица, мы просим твоей помощи. Нам не терпится найти злого джинна Ормуза и убить его, чтобы люди стали свободными".

"Следуй за мной", - ответила птица и, подобно расплывающемуся облаку, полетела вдоль берега. Рабба и Али последовали за ней на своих лошадях.

"Смотри", - внезапно воскликнул Али, указывая на море.

Сражались огромная змея и дракон, и наконец морской змей, почти такой же большой, как кит, разрушивший города, проглотил дракона. Однако не успела она этого сделать, как гигантская птица спикировала вниз и проглотила змею.

"На завтрак был хороший жирный червяк", - крикнула птица. "Теперь я отдохну".

Он полетел к гигантскому дереву, которое теперь появилось. Оно было таким высоким, что его верхние ветви терялись в облаках. Птица уселась на ветку дерева.

"Двигайся вдоль берега, пока не дойдешь до двух мостов", - сказала птица. "Там ты найдешь Ормуз. Дай ему выпить две чаши вина, а потом можешь убить его. Но не забудь снять бриллиант с его шапки. Я, зиз, предупреждаю вас об этом".

Рабба поблагодарил птицу за информацию и вместе с Али продолжил свой путь. Через три дня они подошли к реке, пересеченной двумя мостами, и, поставив по одному мосту на каждый, встал Ормуз.

Как только он увидел их, то бросился бежать, но Рабба крикнул ему вслед: "Мы приносим тебе в жертву хорошее вино", - и он быстро вернулся. Рабба наполнил две чашки, которые у него были, из кожаной бутылки, и Ормуз взял по чашке в каждую руку, причмокивая при этом губами.

"Смотри", - сказал он и подбросил вино в воздух, и вино из правой чаши перелилось в левую, а из левой - в правую, и ни капли не пролилось. Затем он проглотил их оба одним глотком.

Почти сразу же он упал в оцепенении, и Рабба снова и снова наносил ему удары своим копьём. И все же, когда он казался совсем мертвым, он снова вскочил.

- Алмаз! - взволнованно воскликнул Рабба, и Али выхватил его из шапки Ормуза. Затем демон упал замертво.

"Теперь мы можем возвращаться", - сказал Рабба, и они сразу же отправились в путь, забрав тело с собой. Они остановились только для того, чтобы взять еды, и в первый раз, когда они сделали это, произошла забавная вещь. Али убил животное, а Рабба поймал немного рыбы, и, пока они готовились, Рабба достал из кармана бриллиант джинна и осмотрел его. Тотчас же рыба и животное снова ожили, выпрыгнули из котла и убежали.

"Это волшебный алмаз, - сказал Рабба, - который обладает способностью оживлять мертвые вещи. Мы накрываем его, когда хотим поесть.

Они так и сделали, и после долгого путешествия увидели великую стену и, наконец, достигли того места, с которого начали. Всего они отсутствовали двенадцать месяцев, и люди были искренне рады их видеть, особенно когда услышали, что Ормуз был убит, и увидели его тело. Они усердно работали над тушей огромного кита и восстанавливали шестьдесят разрушенных городов и деревень из костей чудовища, используя шкуру в качестве покрытий для своих палаток.

С помощью волшебного алмаза Рабба позвал зиза, и тот взял в клюв корабль, который унесли в лес, и полетел с ним к морю. Собрав своих старых товарищей, Рабба и Али отплыли домой.

Все жители стояли на берегу и аплодировали, пока корабль был в поле зрения. Им было жаль, что Рабба ушел, но теперь, когда Ормуз мертв, они были уверены, что никогда больше их не потревожат чудовища, которые принесли им такие ужасные бедствия.

Он поднял глаза и увидел самую красивую женщину, которую когда-либо видели его глаза.
(Страница 157). [Включить в список](#)

Принц - Изгой

Жил-был король, у которого был единственный сын, в котором он души не чаял. Никому, даже его самому старому наставнику, не разрешалось ни словом поправить принца, когда он делал что-нибудь не так, и поэтому он вырос совершенно избалованным. У него было много недостатков, но худшими чертами его характера были гордость, высокомерие и жестокость. Естественно, он также был эгоистичен и непослушен. Когда его позвали на уроки, он отказался, сказав: "Я принц. Через много лет я стану вашим королем. Мне нет необходимости изучать то, что должны знать простые люди. Для меня достаточно того, что я займу трон и буду править. Одна моя воля восторжествует. Разве закон страны не гласит: "Король не может поступать неправильно"?

Красивый и надменный даже в юности, он заставлял подданных короля бояться его своими властными манерами. Его появление на улицах послужило сигналом для всех вбежать в его дом, запереть двери и нервно выглядывать в окна. Он был безрассудным наездником, и горе тем несчастным, которые случайно оказывались у него на пути. Не щадя ни мужчин, ни женщин, ни детей, он бессердечно переезжал через них или мстительно хлестал длинным кнутом, который всегда носил с собой, смеясь, когда кто-нибудь кричал от боли.

Его публичное поведение стало настолько возмутительным, что люди решили больше не страдать молча. Они публично осудили принца, они обратились к самому королю с просьбой обуздать его сына, и его величество не мог оставить без внимания жалобы. Сначала он был просто раздосадован, затем возмутился, но когда увидел, что люди полностью возбудились и угрожают восстанием, он счел разумным расследовать обвинения, выдвинутые против его сына.

Для расследования была назначена комиссия из трех судей. Они провели тщательное расследование и, наконец, представили королю документ, в котором кратко излагалось то, что они без колебаний назвали "позорными действиями Его Королевского Высочества наследного принца".

Чувство справедливости короля сразу же взяло верх над его глупой гордыней.

"Мой народ оправдан в своем отношении, которое поначалу я счел просто неуважением к моей королевской особе", - сказал он. "Я должен извиниться перед ними и возместить ущерб. Я искуплю свою вину. И мой сын тоже искупит свою вину. Он не избежит наказания".

Он вызвал своего сына предстать перед ним, и принц вошел в королевскую судебную палату с видом хвастуна, презрительно улыбаясь ученым судьям, которые сидели справа и слева от его величества, и вызываяще щелкая кнутом.

"Знаешь ли ты, почему тебе было приказано предстать перед судьями страны?" - спросил король.

"Я не знаю, и меня это не волнует", - последовал высокомерный ответ. "Глупая болтовня толпы меня не интересует".

Король нахмурился. Он никогда раньше не видел, чтобы принц вел себя подобным образом. В присутствии своего отца он всегда был почтителен.

"Ты опозорил свое честное имя и священную память своей матери, глупый принц", - гневно воскликнул монарх. "Ты унизил себя и меня перед народом".

Принц все же попытался отшутиться, обратив все в шутку, но быстро обнаружил, что король был не в настроении шутить. Стоя серьезно и прямо, его величество произнес приговор громким и твердым голосом.

"Знайте все люди, - сказал он, в то время как все судьи, советники, государственные служащие и представители народа замерли в благоговейном молчании, - что, поскольку на основании неоспоримых доказательств было доказано, что принц, мой сын, тяжко преступил праведные законы этой страны и против народа, моих подданных, на которых он осыпал оскорблениями, я посоветовался со своими советниками, государственными министрами, и моя королевская воля и удовольствие - вынести приговор. А потому я заявляю, что мой сын, принц, будет изгнан в мир без гроша в кармане и не вернется до тех пор, пока не научится считать до пяти. И да будет также известно, что никто не может удовлетворять свои нужды, если он нуждается в помощи, заявляя, что он мой сын, принц".

Принц застыл в изумлении. Что означало это загадочное предложение? Никто не мог сказать ему. Единственным ответом на его расспросы было пожатие плечами, потому что никто не желал с ним разговаривать.

Глубокой ночью, когда только звезды смотрели вниз на эту странную сцену, принца, одетого в поношенную одежду простого труженика, с остриженными золотыми кудрями и без единой монеты в кармане, вывели за территорию дворца и оставили одного на дороге.

Он был слишком ошеломлен, чтобы плакать. Он сказал себе, что это был какой-то ужасный сон, от которого он проснется утром и обнаружит себя в своей собственной прекрасной комнате, лежащим на позолоченной кровати под богато расшитым шелковым покрывалом.

Однако, когда рассвело, он обнаружил, что проголодался, устал и его тело болезненно затекло под живой изгородью. Теперь он знал, что это был не сон, а реальность. Он был одинок, без друзей, без средств к существованию. Тогда он понял, каким лишениям вынуждены были подвергаться бедняки, и начал осознавать, как он заставил их страдать и как, в свою очередь, теперь ему предстоит дорого заплатить за свое жестокое обращение с людьми.

Весь тот день он бесцельно бродил, пока, измученный, с разбитыми ногами, не опустился на колени у дверей придорожного коттеджа и не попросил еды и крова. Все это ему дали, и на следующий день его отправили работать в поле. Но его руки не привыкли к труду, и его отправили на произвол судьбы, а товарищи по работе насмехались над ним. С тяжелым

сердцем и смиренной гордыней он снова отправился в путь, чтобы постичь тайну счета до Пяти.

Долгими днями и бесконечными ночами, в летнюю жару, в зимние снега, под осенние дожди и холодные порывы ранней весны он скитался.

Прошел целый год, а он так ничему и не научился. По правде говоря, он почти забыл, почему бесцельно кочует с места на место, все дальше и дальше от своего дома.

Голод и жажда чаще всего были его ежедневной порцией, а холодная земля по ночам часто служила ему ложем. Время, казалось, тянулось бессмысленно, и часто в течение недели он не слышал ни звука человеческого голоса.

Он был нищим, обычно с благодарностью принимавшим то, что ему давали, иногда с резкими словами, часто с добрыми выражениями. Когда он мог, он работал, делая что угодно за мелкие монеты, потому что раввин, который сжалился над ним, сказал: "Делай любую честную работу, какой бы отвратительной она ни казалась на первый взгляд, а не говори надменно: "Я сын богатого отца"".

На мгновение он задумался, догадался ли раввин о его секрете, но ученый человек сказал ему, что он всего лишь повторяет максимум из Талмуда.

Ровно через год со дня вынесения приговора, насколько он мог вести счет, принц оказался в незнакомой стране на окраине большого города. Там он познакомился с нищим, который приветствовал его как брата.

"Пойдем со мной", - сказал нищий. "Я знаю предания нашего братства так, как это знают немногие. Я знаю, где бесплатно раздобыть лучшую еду и кров. Здесь, в этом городе, прекрасная и благородная принцесса основала место, где все путники могут отдохнуть и подкрепиться. Никому не отказывают. Я отведу тебя туда.

Нищий сдержал свое слово, и принц наслаждался лучшей едой и самым удобным убежищем с тех пор, как стал изгоем. Охваченный волнением от вызванных в воображении мыслей, он забился в угол и заплакал. Внезапно он услышал чарующий нежный голос, сказавший: "Почему ты плачешь?"

Он поднял глаза и увидел самую красивую женщину, которую когда-либо видели его глаза. Инстинктивно он встал и низко поклонился, но ничего не ответил.

- Говорит принцесса. Ваш долг - ответить, - произнес другой голос, принадлежавший слуге.

Принцесса! Конечно, никто, кроме принцессы, не может быть такой красивой. И какой у нее был сочувственный голос. Он вспомнил, что, будучи принцем, он, как правило, говорил резко и никогда не посещал ни одно из благотворительных учреждений.

- У вас, должно быть, есть история, - ласково сказала принцесса. - Расскажите ее мне. Если вы хотите сохранить это в тайне, можете положиться на меня. Я не предаю тебя.

Принц был готов рассказать ей все, но заколебался и сказал:

- Увы! Я несчастный бродячий нищий, как ты видишь, о всемилостивейшая принцесса. Но не жалею меня. Я недостойн твоих добрых мыслей. Год назад я жил в— прекрасном доме. Я был единственным сыном— богатого купца, и мой отец расточал на меня всю свою любовь и богатство. Но я был порочен. Я был недобр к людям, и меня изгнали, приказав не

возвращаться, пока я не научусь считать до пяти. Я еще не научился. Я обречен на жалкую жизнь. Вот и вся моя история".

- Странно, - пробормотала принцесса. - Я помогу тебе, если смогу.

На следующий день она снова пришла в приют, и с ней был раввин, который дал принцу хороший совет. Раввин никак не показал, что видел незнакомца раньше.

"Этот иудейский мудрец - мудрый человек и научит тебя", - сказала принцесса, и по ее просьбе принц повторил то, что сказал прошлой ночью.

"Это простой урок, - сказал раввин, - к сожалению, настолько абсурдно простой, что гордые люди не замечают его. Скажи мне, сын мой", - добавил он. "Испытывал ли ты чувство голода?"

- Это так, - печально ответил принц.

- Тогда можешь сосчитать Один. Знаешь ли ты, что такое чувствовать холод?

- Я верю.

- Ты умеешь считать до двух. Скажи мне еще, знаешь ли ты, что такое доброта сердца?

- Это я получил от самых бедных, а также от милостивой принцессы.

"Ты далеко продвинулся в своем уроке", - сказал раввин. "Теперь ты можешь сосчитать до трех. Испытывал ли ты когда-нибудь благодарность?"

- Действительно, я часто это делал в течение последнего года, а сейчас особенно.

"Теперь по твоему счету уже четыре", - сказал раввин. "Скажи мне, сын мой, усвоил ли ты величайший урок из всех?" Чувствуешь ли ты себя смиренным духом?"

Со слезами на глазах принц ответил: "Да, совершенно искренне".

- Значит, ты действительно научился считать до пяти. Возвращайся к своему отцу. Должно быть, он мудрый и справедливый человек, раз преподавал тебе этот урок. Он, несомненно, простит тебя. Иди с моим благословением", - и раввин поднял руки над головой молодого человека и произнес благословение.

- Примите также мои добрые пожелания, - сказала принцесса и протянула ему руку для поцелуя.

- Милостивая принцесса, - сказал он, - не подобает нищему в лохмотьях говорить то, что у него на сердце. Но я вернусь, и если ты сочтешь меня достойным, возможно, ты удовлетворишь мою просьбу.

- Возможно, - со смехом ответила принцесса.

Принц поспешил вернуться во дворец своего отца и рассказал обо всех своих приключениях. Старик спокойно выслушал, затем заключил сына в объятия, простил его и снова гордо провозгласил принцем перед всем народом. Он изменился и больше никогда не был виновен в жестоком поступке.

Не прошло и нескольких месяцев, как он вернулся в город, где видел принцессу, в сопровождении длинной свиты слуг, все несли подарки.

- Милостивая принцесса, - сказал он, когда ему была предоставлена аудиенция. - Я сказал, что вернусь.

- Воистину! Я не знаю тебя.

Принц рассказал ей об их прошлой встрече, и она, казалось, была очень довольна.

"Теперь, - сказал он, - возложи венец на свою работу, которая вернула мне мужественность, которую я по глупости утратил своим поведением. Я хотел бы сделать тебя своей невестой, и с тобой я всегда буду моим проводником и советчицей, я буду самым верным из королей, а ты - королевой добра, красоты и мудрости, какой еще не видел мир".

Принцесса ответила не сразу, но в свое время ответила; и принц снова вернулся домой, на этот раз счастливее, чем когда-либо. Рядом с ним в государственной колеснице сидела принцесса, сияющая улыбками, ибо народ сердечно приветствовал ее, усыпая цветами ее путь. И с тех пор по всей стране царило счастье.

Когда шах поднял свой меч, из-за дерева вышел старик. (Страница 166). [Включить в список](#)

История Бостаная

В давние времена, когда Персия была знаменитой и прекрасной страной, с бесчисленными розовыми садами, которые благоухали по всей стране, и великолепными дворцами, жил царь по имени Ормуз. Он был жестоким монархом, этот персидский шах. Он тиранил свой народ и никогда не позволял ему жить в мире. Больше всего он ненавидел евреев.

"Эти потомки авраама, - сказал он своему великому визирю, - никогда не знают, когда их побеждают. Сколько раз мне докладывали, что они были стерты с лица земли или изгнаны с этой земли, я не знаю. И все же, кажется, ничто не может сокрушить их дух. Скажи мне, почему это происходит?"

"Это потому, что они твердо верят в свое будущее", - ответил визирь.

- Что ты подразумеваешь под этими словами? сердито спросил король.

"Я говорю только о том, что слышал от их мудрецов", - поспешно ответил визирь. "Они верят, что будут восстановлены как единый народ на своей собственной земле".

- При их собственном короле? перебил Ормуз.

- При потомке царского дома Давида, - торжественно ответил визирь.

Король в ярости топнул ногой.

"Как они смеют думать о каком-либо другом шахе, кроме меня", - воскликнул он, ибо его единственная идея властвовать над людьми заключалась в том, что он имел полное право быть жестоким по отношению к ним. Затем он внезапно сказал: "Думаешь, если бы больше не было людей, которые могли бы проследить свою родословную до этого ... этого Дэвида, их вера была бы пошатнута?"

- Может быть, так оно и есть.

"Да будет так", - воскликнул царь. "От этого Дома Давидова не останется и следа".

Он вызвал своих палачей, и когда они выстроились перед ним, он оглядел зловещего вида банду с хитрым блеском в глазах.

"Тебе, - сказал он скрипучим голосом, - я вручаю всех потомков Дома Давидова, которых можно найти среди евреев во всем Персидском царстве. Убивайте их немедленно. Позаботьтесь о том, чтобы ни один человек — мужчина, женщина или ребенок — не остался в живых. Горе вам и вам, моим советникам, — при этом он многозначительно взглянул на великого визиря, - если мои приказы не будут выполнены в точности. Приступайте к своим обязанностям. Вы свободны от присутствия".

Отмахнувшись от них, он предался своим фантазиям о предстоящих казнях, посмеиваясь при этом.

Изо дня в день он получал донесения о том, что его приказы выполняются. Земля наполнилась плачем, ибо жестокая резня была хуже войны. Никто не мог защититься. Палачам было достаточно простого подозрения. Они не теряли времени на сомнения, а убили всех, кто, как говорили, принадлежал к Дому Давида. Шах просматривал список каждую ночь и посмеивался. Наконец ему сообщили, что все были убиты.

- Хорошо, хорошо, - сказал он, радостно потирая руки. - Сегодня я буду спать спокойно.

Он спал в беседке в розовом саду, и нигде в мире розы не растут так великолепно и с таким сладким ароматом, как в Персии.

"Мне будут сниться приятные сны", - пробормотал он, но вместо этого ему приснился кошмар, который ужасно напугал его.

Ему приснилось, что он гуляет в своем розовом саду, но вместо того, чтобы получать удовольствие от вида прекрасных деревьев, он был только разгневан.

- А здесь нет белых, или желтых, или розовых роз? - спросил он, но ответа не получил. - Весь красный, темно-красный, - пробормотал он в своей обеспокоенной манере.

- Скажи мне, - яростно потребовал он, останавливаясь перед деревом, усыпанным цветами, - почему ты сегодня такая красная?

И розы заговорили и ответили: "Из-за невинной крови, которая была пролита. Это королевская кровь залила землю, и в этом году в Персии не расцветет ничего, кроме алых роз".

"Бах!" - закричал разъяренный шах и, выхватив свой ятаган, принялся рубить направо и налево цветы. Прекрасные цветы обильным дождем осыпались на землю, пока сад не оказался настолько усеян красными лепестками, что казалось, его затопила лужа крови. Наконец осталось только одно дерево, и когда шах поднял свой меч, чтобы срубить его, из-за него вышел старик и предстал перед королем.

"Кто ты и откуда пришел?" - яростно спросил монарх.

Старик ничего не ответил. Сурово глядя в глаза шаху, он внезапно поднял руку и нанес королю такой сильный удар, что тот растянулся на земле. Он лежал, наполовину оглушенный, среди красных лепестков, глядя на старика снизу вверх.

"Разве ты не удовлетворен разрушениями, которые причинил?" спросил старик. "Ты должен лишиться жизни последнее розовое дерево?"

Старик наклонился, чтобы поднять ятаган, выпавший из рук короля.

"Нет, нет!" - закричал Ормуз, испугавшись, что его убьют. Он вскочил на колени и, сложив руки, взмолился к старику. "Не забирай мою жизнь", - умолял он. "Пощади меня, и я пощажу последнее дерево и буду нежно лелеять его".

"Да будет так", - сказал старик, держа меч над головой. Он упал на землю, и, подняв глаза, Ормуз увидел, что незнакомец исчез.

Шах проснулся. Его тело дрожало от страха, голову пронзала жгучая боль. Он с содроганием огляделся, чтобы убедиться, что разгневанный старик все еще стоит над ним с угрожающим мечом. Затем он послал за своими волшебниками.

- Расскажи мне мой ужасный сон, - попросил он.

Однако их интерпретации ему не понравились.

"Вы глупцы!" - воскликнул он. "Ищите и найдите мне мудрого человека, который понимает эти тайны. Ищите мудреца среди евреев".

Королевские слуги поспешили выполнить приказ короля. Они прекрасно знали, что, когда Ормуз в ярости, можно быстро поплатиться жизнями.

Они схватили престарелого раввина города и привели его к шаху.

"Можешь ли ты толковать сны?" - резко спросил король, обойдясь без обычных церемоний.

"Я могу объяснить значение некоторых вещей", - ответил раввин.

"Тогда не упusti возможности разгадать тайну моего сна", - сказал Ормуз и рассказал о ней. - Секрет, который я должен узнать, - заключил он, - или... Но он остановился. Он побоялся добавить обычную угрозу смерти в то утро.

"Это простой сон", - медленно произнес раввин. "То, о чем люди — и даже короли всего лишь люди — видят сны, связано с делами, совершаемыми днем. Твой сад олицетворяет Дом Давида, который ты стремился разрушить. Старик был самым царем Давидом, и ты обещал лелеять его единственного оставшегося потомка".

Шах слушал молча. Затем, сверкнув глазами, он сказал: "Но все потомки этого царя Давида были убиты".

"Все, кроме одного", - сказал раввин. "Есть мальчик, родившийся в день прекращения казней".

- Где он? - спросил Ормуз.

"Твоя клятва..." - нервно начал раввин, потому что не хотел отдавать этого ребенка на верную смерть.

- Мое обещание будет точно выполнено, - перебил монарх.

"Мальчик в моем доме", - сказал раввин. "Его мать, избежавшая резни, умерла, когда он родился".

- Приведите его сюда, - приказал Ормуз. - Не бойтесь.

Он снял со своего пальца кольцо и протянул его ученому человеку.

"Это мой залог", - сказал он. "Обладание этим гарантирует твою безопасность".

Ребенка принесли во дворец, и шах пристально посмотрел на него.

"Он будет воспитан как принц", - сказал король. "Слуги, сопровождающие и рабы будут у него в большом количестве, чтобы удовлетворять все его потребности. К нему будут относиться с величайшей добротой. И из-за моего сна в саду я называю его Бостанай".

Шах сделал это потому, что "бостан" - персидское слово, обозначающее розовый сад.

Он коснулся ребенка своим украшенным драгоценными камнями скипетром, и все присутствующие низко склонились перед младенцем и проявили к нему уважение и преданность, подобающие принцу.

Однако Ормуз был слишком жесток, чтобы быть удовлетворенным. Он боялся причинить вред мальчику, но хотел получить какие-то доказательства того, что Бостанай действительно потомок царя Давида. Ребенок вырос в красивого, умного юношу, и Ормуз, отчасти из страха, но отчасти потому, что по-настоящему полюбил мальчика, постоянно держал его рядом с собой.

Однажды, сидя в беседке в саду, он наблюдал за мальчиком среди роз. День был жаркий, и короля охватила сонливость. Он не спал в этой беседке с той ночи, когда ему приснился судьбоносный сон, и сейчас ему это было совсем не по душе. Но ему не хватило смелости, и он подозвал мальчика к себе.

- Бостанай, - сказал он, - стой на страже у двери и не двигайся, пока я сплю.

Некоторое время Ормуз спал крепко и мирно, а когда проснулся, то увидел, что юноша неподвижно стоит там, где он только что сидел.

- Бостанай, - позвал он, и когда мальчик обернулся, то с удивлением увидел, что из раны на его лице сочится кровь.

- Что это? - с тревогой спросил он.

"Укус осы", - ответил Бостанай.

- Разве это не больно?

Вместо ответа мальчик только улыбнулся.

"Как это случилось?" - спросил король.

- Оса ужалила меня, когда я стоял на страже.

- Но разве ты не мог бы смахнуть его?

"Нет", - гордо ответил мальчик. "Царь Давид был моим предком, и в присутствии царя я должен стоять неподвижно, пока мне не прикажут сделать какое-либо движение".

Затем, прежде чем король успел подхватить его, он потерял сознание от потери крови и упал на землю. Однако вскоре он пришел в себя, и сомнения шаха рассеялись.

"Теперь я знаю, что ты действительно из Дома Давида, - сказал он, - ибо никто другой не смог бы проявить такую стойкость".

Бостанай стал любимцем шаха, а когда он вырос, его назначили правителем провинции. Он жил счастливо, и благодаря ему евреи страны также жили в процветании и мире.

Позади него раздался свирепый рев, указывающий на то, что лев бросился в погоню.
(Страница 176).[Включить в список](#)

От Мальчика-пастушка до короля

На пустынной равнине одиноко стоял маленький мальчик-пастушок. Его рабочий день закончился, и он бродил по полям и лесам, прислушиваясь к щебету птиц и мягкому шуму летнего ветерка, мягко колышущего ветви деревьев. Казалось, он понимал, о чем говорят птицы, и журчание ручья, который вился по лесу, было для него как послание Природы. Сладостные звуки всегда звучали в его ушах, его сердце всегда пело, потому что мальчик-пастушок был поэтом. Временами он резко оборачивался, думая, что услышал чей-то зов. Однажды он был совершенно поражен.

"Давид, Давид, - ему показалось, что он слышит зовущий голос, - ты будешь царем Израиля".

Но он не мог видеть ничего, кроме деревьев и цветов, и поэтому он вышел из леса и оказался на пустынной равнине. Вдалеке он увидел очень высокий холм и, подойдя ближе, заметил на вершине высокое дерево без ветвей и листьев. С большим трудом он взобрался на холм. Местность была довольно ровной, без растительности и камней, и маленький Дэвид заметил, что она не издает ни одного из тех сладких звуков, похожих на музыку, которые доносятся с других холмов.

Достигнув вершины, он с удивлением посмотрел на дерево. Оно было не из дерева, а из рога.

"Это странно", - сказал мальчик. "Это, должно быть, волшебная гора. Ни одно дерево, ни цветок, ни кустарник не могут вырасти на этой бесплодной земле".

Он попытался выковырять ком земли из земли, но не смог этого сделать даже своим ножом, потому что земля была такой твердой, словно покрыта жесткой шкурой.

Дэвид был сильно озадачен, но, будучи смелым мальчиком, не бросился бежать с горы.

"Интересно, что произойдет, если я останусь здесь", - сказал он, сел у подножия таинственного рога, росшего на вершине, и огляделся.

Затем он заметил весьма странную вещь. Земля местами поднималась и опускалась, как будто ее двигала какая-то сила внизу. Внимательно прислушавшись, он также услышал странный рокочущий звук, а затем громкий свист. В то же время он увидел, как что-то поднимается с другого конца горы и кружится в воздухе.

"Это совсем как хвост", - удивленно воскликнул Дэвид.

В следующую минуту ему пришлось изо всех сил вцепиться в рог, потому что вся гора пришла в движение. Она поднималась, и вскоре Дэвид оказался совсем рядом с облаками. Земля находилась на большом расстоянии, и, судя по огромной тени, отбрасываемой солнцем, Дэвид мог видеть, что цепляется за рог гигантского животного.

"Теперь я знаю, что это такое", - сказал он. "Это не гора, а единорог. Чудовище, должно быть, спало, когда я принял его за холм."

Дэвид начал ломать голову, как бы ему спуститься со своего опасного насеста.

"Я должен подождать, - сказал он, - пока животное поест. Тогда оно наверняка опустит голову к земле, и я соскользну".

Но его ожидал новый ужас. Вдалеке послышался рев льва, и Дэвид обнаружил, что может понять его.

"Поклонись мне, ибо я царь зверей", - прорычал лев.

Однако лев был таким маленьким по сравнению с единорогом, что Дэвид едва мог его разглядеть. Единорог, как только услышал команду, начал опускать голову, и вскоре Дэвид смог соскользнуть на землю. К своей тревоге он обнаружил, что находится прямо перед львом. Царь зверей стоял перед ним с горящими глазами, хлеща себя хвостом по бокам. Дэвид не терял ни минуты. Вытащив из-за пояса нож, храбрый мальчик смело двинулся навстречу льву.

В этот момент какой-то звук привлек внимание и мальчика, и зверя. Это был олень.

"Я спасу тебя, мальчик", - кричало оно. "Садись мне на спину и доверься моей скорости".

Прежде чем лев успел оправиться от удивления, Дэвид вскочил на спину оленя, который бросился бежать со скоростью молнии. Дэвид крепко вцепился в его спину. Позади него раздался свирепый рев, указывающий на то, что лев бросился в погоню. По пустынной равнине и через лес погоня продолжалась, и когда Дэвид снова оказался в пределах видимости человеческих жилищ, олень остановился.

"Теперь ты в безопасности", - сказал ему олень. "Ты станешь королем, и моим приказом было спасти тебя. Не бойся, я введу льва в заблуждение".

Дэвид поблагодарил оленя, который так доблестно спас ему жизнь, и, как только он соскользнул с его спины, олень снова умчался, быстрее, чем когда-либо, а лев все еще преследовал его. Вскоре оба скрылись из виду.

Давид беззаботно пел, возвращаясь в свой скромный дом, а годы спустя, когда он был царем Израиля и вспоминал о своем побеге, он поместил слова своей песни в один из своих Псалмов.

Ворота открылись изнутри, и араб предстал перед ними. (С. 185).[Толлист](#)

Волшебный дворец

Ибрагима, самого ученого и благочестивого человека города, которого все уважали, постигли смутные дни. Он никому не рассказывал о своих страданиях, потому что был горд и

был бы вынужден отказаться от помощи, которая, как он знал, была бы ему предложена. Его благородная жена и пятеро верных сыновей страдали молча, но Ибрагим был очень встревожен, когда увидел, что их одежда превратилась в лохмотья, а тела изнывают от голода.

Однажды Ибрагим сидел перед Священной Книгой, но не видел слов на ее страницах. Его глаза были затуманены слезами, а мысли витали далеко. Он мечтал о краю, где не знали ни голода, ни жажды, ни отсутствия одежды и крова. Он тяжело вздохнул, и его жена услышала.

"Мой дорогой муж, - мягко сказала она ему, - мы умираем с голоду. Ты должен отправиться на поиски работы ради наших пятерых маленьких сыновей".

"Да, да, - печально ответил он, - и для тебя тоже, моя преданная жена, но" - и он указал на свою изодранную одежду, — "как я могу выйти в этом? Кто возьмет на работу человека, столь бедно одетого?"

"Я попрошу наших добрых соседей одолжить тебе какую-нибудь одежду", - сказала его жена, и хотя поначалу он немного возражал, она согласилась, и ей удалось получить займы плащ, который полностью закрыл Ибрагима и вернул ему достойный вид.

Его добрая жена подбодрила его смелыми словами. Он взял свой посох и отправился в путь с гордо поднятой головой и сердцем, полным великой надежды. Все приветствовали ученого Ибрагима, потому что не часто его видели на оживленных улицах города. Он отвечал на их приветствия добрыми улыбками, но не останавливался в своей походке. У него не было желания предъявлять какие-либо претензии своим согражданам, которые, без сомнения, с радостью помогли бы ему. Он хотел жить среди незнакомцев и работать так, чтобы ни перед кем не быть обязанным.

За городскими воротами, где росли пальмы и верблюды лениво брели в сторону далекой пустыни, к нему внезапно обратился незнакомец, одетый арабом.

"О ученый и святой человек из города, - сказал он, - повелевай мной, ибо я твой раб". В то же время он низко поклонился Ибрахиму.

- Мой раб! - удивленно переспросил Ибрагим. - Ты смеешься надо мной, чужеземец. Я ужасно беден. Я ищу лишь возможности продать себя, даже в рабство, любому мужчине, который обеспечит едой и одеждой мою жену и детей".

"Не продавай себя", - сказал араб. "Вместо этого выставь на продажу меня. Я замечательный строитель. Взгляните на эти планы и модели, образцы моего мастерства и ручной работы".

Из складок своего просторного одеяния араб извлек свиток и шкатулку и протянул их Ибрагиму. Тот с удивлением взял их. На свитке были изображены величественные здания. В шкатулке находилась изысканная модель дворца, изумительное произведение искусства, совершенное в деталях и мастерстве исполнения. Ибрагим осмотрел ее с большой тщательностью.

"Я никогда не видел ничего более прекрасного", - признался он. "Это сделано с исключительным вкусом. Это само по себе произведение искусства. Ты, должно быть, действительно замечательный мастер. Откуда ты?"

"Какое это имеет значение?" - ответил араб. "Я твой раб. Нет ли в этом городе какого-нибудь богатого купца или дворянина, которому нужны услуги таких талантов, как у меня? Разыщите его и передайте меня ему. К тебе он прислушается; ко мне он не послушает".

Ибрагим некоторое время размышлял над этой странной просьбой.

- Согласен! - сказал он наконец.

Вместе они вернулись в город. Там Ибрагим навел справки на базаре, где богатые торговцы собирались, чтобы обсудить свои дела, и вскоре узнал о богатом торговце драгоценными камнями, человеке, совершавшем множество благотворительных поступков, который стремился построить внушительную резиденцию. Он обратился к ювелиру.

"Благородный господин, - сказал он, - я слышал, что ты намерен воздвигнуть дворец, подобного которому этот город еще не видел, сооружение, которое будет вечной радостью для его владельца, восхищением для всех, кто посмотрит на него, и которое принесет славу этому городу".

"Это так", - сказал торговец. "Ты истолковал желание моего сердца так, как будто разгадал его тайну. Я бы с радостью посвятил правителю этого города дворец, который прольет свет на его имя".

"Это хорошо", - ответил Ибрагим. "Я привел к тебе гениального архитектора и строителя. Изучи его планы и замыслы. Если они понравятся тебе, а они, несомненно, понравятся, купи у меня этого человека, ибо он мой раб".

Ювелир не мог понять чертежей на свитке, но на модель в шкатулке он несколько минут смотрел в безмолвном изумлении.

"Это действительно замечательно", - сказал он наконец. "Я дам тебе восемьдесят тысяч золотых за твоего раба, который должен построить для меня точно такой дворец".

Ибрагим немедленно сообщил об этом арабу, который сразу же согласился выполнить задание, и тогда благочестивый человек поспешил домой к своей жене и детям с хорошими новостями и деньгами, которые сделали его богатым до конца его дней.

Арабу ювелир сказал: "Ты получишь свободу, если преуспеешь в своем предприятии. Начинай немедленно. Я немедленно найму рабочих".

"Мне не нужны рабочие", - был странный ответ араба. "Отведи меня в землю, на которой я должен строить, и завтра твой дворец будет готов".

"Завтра!"

- Именно так, как я сказал, - ответил араб.

Солнце садилось в золотом великолепии, когда они достигли земли, и, указывая на небо, араб сказал: "Завтра, когда огромный шар света поднимется над далекими холмами, его лучи упадут на минареты, купола и башни твоего дворца, благородный господин. Оставь меня сейчас. Я должен помолиться".

В совершенном замешательстве купец оставил незнакомца. Издали он наблюдал за человеком, истово молящимся. Он решил бодрствовать всю ночь, но когда взошла луна, им овладел глубокий сон, и ему приснился сон. Ему снилось, что он видит мириады людей, копошащихся вокруг странных машин и строительных лесов, которые становились все выше и выше, скрывая огромное сооружение.

Ибрагиму тоже снился сон, но в его видении одна фигура, фигура араба, выделялась среди всего остального. Ибрагим внимательно вглядывался в черты лица незнакомца; он как бы

следил за каждым движением этого человека. Он заметил, что все рабочие, и особенно надсмотрщики, оказали незнакомцу большую честь, оказав ему уважение, подобающее человеку самого высокого положения. И с серьезным и достойным видом араб любезно ответил. С небес на эту сцену лился яркий свет, причем сияние было самым мягким там, где стоял араб.

Ибрагиму так показалось во сне, что он встал со своей постели, вышел в ночь и приблизился ко дворцу, волшебным образом возвышающемуся на пустыре за городом. Шаги становились все ближе и ближе, пока он снова не оказался рядом с арабом. Один из главных рабочих подошел и обратился к незнакомцу — по имени!

Тогда Ибрагим понял — и проснулся. Солнце проникало сквозь решетку его спальни. Он вскочил с кровати и увидел великолепное зрелище. За городом солнечные лучи отражались в ослепительном множестве позолоченных куполов и сверкающих шпилей - башнях мраморного дворца, который он видел построенным во сне. Он немедленно вышел и поспешил во дворец, чтобы убедиться, что его сну действительно пришел конец. Ибрагим и ювелир прибыли к воротам в тот же момент. Они стояли, потеряв дар речи от изумления и восхищения, перед моделью араба, разросшейся до огромных размеров.

Почти в тот же миг ворота, украшенные чеканным золотом, открылись изнутри, и перед ними предстал араб. Ибрагим низко склонил голову.

Араб обратился к торговцу.

"Выполнил ли я свое обещание и заслужил ли свободу?" спросил он.

"Истинно так", - ответил купец.

- Тогда прощай, и да пребудет благословение с тобой, с добрым Ибрахимом и со всеми твоими делами.

Так сказал араб, подняв руки в благословении. Затем он исчез за золотыми дверями.

Ювелир и Ибрагим быстро последовали за ним, но, хотя они спешили по залам и коридорам из разноцветного мрамора, входили и выходили из комнат, освещенных окнами из чистейшего хрусталя, и поднимались и спускались по лестницам из полированного металла, они никого не могли найти. Снова выйдя на открытое место, они увидели огромную толпу, в изумлении стоявшую перед воротами.

"Скажи мне, - попросил ювелир, - кто был строителем этого волшебного дворца".

"Илия, Пророк, - сказал Ибрагим, - благодетель человечества, который вновь посещает землю, чтобы помочь в их бедственном положении тем, кого считает достойными. Благословен я, и благословен ты за твои добрые дела, ибо мы удостоились истинной чести".

Чтобы выразить свою благодарность, купец устроил в своем дворце пир для всех жителей города и разбросал золотые и серебряные монеты среди толпы, заполонившей улицы.

Сон на сто лет

Это было во время разрушения Первого Храма. Жестокая война опустошила Иерусалим, и ужасны были страдания народа.

Рабби Ониас верхом на верблюде печально направлялся в сторону несчастного города. Он путешествовал много дней, устал от недосыпа и падал в обморок от голода, но все же не притронулся к корзинке с финиками, которая была у него с собой, и не стал пить воду из кожаной фляги, прикрепленной к седлу.

"Возможно, - сказал он, - я встречу кого-нибудь, кто нуждается в них больше, чем я"

Но повсюду земля была пустынна. Однажды, приближаясь к концу путешествия, он увидел человека, сажающего рожковое дерево у подножия холма.

"Халдеи, - сказал этот человек, - уничтожили мои прекрасные виноградники и весь мой урожай, но я должен сеять и сажать заново, чтобы земля снова могла жить".

Солнце освещало величественный город с башенками и минаретами. (С. 191).[Перечислить](#)

Ониас печально прошел дальше и на вершине холма остановился. Перед ним лежал Иерусалим, не некогда прекрасный город с его сотнями куполов и минаретов, которые каждое утро ловили первые лучи солнца, а огромная груда руин и обугленных зданий. Ониас бросился на землю и горько заплакал. Он не видел ни одного человека, а солнце садилось над тем, что выглядело как город мертвых.

"Горе, горе", - воскликнул он. "Сиона, моего прекрасного Сиона, больше нет. Сможет ли он когда-нибудь восстать снова? И через сто лет его слава не сможет обновиться".

Солнце опустилось ниже, а он продолжал смотреть на разрушенный город, и над происходящим сгустилась тьма. Совершенно измученный, Ониас, положив голову на своего верблюда, лежащего на земле, погрузился в глубокий сон.

Серебристая луна безмятежно сияла всю ночь и побледнела с рассветом, а солнце бросало свои яркие лучи на спящего раввина. Тьма снова раскинула свою мантию ночи, и снова взошло солнце, а Ониас все еще спал. Дни переходили в недели, недели сливались в месяцы, а месяцы тянулись до тех пор, пока не прошли годы; но рабби Ония не проснулся.

Семена, разнесенные ветром и принесенные птицами, упали вокруг него, пустили корни и превратились в кусты, и вскоре его окружила густая живая изгородь, скрывавшая его от всех, кто проходил мимо. Финик, выпавший из его корзины, тоже пустил корни, и со временем там выросла прекрасная пальма, которая отбрасывала тень на спящую фигуру.

И так пролетело сто лет.

Внезапно Ониас пошевелился, потянулся и зевнул. Он снова проснулся. Он растерянно огляделся.

- Странно, - пробормотал он. - Разве я не заснул прошлой ночью на холме с видом на Иерусалим? Как случилось, что теперь я окружен зарослями и лежу в тени этой благородной финиковой пальмы?"

С большим трудом он поднялся на ноги.

"О, как у меня болят кости!" - воскликнул он. "Я, должно быть, сам проспал. А где мой верблюд?"

Озадаченный, он поднес руку к бороде. Затем издал мучительный крик.

"Что это? Моя борода белоснежная и такая длинная, что почти достает до земли".

Он снова опустился, но холмик, на котором он сидел, был всего лишь кучей мусора и рухнул под его весом. Под ним были кости. Поспешно убрав мусор, он увидел скелет верблюда.

"Это, должно быть, мой верблюд", - сказал он. "Неужели я так долго спал? Седельные сумки тоже сгнили. Но что это? - и он взял корзинку с финиками и флягу с водой. Финики и вода были совсем свежими.

"Это, должно быть, какое-то чудо", - сказал он. "Это, должно быть, знак для меня продолжать мое путешествие. Но, увы, этот Иерусалим должен быть разрушен!"

Он огляделся и был озадачен еще больше, чем когда-либо. Когда он заснул, на холме не было никакой растительности. Теперь он был покрыт рожковыми деревьями.

"Кажется, я помню, как вчера мужчина сажал рожковое дерево", - сказал он. "Но это было вчера?"

Он повернулся в другую сторону и вскрикнул от изумления. Солнце освещало величественный город со сверкающими башенками и минаретами, а вокруг него расстилались улыбающиеся поля и виноградники.

"Иерусалим все еще жив", - воскликнул он. "Я мечтал об истине — мне снилось, что он был разрушен. Хвала Господу, что это был всего лишь сон".

Со всей возможной скоростью он направился через равнину к городу. Люди странно смотрели на него и указывали друг другу на него, а дети бегали за ним и обзывали его именами, которых он не понимал. Но он не обращал внимания. У окраины города он остановился.

"Не можешь ли ты сказать мне, отец, - обратился он к старику, - где находится дом раввина Онии?"

"Это твое остроумие или его отсутствие заставляет тебя называть меня отцом", - ответил мужчина. "Я, должно быть, всего лишь ребенок по сравнению с тобой".

Остальные собрались вокруг и пристально уставились на Ониаса.

"Ты говорил о рабби Онии?" - спросил один. "Я знаю одного, который говорит, что так звали его деда. Я приведу его".

Он поспешил прочь и вскоре вернулся с пожилым мужчиной лет восьмидесяти.

"Кто ты?" - Спросил Ониас.

"Меня зовут Ониас", - последовал ответ. "Меня называли так в честь моего святого деда, рабби Ониаса, который таинственным образом исчез сто лет назад, после разрушения Первого Храма".

- Сто лет, - пробормотал Ониас. - Неужели я мог так долго спать?

"Судя по твоему виду, так оно и есть", - ответил другой Ония. "С тех пор Храм был перестроен".

"Значит, это был не сон", - сказал старик.

Они осторожно повели его в дом, но все вокруг показалось ему незнакомым. Обычаи, манеры, повадки людей, их одежда, их разговоры - все было другим, и каждый раз, когда он говорил, они смеялись.

"Ты кажешься существом из другого мира", - сказали они. "Ты говоришь только о вещах, которые давно прошли".

Однажды он позвонил своему внуку.

"Веди меня, - сказал он, - к месту моего долгого сна. Может быть, я снова усну. Я не от мира сего, дитя мое. Я здесь один, чужой и хотел бы покинуть вас".

Взяв финики и бутылку воды, которая все еще оставалась свежей, он направился туда, где проспал сто лет, и там его молитва о мире была услышана. Он снова заснул, но не в этом мире он проснется.

Он услышал тревожный крик и увидел, как огромный камень упал на солдата, ехавшего позади него. (Страница 201).[Включить в список](#)

Король на три дня

Годфри де Бульон был знаменитым воином, отважным генералом и предводителем отважных людей, одержавшим победы в нескольких странах. И вот, в 1095 году, когда был организован

первый крестовый поход, ему доверили командование одной из армий, и он повел ее через всю Европу в историческом походе на Святую Землю.

Как и многие великие солдаты своего времени, Годфри был жестоким человеком, и, прежде всего, он ненавидел евреев.

"В этой нашей Священной Войне, - сказал он своим людям, - мы убьем всех сынов Израилевых, где бы мы ни встретились с ними. Я не успокоюсь, пока не уничтожу евреев".

Верный своей бесчеловечной клятве, Годфри и его солдаты вырезали большое количество евреев. Они делали это без жалости и сострадания, говоря: "Мы выполняем священный долг, ибо на наше предприятие есть благословение священников".

Годфри был уверен, что победит, но он также хотел получить благословение раввина. Это было странное желание, но в те дни подобные вещи вовсе не считались странными, и поэтому Годфри де Бульон послал за ученым раввином Соломоном бен Исааком, более известным под всемирно известным именем Раши.

Раши, один из мудрейших мудрецов евреев, подошел к Годфри, и двое мужчин встали лицом друг к другу.

- Ты слышал о моем намерении захватить Иерусалим, - надменно сказал Годфри. "Я требую твоего благословения на мое предприятие".

"Благословения заключаются не в даре человека; они даруются Небесами — достойным объектам", - ответил Раши.

"Не придавай значения словам, - возразил воин, - или они могут дорого тебе обойтись. Святой человек может призвать благословение".

Но Раши не испугался. Тогда он уже становился стариком, но был таким же храбрым, как чванливый солдат, и непоколебимо смотрел Годфри в лицо.

"Я не могу предъявлять претензии Богу Израиля от имени того, кто поклялся уничтожить всех потомков Своего избранного народа", - сказал он.

- Итак, хо-хо! - воскликнул Годфри. - Ты бросаешь мне вызов.

Но он резко оборвал свои гневные слова. Ему не хотелось ссориться ни с одним святым человеком, потому что это могло заставить его нервничать. И нервозность, таким образом, была неправильно понята как суеверие. Кроме того, раввин мог проклясть его.

"Если ты не хочешь благословить, - сказал он, - возможно, ты соизволишь приоткрыть для меня завесу будущего. Вы, иудейские мудрецы, провидцы и можете предсказывать события — так они говорят. Сто тысяч колесниц, наполненных храбрыми, решительными и сильными воинами, находятся в моем распоряжении. Скажи мне, добьюсь ли я успеха или потерплю неудачу?"

"Ты сделаешь и то, и другое". - ответил Раши.

- Что вы имеете в виду? - сердито спросил Годфри.

"Это. Иерусалим падет к тебе. Так предначертано, и ты станешь его царем".

"На, ha! Значит, ты все-таки считаешь разумнее всего произнести благословение, - перебил Годфри. "Я доволен".

"Я сказал не все", - серьезно сказал раввин. "Ты будешь править три дня, и не более".

Годфри побледнел.

- Мне вернуться? - Медленно спросил он.

"Не с твоим множеством колесниц. Твоя огромная армия сократится до трех лошадей и трех человек, когда ты достигнешь этого города".

- Хватит! - воскликнул Годфри. - Если ты думаешь напугать меня этими зловещими словами, то тебе это не удастся. И внимайте, равви иудейский, ваши слова будут запомнены. Если они окажутся неверными в мельчайших деталях — если я буду королем Иерусалима в течение четырех дней или вернусь с четырьмя всадниками, — ты понесешь наказание лжепророка и будешь предан огню. Ты понимаешь? Ты будешь предан смерти".

"Я хорошо понимаю, - совершенно невозмутимо ответил Раши, - это приговор, который вы и вам подобные любите произносить с санкции или без санкции тех, кого вы называете своими святыми людьми. Это не я боюсь, Годфри де Бульон. Я не стремлюсь заглядывать в будущее, чтобы обеспечить собственную безопасность".

С этими словами они расстались, раввин вернулся к своим молитвам и занятиям, которые обогатили знания евреев, в то время как Годфри продолжил проливать кровь невинных евреев по берегам Рейна в своем походе в Палестину.

История зафиксировала события Крестового похода. Годфри после многих сражений осадил Святой Город, захватил его, загнал евреев в одну из синагог и сжег их заживо. Восемь дней спустя его солдаты подняли его на своих щитах и провозгласили королем.

Годфри был в восторге, но два дня спустя тщательно обдумал этот вопрос и решил, что не сможет всегда жить в Иерусалиме. Поэтому на следующий день он созвал своих капитанов и сказал:

-Вы оказали мне великую честь. Но я должен вернуться в Европу, и мне было бы больше подобает именоваться герцогом Иерусалима и Хранителем Святого Города, чем его сувереном".

Однако в ту ночь он внезапно вспомнил предсказание Раши.

"Три дня я был королем Иерусалима", - пробормотал он. "Раввин иудеев сказал правду".

Он не мог отделаться от мысли, исполнится ли остальная часть пророчества, и впал в уныние. Он радовался, когда одерживал победу, но пришли и бедствия, и он погрузился в уныние. Неудачи повлияли на жизнерадостность его войск, болезни опустошили их ряды, а дезертирство еще больше истощило их численность. Медленно, но верно его могучая армия превратилась в горстку недовольных людей и дряхлых лошадей.

Это была оборванная и жалкая процессия, которую он вел обратно через Европу, и с каждым днем его свита становилась все меньше. Люди и лошади беспомощно падали от усталости на обочине дороги и оставались там умирать, а голодные стервятники сидели на деревьях, терпеливо ожидая, когда исчезнут последние проблески жизни, прежде чем они приступят к работе, обгладывая кости всякой плоти.

Годфри де Бульон одержал свою победу, но какой ценой? Тысячи мужчин, женщин и детей были убиты, тысячи его солдат пали в боях, а теперь сотни других выбыли из рядов, чтобы провести свои последние часы на ужасной дороге, ведущей из Иерусалима обратно в западную Европу. Вас удивляет, что Годфри был несчастен и что он каждую минуту думал о словах Раши?

Наконец он добрался до города Вормс, где жил Раши. С ним были четверо мужчин верхом на лошадях.

"Это хорошо", - сказал он со всей бодростью, на какую был способен, оглядывая остатки своей некогда гордой армии. "Раввин потерпел неудачу".

Годфри приказал своим людям построиться позади него и гордо въехал в городские ворота. В этот момент он услышал тревожный крик. Он поспешно обернулся и увидел, как с городских ворот падает огромный камень. Пуля упала на солдата, ехавшего прямо за ним, убив и человека, и лошадь.

"Ты сказал правду; если бы я прислушался к твоим словам", - сказал он раввину. "Я сломленный человек. Вы, несомненно, добьетесь большой известности в Израиле".

И вот это свершилось. Если вы случайно когда-нибудь посетите Брюссель, столицу Бельгии, не забудьте взглянуть на статую Годфри де Бульона с гордо поднятым мечом. Он стоит на Королевской площади, всего в нескольких минутах ходьбы от синагоги. Если вы когда-нибудь окажетесь в древнем городе Вормс, стоящем на Рейне, поступите как другие посетители, евреи и неевреи — зайдите в синагогу, построенную много веков назад, и вы увидите комнату, где учился Раши, и каменную скамью, на которой он сидел. А недалеко от синагоги вы увидите древние городские ворота, названные в честь раввина Соломона бен Исаака воротами Раши. Возможно, это тот самый, под которым Годфри де Бульон въехал в город со своими тремя всадниками, как гласит легенда.

Четверо юношей сели верхом на орлов, которые летали на концах их веревок. (Страница 211). [Включить в список](#)

Дворец в облаках

Иккор, еврейский визирь ассирийского царя, был мудрейшим человеком в стране, но он не был счастлив. Он был величайшим любимцем короля, который осыпал его почестями, и

кумиром людей, которые склонялись перед ним на улицах и бросались на землю к его ногам, чтобы поцеловать край его одежды. У него всегда находилось доброе слово и улыбка для тех, кто обращался к нему за советом и наставлением, но глаза его всегда были печальны, и слезы текли по его щекам, когда он наблюдал за маленькими детьми, играющими на улицах.

Его слава как мудрого человека была известна далеко за пределами Ассирии, и правители боялись обидеть царя, у которого Иккор был главным советником для помощи в государственных делах. Но Иккор часто сидел один в своем прекрасном дворце и тяжело вздыхал. Во дворце Иккора никогда не раздавалось ни звука детского смеха, и это было причиной его печали. Иккор был набожным человеком и глубоко сведущим в Священном Законе; и он долго и благоговейно молился и прислушивался к советам магов, чтобы ему было даровано благословение иметь только одного сына или даже дочь, которая унаследовала бы его имя и славу. Но годы шли, а у него так и не родилось ни одного ребенка.

Каждый год по совету царя он женился на другой жене, и теперь в его гареме было тридцать жен, все бездетные. Он решил больше не брать себе жен, и однажды ночью ему приснился сон, в котором ему явился дух и сказал:

"Иккор, ты умрешь преклонным в годах и чести, но бездетным. Поэтому возьми Надана, сына твоей овдовевшей сестры, и пусть он будет тебе сыном".

Надан был красивым пятнадцатилетним юношей, и Иккор рассказал свой сон матери мальчика, которая разрешила ему забрать Надана к себе во дворец и там воспитать его как собственного сына. Печаль исчезла из глаз визиря, когда он наблюдал за играми мальчика и его уроками, и сам Иккор поделился мудростью с Наданом. Но, сначала к своему удивлению, а затем и к своему огорчению, Надан не был благодарен за богатство и любовь, которыми его одарили. Он пренебрегал своими уроками и вырос гордым, надменным и заносчивым. Он сурово обращался со слугами в доме и не подчинялся мудрым принципам Иккора.

Визирь, однако, надеялся, что с годами он исправится и наберется мудрости, и он отвел его во дворец царя и назначил офицером царской гвардии. Ради Иккора король сделал Надана одним из своих фаворитов, и все в стране смотрели на молодого человека как на преемника Иккора и будущего визиря. Это только сделало Надана еще более высокомерным, и ему пришла в голову злая мысль снискать еще большее расположение короля и сразу же вытеснить Иккора.

"О король, живи вечно!" - сказал он однажды, когда Иккор отсутствовал в отдаленной части страны. "Мне грустно произносить слова предостережения против Иккора, мудрого, отца, который усыновил меня. Но он замышляет уничтожить тебя."

Король рассмеялся над этим предложением, но посерьезнел, когда Надан пообещал предоставить ему доказательства через три дня. Затем Надан принялся за работу и написал два письма. Одно было адресовано фараону, царю Египта, и гласило следующее:

"Фараон, сын Солнца и могущественный правитель на земле, живи вечно! Ты хотел бы править Ассирией. Прислушайся же к моим словам и в десятый день следующего месяца приди со своими войсками на Орлиную равнину за городом, и я, Иккор, великий визирь, предам твоего врага, царя Ассирии, в твои руки".

К этому письму он подделал имя Иккора, а затем отнес его королю.

"Я нашел это, - сказал он, - и принес тебе. Это показывает тебе, что Иккор отдаст эту страну твоему врагу".

Король был очень разгневан и хотел немедленно послать за Иккором, но Надан посоветовал ему набраться терпения.

"Подожди до десятого числа следующего месяца, дня ежегодного смотра, и ты увидишь, что удивит тебя еще больше", - сказал он.

Затем он написал второе письмо. Оно было адресовано Иккору и было подделано с именем короля и скреплено королевской печатью, которую он получил. Оно повелело Иккору десятого числа следующего месяца собрать войска на Орлиной равнине, чтобы показать иностранным послам, насколько они многочисленны, и притвориться, что нападают на короля, чтобы продемонстрировать, насколько хорошо они обучены.

Визирь вернулся за день до смотра, и пока король стоял рядом с Наданом и иностранными послами, Иккор и войска, действуя по их указаниям, сделали вид, что нападают на его величество.

- Разве ты не видишь? - спросил Надан. "Царя Египта здесь нет, Иккор угрожает тебе", - и он немедленно приказал царским трубачам протрубить "Стой!"

Иккор предстал перед царем и предъявил письмо фараону.

"Объясни это, если можешь", - сердито воскликнул король. "Я доверял тебе и осыпал богатствами и почестями, а ты хотел предать меня. Разве это не твоя подпись и не твоя печать приложена?"

Иккор был слишком поражен, чтобы ответить, и Надан прошептал королю, что это доказывает его вину.

"Ведите его на казнь, - крикнул король, - и пусть его голова будет отделена от тела и выброшена за сто локтей".

Упав на колени, Иккор взмолился, чтобы ему, по крайней мере, была предоставлена привилегия быть казненным в его собственном доме, чтобы его могли похоронить там.

Эта просьба была удовлетворена, и палач Набу Самак привел заключенного Иккора в свой дворец. Набу Самак был большим другом Иккора, и его огорчало, что ему пришлось выполнять приказ короля.

"Иккор, - сказал он, - я уверен, что ты невиновен, и я бы спас тебя. Послушай меня. В тюрьме сидит жалкий разбойник с большой дороги, совершивший убийство и заслуживающий смерти. Его борода и волосы похожи на твои, и на небольшом расстоянии его легко принять за тебя. Я обезглавлю его и покажу голову толпе, в то время как ты сможешь прятаться и жить в тайне".

Иккор поблагодарил своего друга, и план был выполнен. Голова разбойника была выставлена толпе с крыши дома, и люди плакали, потому что думали, что это голова доброго Иккора. Тем временем визирь спустился в подвал глубоко под своим дворцом, и его там накормили, в то время как его приемный сын Надан был назначен вместо него главным советником короля.

Теперь, когда фараон, царь Египта, услышал, что Иккор мудрый казнен, он решил начать войну с Ассирией. Поэтому он отправил королю письмо с просьбой прислать архитектора для проектирования и строительства дворца в облаках.

"Если ты сделаешь это, - писал он, - я, фараон, сын Солнца, заплачу тебе дань; если ты потерпишь неудачу, ты должен будешь заплатить дань мне".

Царь Ассирии был озадачен, когда получил это письмо, на которое должен был быть дан ответ через три месяца. Надан не мог посоветовать ему, что делать, и он горько сожалел, что Иккора, мудрого человека, больше не было рядом, чтобы дать ему совет.

"Я бы отдал четверть своего королевства, чтобы вернуть Иккора к жизни", - воскликнул он.

Услышав эти слова, палач Набу Самак упал на колени и признался, что Иккор жив.

- Немедленно приведите его сюда! - крикнул король.

Иккор едва мог поверить в правду, когда его друг пришел к нему в подвал с новостями, и люди плакали слезами радости и жалости, когда старого визиря вели по улицам. Он представлял собой самое экстраординарное зрелище.

В течение двенадцати месяцев он был замурован в подвале, и его борода отросла до земли, волосы спускались ниже плеч, а ногти на пальцах были длиной в несколько дюймов. Царь тоже заплакал, когда увидел своего старого визиря.

"Иккор, - сказал он, - месяцами я чувствовал, что ты невиновен, и мне не хватало твоих мудрых советов. Помоги мне в моем затруднении, и ты будешь прощен".

"Ваше величество, - сказал Иккор, - я ничего так не желаю, как служить вам. Я невиновен. Время докажет мою невиновность.

Когда он увидел требование фараона, то улыбнулся.

"Это просто", - сказал он. "Я отправлюсь в Египет и перехитрю фараона".

Он приказал привести к нему четырех ручных орлов из дворцовых садов, привязав к их когтям веревки длиной в пятьсот локтей. Затем он отобрал четырех юношей с гибкой фигурой и научил их садиться на спины орлов и парить в вышине. Сделав это, он отправился в Египет с большим караваном и длинной свитой рабов.

- Как тебя зовут? - спросил фараон, когда он представился.

- Меня зовут Акбам, и я всего лишь низший из советников моего короля.

"Значит, твой господин считает мое требование таким простым?" - спросил фараон.

Иккор поклонился, показывая, что это так, и фараон был очень раздосадован и озадачен.

- Выполняй свое задание, и немедленно, - приказал он.

По знаку Иккора четверо юношей вскочили на орлов, которые парили на концах их веревок. Птицы оставались в воздухе на расстоянии двухсот локтей друг от друга, как их учили, и парни держали веревки в форме квадрата.

"Это план дворца в облаках", - сказал Иккор, указывая вверх. "Прикажи своим людям принести кирпичи и раствор. Задача настолько проста, что ребята сами все построят".

Фараон нахмурился. Он не ожидал, что его так перехитрят, но не стал сразу признаваться в этом.

"В этой стране, - саркастически сказал он, - мы не пользуемся строительным раствором. Мы сшиваем камни вместе. Можешь ли ты это сделать?"

"Легко, - ответил Иккор, - если ваши мудрецы смогут сплести для меня нить из песка".

"А можешь ли ты сплести нить из песка?" - спросил фараон.

"Я могу", - ответил Иккор.

Отметив направление движения солнца, он просверлил крошечное отверстие в стене, и сквозь него пробился тонкий солнечный луч. Затем, взяв несколько песчинок, он выдул их через отверстие, и в солнечном луче они казались нитью.

"Возьми это, быстро", - крикнул он, но, конечно, никто не мог этого сделать.

Фараон долго и серьезно смотрел на Иккора.

"Воистину, ты мудрый человек", - сказал он. "Если бы он не был мертв, я бы сказал, что ты Иккор мудрый".

"Я Иккор", - ответил визирь и рассказал историю своего побега.

"Я докажу твою невиновность", - воскликнул фараон. "Я напишу письмо твоему царственному повелителю".

Он не только сделал это, но и преподнес Иккору много ценных подарков, и визирь вернулся в Ассирию, занял свое место рядом с царем и стал еще большим фаворитом, чем раньше. Надан был изгнан, и о нем больше никогда не слышали.

Игра папы римского в шахматы

Почти тысячу лет назад в городе Майнце, на берегу Рейна, жил благочестивый еврей по имени Симон бен Исаак. Обладавший в высшей степени милосердным нравом,

образованный и всегда готовый помочь бедным деньгами и мудрым советом, он пользовался всеобщим почтением, и считалось, что он был прямым потомком царя Давида. Все были горды тем, что оказали ему честь.

УСимона бен Исаака был маленький сын, смысленный мальчик по имени Эльканан, которого, по его замыслу, следовало обучить на раввина. Маленький Эльканан был очень прилежен в учебе и рано пообещал стать исключительно способным учеником. Даже слуги в доме любили его за острый ум. Одна из них, действительно, проявляла к нему чрезмерный интерес.

Она была женщиной-хранительницей субботнего огня, которая приходила в дом только в день субботний, чтобы ухаживать за огнем, потому что, как вы знаете, еврейские слуги не могли выполнять эту обязанность. Женщина-субботний огонь была преданной католичкой и рассказала об Эльканане священнику. На последнего это произвело большое впечатление.

"Ты можешь быть только моим давно потерянным сыном Элькананом!" (Страница 224). [Список толистов](#)

"Какая жалость, - заметил он, - что такой талантливый мальчик оказался евреем. Если бы он был христианином, то сейчас, - победно добавил он, - он мог бы войти в Святую Церковь и прославиться".

Женщина-субботний огонь точно знала, что имел в виду священник.

"Как ты думаешь, он мог бы стать епископом?" - спросила она.

"Он мог бы подняться еще выше — стать самим папой", - ответил священник.

"Было бы здорово дать Церкви епископа, не так ли?" - сказала женщина.

"Это великое дело - отдать кого-либо Римской церкви", - заверил ее священник.

Затем они заговорили шепотом. Женщина казалась немного встревоженной, но священник пообещал ей, что все будет хорошо, что она будет вознаграждена и что никто не посмеет обвинить ее в чем-то неправильном.

Убежденная в том, что совершает праведный поступок, она согласилась сделать то, что предложил священник.

Соответственно, в следующую пятницу вечером, когда домочадцы Симона бен Исаака были погружены в сон, она украдкой и бесшумно прокралась в спальню мальчика. Нежно взяв его на руки, она бесшумно выскользнула из дома и отнесла к ожидавшему ее священнику. Эльканан был плотно укутан в одеяла, и женщина двигалась так осторожно, что он не проснулся.

Священник не сказал ни слова. Он просто кивнул женщине, а затем усадил Эльканана в ожидавшую его карету.

Эльканан мирно спал, совершенно не подозревая о своем приключении, и когда он открыл глаза, то подумал, что, должно быть, видит сон. Он был не в своей комнате, а в гораздо меньшей, которая, казалось, тряслась и двигалась, как карета, а напротив него сидел священник.

- Где я? - встревоженно спросил он.

- Лежи спокойно, Андреас, - последовал ответ.

"Но меня зовут не Андреас", - ответил он. "Это не еврейское имя. Я Эльканан, сын Симона".

Однако, к его изумлению, священник посмотрел на него с жалостью и покачал головой.

"С вами произошел неприятный несчастный случай, - сказал он, - и это повлияло на вашу голову. Вы не должны говорить".

Больше он не сказал ни слова в ответ на все нетерпеливые расспросы мальчика. Он просто игнорировал Эльканана, который ломал голову над этим вопросом, пока ему действительно не стало плохо и он не стал задаваться вопросом, был ли он Элькананом в конце концов. Уставший, он снова заснул, а когда проснулся в следующий раз, то обнаружил, что лежит на кровати в пустой комнате. Звонил колокол, и он услышал хоровое пение. Рядом с ним стоял священник.

Эльканан ошеломленно посмотрел на священника. Прежде чем он успел произнести хоть слово, священник сказал: "Встань, Андреас, и следуй за мной".

Мальчику ничего не оставалось, как подчиниться. К его ужасу, его отвели в часовню и поставили на колени. Священники окропили его водой. Он не понимал, что означает служба, и когда она закончилась, он начал оплакивать своих отца и мать. В течение нескольких дней никто не обращал ни малейшего внимания на его постоянные расспросы, пока однажды священник с суровым лицом не заговорил с ним сурово.

"Я вижу, Андреас, - сказал он, - у тебя упрямый характер. Это будет обуздано. Твои отец и мать мертвы — весь мир мертв для тебя. У тебя в голове странные мысли. Мы избавим тебя от них.

Эльканан так сильно плакал, услышав эти ужасные слова, что серьезно заболел. Как долго его продержали в постели, он не знал, но когда выздоровел, то обнаружил, что находится узником в монастыре. Все священники называли его Андреасом, они были добры к нему, и со временем он сам начал сомневаться, тот ли он Эльканан, сын Симона, благочестивого еврея из Майнца.

Чтобы положить конец беспокойству в своем уме, он искренне посвятил себя урокам. У его наставников никогда не было ни такого блестящего ученика, ни такого умного товарища. Он был замечательным шахматистом.

"Где ты этому научился?" они спросили его.

"Мой отец, Симон бен Исаак из Майнца, научил меня", - ответил он со всхлипом в голосе.

"Это хорошо, - ответили они, получив инструкции, что говорить в ответ на подобные замечания. - Ты благословлен Небесами, Андреас. Ты не только усваиваешь знания в дневные часы, но ангелы и умершие мудрецы посещают тебя во сне и передают тебе знания".

Он не мог добиться от своих наставников более удовлетворительных слов, и со временем он вообще перестал упоминать о прошлом, и его наставники и товарищи также воздерживались от касаний этой темы. Раз или два у него возникала мысль попытаться сбежать, но вскоре он обнаружил, что это невозможно. Ему ни на минуту не позволяли побыть одному; он был фактически пленником, хотя все люди стали оказывать ему честь из-за его удивительных знаний.

В свое время он стал священником и наставником и даже был вызван в Рим и возведен в сан кардинала. На нем были красная шапочка и плащ, люди преклоняли перед ним колени и просили его благословения, и все говорили о нем как о самом мудром, добром и образованном человеке в Церкви.

Он много лет не говорил о своем детстве, но никогда не переставал думать о тех счастливых днях. И хотя он очень старался, он не мог поверить, что все это было сном. Всякий раз, когда он играл в шахматы, что было его единственным развлечением, ему казалось, что он видит себя в своей старой комнате в Майнце, и он вздыхал. Его собратья-священники недоумевали, зачем он это сделал, и он со смехом сказал им, что это потому, что он понятия не имеет, как проиграть в игре.

Затем произошло великое событие. Папа умер, и Андреас был избран его преемником. Его посадили на трон, возложили корону на его голову и назвали Святым Отцом. Ему была доверена власть над жизнью и смертью миллионов людей во многих странах; короли, принцы и знать посещали его в его огромном дворце, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, и его слава распространилась повсюду. Но сам он стал более задумчивым и молчаливым и стремился только к тому, чтобы использовать свои великие полномочия на благо народа.

Это, однако, не совсем понравилось некоторым из его советников.

"Церкви нужны деньги", - сказали они ему. "Мы должны выжать их из евреев".

Но Андреас упорно отказывался мириться с какими-либо преследованиями. На подпись ему было представлено множество эдиктов, разрешавших епископам в определенных округах

угрожать евреям, если они не заплатят огромные суммы дани, но Андреас отказался согласиться ни с одним из них.

Однажды ему был представлен документ от архиепископа Рейнского округа, в котором он просил разрешения изгнать евреев из города Майнц. Лицо папы римского посуровело, когда он прочитал это незаконное письмо. Он немедленно отдал приказ вызвать архиепископа в Рим и, к крайнему изумлению своих кардиналов, также приказал им привести к нему трех видных евреев из Майнца, чтобы изложить их дело.

"Никто не должен говорить, - заявил он, - что папа издал указ о наказании, не дав осужденным возможности защитить себя".

Когда новость достигла Майнца, среди евреев поднялся великий плач и скорбь, ибо, увы! горький опыт научил их не ожидать пощады от Рима. Делегаты были отобраны, и когда они прибыли в Ватикан, у них спросили их имена. Они были переданы Папе Римскому.

"Делегаты евреев города Майнца, - объявил секретарь, - смиренно просят аудиенции у Вашего Святейшества".

- Их имена? - спросил папа.

- Симон бен Исаак, Авраам бен Моисей и Иссахар, священник.

"Пусть они войдут", - сказал папа тихим, твердым голосом. Он слышал только одно имя; его план оказался успешным, поскольку он рассчитывал, что Саймон будет одним из избранных делегатов.

Трое мужчин вошли в зал для аудиенций и в ожидании остановились перед Папой. Его Святейшество, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. Внезапно он очнулся от своих размышлений и пристально посмотрел на престарелого лидера отряда.

"Симон из Майнца, выйди вперед, - сказал он, - и озвучь свою просьбу. Мы уделяем тебе внимание".

Старик подошел на несколько шагов ближе и простым, но красноречивым языком умолял разрешить евреям оставаться в покое в Майнце, где уже давно существует их община.

"Твоя молитва, - сказал папа, закончив, - будет полностью рассмотрена, и мой ответ будет сообщен тебе без промедления. А теперь расскажи мне, Симон из Майнца, что-нибудь о себе и своих коллегах. Кто ты в этом городе?"

Саймон поделился информацией.

"Вы пришли сюда один?" - спросил папа. "Или вас сопровождали члены ваших семей — ваши сыновья?"

Голос папы едва ли звучал ровно, но никто этого не заметил.

- У меня нет сына, - сказал Саймон с усталым вздохом.

"Неужели ты никогда не был благословлен потомством?"

Саймон пристально посмотрел на папу Римского, прежде чем ответить. Затем, со склоненной головой и прерывающимся голосом, он сказал: "Бог благословил меня одним сыном, но его украли у меня в детстве. Это было самым большим горем в моей жизни".

Голос старика прерывался от рыданий.

"Я слышал, - сказал папа через некоторое время, - что ты знаменит как шахматист. Мне тоже приписывают некоторое мастерство в игре. Я бы охотно сравнял это с твоим. Слушай! Если ты окажешься победителем в игре, то твоя апелляция возобладает".

"Я согласен", - гордо сказал старик. "Прошло много лет с тех пор, как я терпел поражение".

Было условлено, что игра состоится в тот же вечер. Естественно, странное состязание вызвало живейший интерес. За игрой внимательно следили папские секретари и еврейские делегаты. Это было замечательное испытание тонкой игры. Казалось, что два игрока примерно равны. Сначала один, а затем и другой делали смелый ход, который, казалось, ставил его противника в затруднительное положение, но каждый раз катастрофы удавалось искусно избежать. Ничья казалась наиболее вероятным результатом, пока внезапно Папа не сделал блестящий ход, который поразил зрителей. Теперь Саймону считалось невозможным избежать поражения.

Никто не был так поражен поступком папы, как старый еврей. Он, дрожа, поднялся со своего стула, пристально посмотрел пронзительными глазами в лицо папе и хрипло сказал: "Где ты научился этому движению? Я научил этому только одного человека.

- Кто? - нетерпеливо спросил папа.

- Я скажу тебе это наедине, - сказал Саймон.

Папа сделал знак, и остальные в великом удивлении покинули комнату.

Тогда Саймон взволнованно воскликнул: "Если только ты не сам дьявол, ты можешь быть только моим давно потерянным сыном Элькананом".

- Отец! - воскликнул папа, и старик заключил его в объятия.

Когда остальные вернулись в комнату, Папа тихо сказал: "Мы решили объявить игру ничьей, и в благодарность за редкое удовольствие сыграть в шахматы с таким искусным игроком, как Симон Майнцский, я исполняю молитву делегатов этого города. Моя воля в том, чтобы евреи жили в мире".

Вскоре после этого был избран новый папа. Распространились различные слухи. Один из них гласил, что Андреас бросился в огонь; другой - что он таинственным образом исчез. И в то же самое время в Майнц прибыл незнакомец, которого Саймон радостно приветствовал как своего сына Эльканана.

Судьба раба

Ахмед был единственным ребенком самого богатого торговца Дамаска. Его отец посвящал свои дни тому, чтобы делать все возможное, чтобы предвосхитить его желания. Мальчик с интересом отвечал на любовь своего отца, и они жили вместе в полнейшем счастье. Они редко расставались, отец сократил свои деловые поездки, чтобы поспешно вернуться в Дамаск, и, наконец, ограничил свои дела теми, которыми мог заниматься у себя дома.

В целях безопасности Ахмеда всякий раз, когда он оказывался вне поля зрения отца, сопровождал крупный негр-раб Педро, внушительного вида человек, богато одетый, как подобало его положению и обязанностям. Педро был верным слугой, и они с Ахмедом были самыми крепкими друзьями.

Когда Ахмед подрос, его отец решил отправить его получать образование в Иерусалим. Он сделал это неохотно, понимая, однако, что это был самый мудрый ход. Он осторожно сообщил эту новость Ахмеду, так как знал, что последнему не понравится покидать дом. Ахмеду было искренне жаль расставаться со своим отцом, но он сдержал слезы и храбро сказал:

- Это твоё желание, отец, поэтому я не подвергаю его сомнению. Я знаю, что ты желаешь только моего благополучия.

"Хорошо сказано, сын мой", - сказал его отец.

- Можно мне взять Педро с собой? - спросил Ахмед.

"Нет, это было бы неприлично", - мягко возразил его отец. "Это создало бы впечатление, что ты стремишься выставить напоказ своё богатство. Такое хвастовство заставит людей считать тебя и твоего отца глупцами, обладающими большим богатством, чем необходимо для проявления мудрости. Также, сын мой, твоё будущее обучение не должно ограничиваться знаниями, которые могут передать тебе мудрые люди. Ты отправляешься в великий город, чтобы узнать, как устроен мир, приучить себя к уверенности в себе и подготовить себя ко всем обязанностям мужчины".

Юноша был несколько разочарован, услышав это. Насколько он помнил, это был первый случай, когда отец не исполнил его желание; но, тем не менее, ему польстила перспектива быстро стать мужчиной, и он ответил: "Я преклоняюсь перед твоей мудростью, отец мой".

Сердечно попрощавшись с купцом, он уехал в Иерусалим и в Святом Городе усердно занялся своими исследованиями. Он радовал своих учителей своим жизнерадостным вниманием к урокам и открыл для себя новый источник счастья в том, что сам чему-то учился на собственном опыте. Кроме того, ему было приятно заниматься своими делами, и в

огромном городе с его оживленными узкими улочками и прекрасными зданиями он с каждым днем все меньше тосковал по дому. Регулярно он получал письма с посылками от своего отца и послушно отвечал тем же способом длинными посланиями, излагая все большие и малые события, из которых состояла его жизнь.

Прошел год, и однажды обычное сообщение, которого ожидал Ахмед, пришло к нему странным почерком.

Он вскрыл его поспешно, с предчувствием беды и тревогой. Автор письма был одним из ближайших друзей торговца. Он сказал:

"О достойный сын самого достойного отца, приветствую тебя, и пусть Бог даст тебе силы услышать ужасную и печальную весть, которую мой скорбный долг донести до тебя. Знай тогда, что Богу в его мудрости было угодно призвать с этой земли твоего святого отца, чтобы он воссел с праведниками на Небесах. Здесь, в городе Дамаске, раздается великий плач, ибо твой достопочтенный отец был самым честным из людей, другом всем в беде, человеком, чья щедрая благотворительность к бедным и несчастным была непревзойденной. Но наше горе, каким бы глубоким и искренним оно ни было, не сравнится с твоим. Мы все потеряли мудрого советника, верного друга, наставника во всех делах. Но ты потерял больше. Ты потерял отца. Ты его единственный сын, и на тебе теперь будут лежать его обязанности. Знай же, что мы разделяем с тобой твою глубокую горе. Мы выражаем тебе наше искреннее сочувствие и с нетерпением ожидаем твоего прихода. Ты занимаешь благородное положение и продолжаешь традицию. Мы, друзья твоего отца и твои собственные, о Ахмед, поможем тебе".

Молодой человек был ошеломлен, когда до него дошел смысл письма. Несколько мгновений он не говорил, а сидел на земле, беззвучно плача. Затем, вспомнив наставления своего отца, он быстро взялся за улаживание своих дел в Иерусалиме до своего отъезда в Дамаск.

"Я возьму с собой, - сказал он, - доброго раввина, который был моим религиозным наставником, поскольку я не полностью готов выполнять все обязанности, которые выпадут на мою долю, и нуждаюсь в укрепляющем совете".

По прибытии в Дамаск его приветствовало большое скопление людей, которые выразили ему свое сочувствие и высоко оценили доброжелательность его отца.

После похорон Ахмед созвал ведущих горожан, чтобы послушать оглашение завещания своего отца, поскольку был уверен, что будет объявлено о многих пожертвованиях благотворительным организациям. Так оно и было, и когда были зачитаны суммы, раздался приглушенный гул аплодисментов.

Затем внезапно друг, который написал молодому человеку и читал завещание, остановился.

- Боюсь, здесь какая-то ошибка, - шепотом сказал он Ахмеду.

"Продолжайте", - призывали собравшиеся люди, и мужчина прочитал странным голосом:

"И теперь, когда, как я надеюсь, я добросовестно исполнил свой долг перед бедными, я завещаю остальное свое имущество моему преданному рабу-негру Педро".

- Педро! - закричала изумленная толпа.

Они посмотрели на массивную фигуру чернокожего слуги, но он стоял неподвижно и бесстрастно, не выказывая никаких признаков радости или удивления.

Ахмед не мог скрыть своего замешательства.

- Неужели у меня ничего не осталось? - сумел спросить он.

"Да", - ответил его друг и среди внезапной тишины продолжил читать: "Это завещание оговаривается следующим условием: одна вещь должна быть передана моему сыну до раздела моего имущества, то же самое должно быть выбрано им в течение двадцати четырех часов после оглашения ему настоящего завещания".

Толпа расступилась с бормотанием сочувствия, смешанного с удивлением, но вне пределов слышимости Ахмеда все говорили, что торговец, должно быть, был сумасшедшим, раз составил такое абсурдное завещание. Сам Ахмед с трудом осознавал, какой сильный удар обрушился на него. Он проконсультировался с другом своего отца и раввином, но, хотя они много раз перечитывали документ, они не смогли найти в нем ни одной ошибки или изъяна.

"С юридической точки зрения это правильно, находится в идеальном порядке и не может быть изменено", - сказал друг.

- Мой отец, должно быть, совершил глупую ошибку и перепутал два слова "сын" и "раб", - с горечью сказал Ахмед.

"Похоже, что это не так", - сказал раввин. "Твой отец был ученым и мудрым человеком. Не говори поспешно и, прежде всего, не действуй необдуманно. Я бы посоветовал тебе выпасться над этим вопросом, а утром мы разгадаем эту головоломку".

Ахмед, измученный горем, яростью и удивлением, вскоре погрузился в глубокий сон, а когда проснулся, раввин читал свои утренние молитвы.

"Сегодня прекрасный день", - сказал он, закончив. "Солнце озаряет твое счастье, Ахмед".

Ахмед был слишком подавлен, чтобы что-либо комментировать, и не был полностью удовлетворен, когда раввин заверил его, что все будет хорошо.

"Я глубоко и долго размышлял над словами твоего отца", - сказал он. "Я просидел всю ночь до рассвета и пришел к выводу, что твой отец был действительно мудрым человеком".

Ахмед прервал его жестом неодобрения. Раввин не обратил на это внимания, а спокойно продолжил: "Твой отец, должно быть, боялся, что в твое отсутствие после его смерти и в ожидании возможной задержки с возвращением сюда рабы и другие люди могут лишиться тебя твоего наследства. Педро, как я выяснил, знал об условиях завещания. Сообщив ему и составив свое странное завещание, твой отец, о счастливчик Ахмед, позаботился о том, чтобы твое наследство досталось тебе".

- Я не понимаю, - пробормотал Ахмед.

"Это совершенно ясно", - сказал раввин. "Как только ты будешь готов, ты сделаешь свой выбор в пользу чего-то одного. Делай, как я тебе говорю, и ты увидишь мудрость твоего отца".

Ахмеду ничего не оставалось, как согласиться. Он сам не мог найти решения, и каким бы несчастным он себя ни чувствовал, разум подсказывал ему, что отец любил его и что раввин славился проницательностью.

Горожане собрались рано, чтобы послушать, как Ахмед выберет что—то — и только одно - из вещей своего отца. Ахмед выглядел менее обеспокоенным, чем они ожидали, у раввина было

самое добродушное выражение лица, а Педро занял свое обычное место у двери, величественный, послушный и бесстрастный, как всегда.

Ахмед поднял руку, призывая к тишине.

"Действуя по условиям завещания моего отца, — торжественно сказал он, - в этот момент, когда все, до раздела, принадлежит ему, я выбираю только одно из владений моего отца - Педро, черного раба".

Тогда все увидели мудрость странного завещания, потому что вместе с Педро Ахмед стал обладателем огромного состояния своего отца.

Обращаясь к Педро, который все еще стоял неподвижно, Ахмед сказал: "А ты, мой хороший друг, получишь свободу и имущество, достаточное для того, чтобы жить в комфорте до конца своих дней".

"Я не желаю ничего, кроме как служить тебе, - ответил Педро. - Я хочу оставаться верным слугой того, кто благородно пойдет по стопам твоего отца".

Так что все остались довольны.

Он скорчился на своем троне и представил, что видит ангелов, демонов и фей. (Страница 241).[Включить в список](#)

Морской рай

Хирам, царь Тира, был глупым стариком. Он прожил так долго и дожил до такого почтенного возраста, что абсурдно вообразил, что никогда не умрет. Эта идея с каждым днем набирала силу в его сознании, и поэтому он размышлял:

"Я знал Давида, царя Иудейского, а потом и его сына, мудрого царя Соломона. Но каким бы мудрым он ни был, Соломону пришлось обратиться ко мне за помощью в строительстве своего чудесного Храма, и только с помощью квалифицированных рабочих, которых я послал к нему, он успешно завершил возведение этого сооружения. Скончался Давид, певец в Израиле, который, будучи простым мальчиком, убил великана Голиафа. Я все еще жив. Должно быть, я никогда не умру. Men die. Боги живут вечно. Я должен быть богом, а почему бы и нет?"

Он задал этот вопрос главному из своих советников, который, однако, был слишком умен, чтобы ответить на него. Теперь советники царя еще ни разу не отказывались ответить на его вопросы, и поэтому Хирам был уверен, что наконец-то озадачил их вопросом, на который не в силах ответить смертный человек. Это еще одно доказательство, сказал он себе, что он отличается от других людей и королей — короче говоря, он бог.

"Я должен быть, я должен быть", - бормотал он себе под нос и повторял это так регулярно, что пришел к выводу, что это правда.

"Это говорю не я, а голос Духа Божьего, который во мне", - сказал он себе, и это замечание показалось ему настолько умным, что он счел его еще одним доказательством. Так легко ввести себя в заблуждение.

Затем он решил поведать людям великую тайну, и дряхлый старик подумал, что если он сделает это необычным способом, у его подданных не возникнет сомнений. Он не делал заявления, призывающего всех верить в него как в бога; сначала он прошептал секрет своему главному советнику и проинструктировал его рассказывать это одному человеку ежедневно и приказывать всем, кто был проинформирован, поступать так же. Таким образом, новость вскоре распространилась по самым отдаленным уголкам страны, потому что, подсчитав небольшую сумму, вы обнаружите, что если взять цифру один и удвоить ее таким образом: два, четыре, восемь, шестнадцать и так далее, то получится миллион.

Несмотря на это, ничего не произошло. Хирам, теперь уже совершенно идиотский, приказал людям поклоняться ему. Некоторые подчинились, опасаясь, что в случае отказа они будут наказаны или даже преданы смерти. Другие заявляли, что нет никаких доказательств того, что царь был богом. Это стало известно Хираму и сильно беспокоило его.

"Каких доказательств требуют неверующие?" он спросил своих советников.

Они не решались ответить, но вскоре визирь, проницательный старик с длинной бородой, тихо сказал: "Я слышал, люди говорят, что у бога должны быть небеса, с которых он может метать молнии и раскаты грома, и рай, в котором он может жить".

"У меня будут небеса и рай", - сказал Хирам после нескольких минут молчания, добавив про себя: "Если Соломон смог построить чудесный храм с помощью моих работников, то, несомненно, я смогу изобрести рай".

Он так много думал над этим, что, казалось, с каждым днем становилось все легче. Кроме того, было бы так здорово жить в раю в полном одиночестве. Сначала он решил построить огромный дворец из золота, с окнами из драгоценных камней. Там была бы высокая башня, на которой трон возвышался бы так высоко над людьми, что на них должен был произвести впечатление тот факт, что он был Богом.

Затем ему пришло в голову, что так не годится. Дворец, каким бы огромным и красивым он ни был, был бы всего лишь зданием, а не раем. День и ночь он размышлял и беспокоился, пока у него сильно не заболела голова. И вот однажды, когда он наблюдал за кораблем в море, ему в голову пришла необычная идея.

"Я построю дворец, который, казалось бы, будет висеть над водой на пустом месте!" сказал он себе, посмеиваясь. "Никто, кроме бога, не мог бы додуматься до такой блестящей идеи".

Хирам немедленно приступил к осуществлению своего гениального плана. Он повсюду разослал доверенных посланцев за опытными ныряльщиками. Были отобраны только те, кто не знал языка страны. Сам Хирам отдавал им приказы, и они работали только ночью, чтобы никто не видел и не знал об их работе. Их задачей было закрепить на дне моря четыре огромных столба. Их работа была завершена, водолазам хорошо заплатили и отправили восвояси.

Затем из чужой страны была привезена другая бригада рабочих. Они построили платформу на столбах в море. Затем третья группа ремесленников начала возводить замечательное сооружение на платформе. Они тоже работали только по ночам, но здание больше нельзя было скрыть. Оно показывалось над морем. Поэтому в королевском воззвании народу было сказано в следующих словах:

Я, Хирам из Тира, царь и весь Народ,

БОГ ВСЕМОГУЩИЙ,

Настоящим сообщаю вам, что мне доставило удовольствие раскрыть вам свою

РАЙ

которое до сих пор Я скрывал в облаках. Вы, достойные, узрите это

СЕГОДНЯ!

Из всех умных поступков, которые он совершил, Хирам считал состав этого воззвания самым умным.

"Те, кто не видит, сочтут себя недостойными, - сказал он, - и будут дрожать в страхе перед моим гневом. Каждый день они будут видеть немного больше и будут считать, что становятся достойными. И они поверят; они должны поверить, когда увидят все это. Кроме того, они будут смотреть вверх, к облакам, чтобы увидеть нисходящий рай. Им никогда не придет в голову заглянуть вниз, чтобы увидеть, как он поднимается".

Так и случилось. Люди не могли не быть впечатлены, когда увидели удивительное сооружение. Он рос с каждым днем, очевидно, сам по себе, потому что рабочих не было видно; и самое удивительное, что, казалось, он ни на чем не держался в воздухе!

Это произошло потому, что первый этаж был сделан из чистейшего стекла, такого прозрачного, что люди смотрели сквозь него и думали, что ничего не видят. На нем были возведены другие этажи, и, конечно, они казались подвешенными в пространстве.

Там было семь этажей, изображавших семь небес. Второй, тот, что над стеклом, был сделан из железа, третий - из свинца, четвертый - из блестящей латуни, пятый - из полированной меди, шестой - из блестящего серебра, и последний этаж из чистого золота.

Все здание было щедро усыпано драгоценными камнями самых разных оттенков. Днем, когда светило солнце и отражалось от тысяч драгоценных камней и полированных металлов, вид был ослепительный; люди не могли не считать небом то, на что они едва могли смотреть, не ослепнув. В лучах заходящего солнца самый верхний этаж с его огромным золотым куполом сиял, как огненное поле, а ночью мириады драгоценных камней мерцали, как дополнительные звезды.

Однако некоторые люди не верили, что это рай, и Хираму пришлось снова взяться за ум.

"Я должен произвести гром и молнию", - сказал он, и эта часть его амбиций показалась ему совсем несложной.

На втором этаже он хранил огромные валуны и круглые тяжелые камни. Когда их раскатывали, люди думали, что это гром. С помощью множества вращающихся окон и отражателей Хирам мог осветить город и ввести в заблуждение простых людей, которых легко было впечатлить и напугать, заставив их поверить, что они видели молнию.

"Когда я сижу здесь, возвышаясь над силами бури, - сказал Хирам, - люди, несомненно, должны принять меня как Бога и превозносить выше всех смертных королей".

Он был безумно счастлив на своем троне в облаках, но его советники покачали головами. Они знали, что такая глупость понесет должное наказание. Они предостерегали Хирама от того, чтобы он оставался в своем раю во время бури, но он в ярости ответил: "Я, Бог бури, не боюсь".

Но когда прогремел настоящий гром и вокруг его рая засверкали молнии, Хирам утратил свою хвастливую отвагу. У него были видения. Дрожа всем телом, он скорчился на своем троне и представил, что видит ангелов, демонов и фей, танцующих вокруг него и насмехающихся над его претензиями и его чудесным строением.

Буря становилась все яростнее, молнии ярче, раскаты грома громче, и Хайрам закричал, когда раздался оглушительный звон бьющегося стекла. Первый этаж не выдержал ужасных ударов волн. Он треснул и рассыпался. У шести небес над головой не осталось опоры. Они больше не могли висеть в пространстве.

С могучим грохотом, вселившим ужас в сердца зрителей, все сооружение развалилось на тысячу кусков в море.

Удивительно, что Хирам не был убит или утонул. То, что он был спасен, казалось чудом, но так оно и было; и некоторые люди думали, что это доказывает, что он больше бог, чем его несчастный рай. Но его жизнь была спасена только для того, чтобы закончиться в еще больших страданиях и печали. Он был свергнут с престола Навуходоносором и закончил свои дни жалким пленником. И весь народ знал, что Хирам, некогда великий царь Тира, друг царя Давида и царя Соломона, был всего лишь смертным и глупцом.

Человек-пугало раввина

Раввин Лион из древнего города Прага сидел в своем кабинете в гетто с очень обеспокоенным видом. Через окно он мог видеть реку Молдау с узкими улочками еврейского квартала, сгрудившимися вокруг кладбища, которое сохранилось и по сей день и где можно увидеть могилу этого знаменитого человека. За пределами гетто возвышались башни и шпили города, но как раз в тот момент мысли раввина занимала не жестокость местных жителей по отношению к евреям. Он не смог найти слугу, даже такого, который присутствовал бы вместо него у костра в субботу.

Правда заключалась в том, что люди немного побаивались раввина. Он был очень образованным человеком, мудрым и прилежным, а также ученым; и из-за того, что он совершал удивительные вещи, люди называли его волшебником. Его химические эксперименты пугали их. Поздно ночью они видели, как из его окна вылетают маленькие струйки синего и красного пламени, и говорили, что демоны и ведьмы приходят по его первому зову. Так что никто не хотел поступать к нему на службу.

Чудовище ломилось в дверь синагоги. (Страница 249).[Включить в список](#)

"Если, как они заявляют, я действительно волшебник, - сказал он себе, - почему бы мне не завести себе слугу, который будет поддерживать огонь для меня в субботу?"

Он принялся за работу над своей новой идеей и за несколько недель завершил создание своего механического создания - женщины. Она выглядела крупной, сильной, работающей женщиной, и раввин был очень доволен работой своих рук.

"Теперь нужно вдохнуть в это жизнь", - сказал он.

Тщательно, в тишине своего таинственного кабинета в полночь, он написал Непроизносимое Священное Имя Бога на куске пергамента. Затем он свернул его и положил в рот существу.

Он тут же вскочил и начал двигаться, как живое существо. Он закатил глаза, замахал руками и чуть не вылетел в окно. Встревоженный рабби Лайон выхватил пергамент у него изо рта, и существо беспомощно упало на пол.

"Я должен быть осторожен", - сказал раввин. "Это замечательная машина с ее множеством пружин, винтов и рычагов, и она будет мне очень полезна, как только я научусь управлять ею должным образом".

Все люди были поражены, когда увидели, что женщина-машина раввина бежит по поручениям и выполняет множество обязанностей, управляемых только его мыслями. Она могла делать все, кроме как говорить, и рабби Лайон обнаружил, что перед сном он должен произнести это Имя из ее уст. В противном случае она могла натворить бед.

Однажды холодным субботним днем раввин проповедовал в синагоге, а маленькие дети стояли возле его дома и смотрели на женщину-машину, сидящую у окна. Когда они закатили глаза, она так и сделала, и наконец они закричали: "Идите и поиграйте с нами".

Она быстро выпрыгнула в окно и встала среди мальчиков и девочек.

"Нам холодно", - сказал один. "Можешь ли ты развести для нас огонь?"

Существо было вынуждено подчиняться приказам, поэтому оно сразу же собрало хворост и разожгло костер на улице. Затем вместе с детьми она в большом ликовании заплясала вокруг костра. Она навалила туда все хворост и старые бочки, которые смогла найти, и вскоре огонь распространился и охватил дом. Дети в страхе убежали, а огонь полыхал так яростно, что переполошился весь город. Прежде чем пламя удалось потушить, несколько домов сгорели дотла и был нанесен большой ущерб. Существо найти не удалось, и только когда среди пепла был обнаружен пергамент с Именем, которое не могло сгореть, стало известно, что оно сгорело во время пожара.

Городской совет был возмущен, когда узнал об этом странном происшествии, и раввин Лион был вызван предстать перед королем Рудольфом.

"Что это я слышу?" - спросил его величество. "Разве не грех создавать живое существо?"

"У него не было другой жизни, кроме той, которую давало ему Священное Имя", - ответил раввин.

"Я этого не понимаю", - сказал король. "Ты будешь заключен в тюрьму и должен будешь создать другое существо, чтобы я мог увидеть это своими глазами. Если все так, как ты говоришь, твоя жизнь будет сохранена. Если нет — если, по правде говоря, ты оскверняешь священный закон Божий и создаешь живое существо, ты умрешь, и весь твой народ будет изгнан из этого города".

Рабби Лайон сразу же принялся за работу и на этот раз создал мужчину, гораздо крупнее сожженной женщины.

"Как видит ваше величество, - сказал раввин, когда его задание было выполнено, - это всего лишь создание из дерева и клея с пружинами в суставах. А теперь наблюдай", - и он вложил Священное Имя в его уста.

Существо медленно поднялось на ноги и поприветствовало монарха, который был так обрадован, что воскликнул: "Отдай его мне, равви".

"Этого не может быть", - торжественно сказал рабби Лайон. "Священное Имя не должно перейти из моих рук. Иначе существо может снова причинить большой вред. На этот раз я буду осторожен и не стану использовать этого человека в субботу".

Король понял мудрость этого и отпустил раввина на свободу, позволив ему забрать это существо к себе домой. Евреи смотрели с изумлением, когда увидели существо, идущее по улице рядом с раввином Львом, но дети в страхе разбежались, крича: "Человек-привидение".

На этот раз раввин проявил осторожность со своим пугалом и каждую пятницу, незадолго до начала субботы, он срывал это имя с его уст, чтобы сделать его бессильным.

С каждым днем это становилось все чудеснее, и однажды вечером это пробудило раввина от дремоты, заставив заговорить.

"Я хочу быть солдатом, - говорилось в нем, - и сражаться за короля. Я принадлежу королю. Ты создал меня для него.

"Молчать", - крикнул раввин Лайон, и ему пришлось подчиниться. "Мне это не нравится", - сказал раввин самому себе. "Это чудовище не должно стать моим хозяином, иначе оно может уничтожить меня и, возможно, всех евреев".

Он не мог не задаться вопросом, прав ли был король и что, должно быть, создавать человека - грех. Существо не только заговорило, но и стало угрюмым и непослушным, и все же раввин не решался разорвать его, потому что оно было ему очень полезно. Здесь он готовил, стирал и убирал, и трое слуг не смогли бы выполнить эту работу так аккуратно и быстро.

Однажды в пятницу днем, когда раввин готовился идти в синагогу, он услышал громкий шум на улице.

"Идите скорее", - кричали люди у его двери. "Ваш бандит пытается проникнуть в синагогу".

Раввин Лайон выбежал в тревоге. Чудовище выскользнуло из дома и ломилось в дверь синагоги.

"Что ты делаешь?" строго спросил раввин.

"Пытаюсь проникнуть в синагогу, чтобы уничтожить свитки Святого Закона", - ответило чудовище. "Тогда у тебя не будет власти надо мной, и я создам великую армию из людей-призраков, которые будут сражаться за короля и убивать всех евреев".

"Я убью тебя первым", - воскликнул рабби Лайон и, прыгнув вперед, так быстро выхватил пергамент с Именем изо рта существа, что оно рухнуло к его ногам грудой сломанных пружин, кусков дерева и клея.

В течение многих лет после этого эти предметы демонстрировались посетителям на чердаке синагоги, когда рассказывалась история о человеке-пугале раввина.

Сказочная Лягушка

Давным-давно жил ученый и богатый человек, у которого был единственный сын по имени Ханина. К этому сыну, который уже вырос и женился, он послал гонца с просьбой немедленно явиться к своему отцу. Ханина повиновался и обнаружил, что его отец и мать лежат больными.

"Знай, сын мой, - сказал старик, - мы скоро умрем. Не печалься, ибо так было предначертано. Мы были товарищами по жизни, и нам выпала честь покинуть этот мир вместе. Вы будете оплакивать нас обычные семь дней. Они закончатся накануне праздника Пасхи. В этот день выйди на рыночную площадь и купи первое, что тебе предложат, независимо от того, что это такое и какую цену за это могут потребовать. Со временем это принесет тебе удачу. Прислушайся к моим словам, сын мой, и все будет хорошо".

Ханина и его жена последовали за гигантской лягушкой. (Страница 255). [Список толистов](#)

Ханина пообещал подчиниться этому странному указанию своего отца, и события развивались в соответствии с предсказанием старика. Пожилая пара умерла в один день, были похоронены вместе, и после недели траура, за день до праздника Пасхи, Ханина отправился на рыночную площадь, гадая, какое приключение его ждет.

Едва он вошел на рыночную площадь, где были выставлены всевозможные товары, как к нему подошел старик, неся серебряную шкатулку причудливого дизайна.

"Купи это, сын мой, - сказал он, - и это принесет тебе удачу".

"Что в нем содержится?" - спросила Ханина.

"Этого я не могу сообщить тебе", - был ответ. "Воистину, не могу, ибо не знаю. Только покупатель может открыть его на празднике, с которого начинается Пасха".

Естественно, эти слова произвели впечатление на Ханину. Дела развивались именно так, как предсказывал его отец.

- Какова цена? - спросил он.

- Тысяча золотых монет.

Это была огромная сумма, почти все, что у него было, но Ханина, помня о своей клятве, заплатил деньги и забрал шкатулку домой. Его поставили на стол в ту ночь, когда начался праздник Пасхи. Когда его открыли, оказалось, что в нем находится шкатулка поменьше. Она открылась, и оттуда выпрыгнула лягушка.

Жена Ханины была сильно разочарована, но дала еды лягушке, которая с жадностью все съела. Это существо съело так много, что, когда Пасха закончилась, за восемь дней оно выросло до огромных размеров. Ханина соорудил шкаф для своего странного имущества, но оно продолжало расти, и вскоре ему потребовался специальный сарай.

Ханина был серьезно озадачен, потому что лягушка ела так жадно, что у них с женой почти не оставалось еды для самих себя. Но они не жаловались, хотя их трудности увеличивались с каждым днем. Они были вынуждены пожертвовать почти всем, что у них было, чтобы обеспечить лягушку пищей, и в конце концов оказались в состоянии крайней нищеты. Только тогда мужество жены Ханины дрогнуло, и она заплакала.

К ее удивлению, лягушка, которая теперь была больше человека, заговорила с ней.

"Послушай меня, жена верного Ханины", - говорилось в нем. "Ты хорошо обращалась со мной. Поэтому просите у меня, чего пожелаете, и я исполню ваши желания".

- Дайте нам поесть, - всхлипнула женщина.

"Оно там", - сказала лягушка, и в этот самый момент раздался стук в дверь и принесли огромную корзину с едой.

Ханина еще ничего не сказал, и лягушка попросила его назвать свое желание.

"Лягушка, которая говорит и творит чудеса, должна быть мудрой и образованной", - сказала Ханина. "Я хочу, чтобы ты научил меня знаниям людей".

Лягушонок согласился, и его метод обучения был чрезвычайно странным. Он записал Закон и семьдесят известных языков на полосках бумаги. Он приказал Ханине проглотить их.

Ханина так и поступил и познакомился со всем, даже с языком зверей и птиц. Все люди считали его самым образованным мудрецом своего времени.

Однажды лягушка снова заговорила.

"Настал день, - сказал он, - когда я должен отплатить вам за всю доброту, которую вы мне оказали. Ваша награда будет велика. Пойдем со мной в лес, и ты увидишь, как совершаются чудеса".

Однажды очень рано утром Ханина и его жена последовали за гигантской лягушкой в лес, и она, прихрамывая, представляла собой комичную фигуру. Добравшись до леса, лягушка закричала своим квакающим голосом:

"Придите ко мне, все вы, обитатели деревьев, пещер и ручьев, и исполните мое повеление. Принесите драгоценные камни из глубин земли, корни и травы".

Затем началась самая странная процессия. Сотни и сотни птиц щебетали на деревьях; тысячи и тысячи насекомых выползали из нор в земле; и все животные в лесу, от самых маленьких до чудовищ, слетелись на зов лягушки. Каждая группа принесла какой-нибудь подарок и положила его к ногам Ханины и его жены, которые стояли в некоторой тревоге. Вскоре перед ними была навалена огромная груда драгоценных камней и трав.

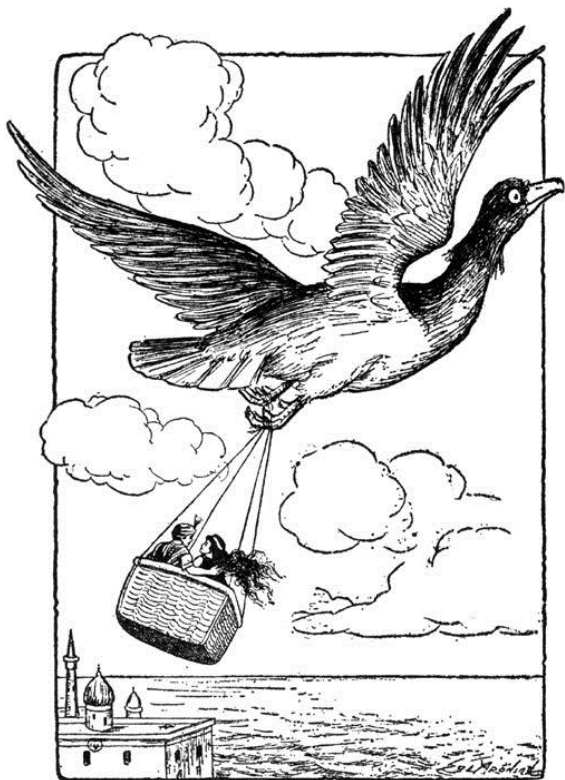
"Все это принадлежит тебе", - сказала лягушка, указывая на драгоценные камни. "Равной ценности обладают травы и корни, с помощью которых ты можешь вылечить все болезни. За то, что вы подчинились воле умирающего и не задавали мне вопросов, вы теперь вознаграждены".

Ханина и его жена поблагодарили лягушку, и тогда первая сказала: "Разве мы не можем узнать, кто ты?"

"Да", - ответила лягушка. "Я волшебный сын Адама, одаренный способностью принимать любую форму. Прощай."

С этими словами лягушка начала становиться все меньше и меньше, пока не стала размером с обычную лягушку. Затем он прыгнул в ручей и исчез, и все обитатели леса вернулись в свои логова.

Ханина и его жена вернулись домой со своими сокровищами. Они прославились своим богатством, мудростью и милосердием и жили в счастье со всеми народами много-много лет.

Гигантская птица, казалось, вообще не замечала своей ноши. (Страница 274).[Включить](#)

Принцесса из башни

Я

Принцесса Солима была больна, не то чтобы совсем больна, но настолько не в духе, что ее отец, король Зулиман, был одновременно раздражен и встревожен. Принцесса была

прекрасна, как и подобало принцессе тех дней; ее длинные локоны были подобны золотым нитям, голубые глаза соперничали по цвету с небом в самый погожий летний день, а улыбка сияла, как само солнце.

К тому же она была образованной и умной, а доброта ее сердца снискала ей такую же известность, как и несравненная красота. Несмотря на все это, принцесса Солима не была счастлива. Действительно, она была доведена до отчаяния, и ее меланхолия тяжело давила на отца.

"Что с тобой, моя драгоценная дочь?" он спрашивал ее сотни раз, но она ничего не отвечала.

Она просто сидела и молча хандрила. Она не исхудала, что озадачило врачей; она не побледнела, что удивило ее сопровождающих; и она не заплакала, что удивило ее саму. Но она чувствовала, что на сердце у нее стало тяжело, как будто ни в чем не было смысла.

Король расправил плечи, чтобы показать свою решимость, созвал своих магов, чародейки и чародейки и приказал им проявить свое искусство и разгадать тайну болезни принцессы Солимы. Странная это была команда, выстроившаяся полукругом перед королем. Там был знаменитый астролог из Египта, маленький горбатый человечек; составитель таинственных зелий из Китая, длинный, худощавый желтый человек с крошечными глазками; алхимик из Аравии, хмурый человек с лицом, почти скрытым бакенбардами; там были грек, перс и финикиец, каждый обладал какими-то особыми знаниями и страшно стремился их продемонстрировать. Они принялись за работу.

Один изучал звезды, другой готовил сладко пахнущую жидкость, третий удалился в лес и глубоко задумался, четвертый производил сложные вычисления с помощью диаграмм и цифр, пятый расспрашивал служанок принцессы, а шестому пришла в голову блестящая идея поговорить с самой принцессой. Он, безусловно, был оригинальным волшебником, и он узнал больше, чем все остальные.

Затем они встретились, посоветовались, поговорили на иностранных языках и очень серьезно притворились, что понимают друг друга. Один сказал, что звезды находятся в оппозиции, другой сказал, что он смотрел в кристалл и видел светлячка, преследующего гиппопотама, что третий истолковал как означающее, что принцесса умрет, если светлячок выиграет гонку.

"Вздор! - воскликнул волшебник, разговаривавший с принцессой. - точно так же вздор и бессмыслица и их эквиваленты на семидесяти неизвестных языках".

Это был дерзкий комментарий к их предсказаниям, и поэтому они прислушались серьезно.

"Принцесса, - сказал он, - просто устала. Это болезнь, которая станет популярной и модной по мере того, как мир станет старше и все больше людей будут накапливать богатства. Ей надоело, что ее обхаживают по рукам и ногам, кланяются и все такое прочее. В детстве ей никогда не разрешали резвиться, самой выбирать себе компаньонов и все такое прочее. Следовательно, ей наскучило все это и так далее. Дело понятное и всеобъемлющее: оно требует проявления воображения, стимулируемого предвидением, совестью, терпением"

Остальные зевнули и начали собирать словари, и, опасаясь, что у них возникнет искушение швырнуть ими в него после того, как они поймут значение его громких слов, он замолчал.

"Я согласен, - сказал президент ассамблеи, старейший волшебник, - только я диагностирую болезнь в более простой форме. Принцесса влюблена".

Это заставило их всех заговорить друг с другом, и в конце концов они согласились доложить королю, что настало время принцессе выйти замуж, чтобы она могла уехать в новую страну, к другим людям и другим сценам.

Король согласился неохотно, потому что он нежно любил свою дочь и хотел, чтобы она всегда оставалась с ним, если это возможно. Повсюду были разосланы герольды и гонцы, и очень скоро мимо леди потянулась вереница претендентов на руку принцессы. Это были принцы всех форм и размеров, всех комплекций и цветов кожи; некоторые блистали драгоценностями, за другими следовала свита рабов с подарками; некоторые участвовали в соревновании по доверенности — то есть они посылали кого-то другого, чтобы тот первым увидел госпожу и вынес ей приговор. Их она без промедления отклонила, заявив, что они были дисквалифицированы по правилам честной игры.

Когда король осмотрел всех поступающих, он сказал своей дочери:

"Выбери того, кого любишь больше всего, дорогая Солима".

- Никаких, - быстро ответила она.

"Боже мой, боже мой, это очень неловко. Нам придется вернуть входные билеты — я имею в виду подарки", - сказал он.

Эта перспектива, казалось, несколько не беспокоила принцессу; и призыв ее отца не принижать его в глазах других монархов не произвел на нее ни малейшего эффекта.

- По крайней мере, - сказал он, теряя терпение, - скажи мне, чего ты хочешь.

"Я выйду замуж за любого мужчину", - ответила она, в то время как он серьезно размышлял, что еще она могла сказать, "который не настолько глуп, чтобы считать себя единственным значимым человеком в мире".

Король был не лишен мудрости и знал, что это замечание может быть глупым или разумным, в зависимости от настроения, в котором оно было сказано, и мыслей, стоящих за ним.

- Вы не считаете ни одного из принцев, - мягко сказал король, - достойным...

- Любая женщина, - перебила его дочь. - Послушай, отец, ты всегда пытался сделать меня счастливой, и до недавнего времени тебе это удавалось. Я хочу повиноваться тебе во всем, даже в выборе мужа. Ты действительно хочешь, чтобы я вышла замуж за любого из этих дураков? Не сердись. Проявил ли кто-нибудь проблеск мудрости или здравого смысла? Разве все они не были просто нелепыми щеголями? Позвольте мне перечислить:

- Был принц Хафиз, который говорил только о своих войнах — о мужчинах — да, о женщинах и детях, — которых убили его солдаты. Солдаты сражались, и принц Хафиз предстал передо мной как воин и герой. Я не буду королевой в стране, где люди не могут жить в мире.

Потом был принц Азиз, который хвастался, что всю свою жизнь проводит со своими лошадьми, собаками и соколами на охоте. Он знает нужды животных, но не людей. Я не буду невестой принца, который позволяет своим подданным умирать с голоду в нищете, в то время как сам наслаждается убийством диких зверей.

"Принцу Гусману нечем было поделиться со мной, кроме своего вкуса в выборе драгоценностей и одежды. Принц Абдул точно знал, сколько бутылок вина он выпивает ежедневно, но не мог сказать мне, сколько школ в его городе. Принц Хасан не имел ни

малейшего представления о том, как живет большинство его народа, занимаясь торговлей, воровством, трудом или попрошайничеством".

Король Зулиман внимательно слушал. Это была необычная речь для принцессы, но разум подсказывал ему, что это глубочайшая мудрость.

- О, я так устала, - разразилась слезами принцесса Солима. "У меня нет стремления к жизни, если быть правителем мужчин, женщин и детей означает, что ты не должен интересоваться их благополучием. Отец мой, послушай. Я не буду королевой в стране, где король думает, что народ живет только для того, чтобы сделать его великим. Я буду горд и счастлив править там, где король понимает, что его долг - сделать свой народ счастливым, а свою страну процветающей и мирной".

Король оставил свою дочь и, глубоко обеспокоенный, отправился на поиски своих волшебников.

"Моя дочь родилась на тысячи лет раньше своего времени", - раздраженно заявил он. "Звезды сыграли со мной злую шутку, и послал меня мой пра-пра-пра-пра-либо столько правнучка из ее черед".

Волшебники не рассмеялись над этим: они сочли это удивительно мудрым замечанием и после долгих таинственных перешептываний между собой, сверяясь со старыми книгами и заглядывая в кристаллы, они сообщили королю, что звезды предсказали, что принцесса Солима выйдет замуж за бедняка!

Они тешили себя надеждой на свой ум, придя к такому выводу, который они вывели из презрения принцессы к принцам.

К этому времени терпение короля Зулимана лопнуло. В ярости он рассказал своей дочери, что сказали волшебники, и когда она просто сказала: "Как мило", он поклялся, что заточит ее в своей морской крепости.

Его величество тоже имел это в виду и сразу же приказал роскошно обставить крепость, стоявшую на крошечном острове в нескольких милях от суши, для приема его дочери. Туда ее тайно перевезли однажды ночью, но, к отвращению отца, она не протестовала.

- Я буду свободна на некоторое время, - сказала она, - от всей абсурдной суеты дворца.

II.

Люди были опечалены, когда принцесса исчезла. Она была добра к ним, понимала их, и они не знали, умерла ли она или бросила их, не сказав ни слова на прощание, хотя это вряд ли было возможно. Все, что они знали, это то, что король внезапно стал угрюмым. Как ни странно, он начал проявлять интерес к беднякам. Он задавал им забавные вопросы — для короля. Как они зарабатывали деньги? Чем они занимались? Были ли у них какие-нибудь удовольствия? И о чем они думали?

Молодые люди засмеялись, но старики сказали, что король намерен продвигать законы, которые принесут пользу. Как бы то ни было, интерес короля сделал его подданных

счастливее, и государственные чиновники были очень заняты проектами и схемами улучшения торговли, обеспечения работой и образования детей.

"Говорят, - заметила одна пожилая женщина, державшая прилавок с яблоками на рыночной площади, - что будет принят закон, согласно которому солнце должно светить каждый день и что в дни базара никогда не должно идти дождя. Ах, это было бы здорово ", - и она потерла руки при мысли о том, что ей не придется прятаться под дырявым навесом, когда льет дождь, или зимой у крошечного костерка в медной чаше, чтобы согреть замерзшие и онемевшие руки.

Даже работники на полях, которые в основном были туповатыми людьми, не имеющими никакого образования, услышали эту новость; и они действительно размышляли над ней и задавались вопросом, означает ли это, что они больше никогда не будут голодны и бедно одеты.

Тот, кто глубоко задумывался, был парнем-пастухом. Он любил лениво греться на солнышке, слушать щебет птиц и все звуки воздуха, полей и лесов. Казалось, он понимал их; журчание ручьев в теплый день было похоже на нежную колыбельную песенку, убаюкивающую его; в день, когда завывал ветер, его угрюмое рычание, когда он разбивался о камни, предупреждало его, что могут начаться наводнения и что он должен отвести свои стада в более безопасные места.

"Интересно, - задумчиво произнес он, - научусь ли я читать написанное слово и даже писать его сам?" Тогда я мог бы написать "песню о ручье и птицах", чтобы другие знали ее".

Размышляя таким образом, он заснул. Он проспал дольше обычного, а когда проснулся, то с тревогой увидел, что солнце село. Быстро сгущалась тьма, и ему нужно было благополучно проводить свое стадо домой. Коровы и овцы начали собираться по привычке, и именно их шум разбудил его. Они уже шли хорошо известным маршрутом, и все, что ему нужно было делать, следуя за ними, - это следить, чтобы никто не сбился с пути и не свалился в ручей.

Все шло хорошо, пока не показался дом. Затем в небе появилась огромная птица зиз, больше нескольких домов, и спикировала на коров и овец.

Пастух отбивался от чудовища, сколько мог, большой палкой, в то время как испуганные животные поспешно убегали домой. Однако зиз, очевидно, был полон решимости не упускать свою добычу. Он глубоко вонзил когти в бока быка, который бросился не в ту сторону и отставал от остальных.

Бедное животное взревело от боли, и пастух, бросившись на помощь, схватил его за передние лапы, когда его поднимали с земли. Обхватив ногой тонкий ствол дерева, молодой человек начал борьбу с зизом. Могучая птица, глаза которой горели, как две сигнальные лампы, попыталась ударить его своим огромным клювом, один удар которого был бы смертельным.

В быстро сгущающейся темноте он промахнулся, к счастью для пастуха, но удар клюва зацепил верхнюю часть ствола дерева. Она сломалась под ударом, и пастух был вынужден ослабить хватку. Он все еще крепко сжимал передние ноги быка, но теперь, когда ничто не могло его удержать, огромная птица без труда поднялась в воздух. Прежде чем он полностью осознал, что произошло, пастух очутился высоко над деревьями.

Ослабить его хватку означало бы разрушение. Он держался мрачно, изо всех сил сжимая ноги быка и даже поднимая ноги, чтобы ухватиться за задние лапы животного.

Все выше и выше поднимался зиз, величественно расправляя свои огромные крылья и бесшумно и быстро летя над землей. У пастуха закружилась голова, когда он взглянул вниз, на землю, быстро проносящуюся далеко под ним. Поэтому он закрыл глаза, но, открыв их снова на мгновение, с ужасом заметил, что птица теперь летит над морем, над которым серебристым сиянием сияла луна. С тяжелым вздохом он решил, что проиграл, и начал раздумывать, не лучше ли было бы ослабить хватку, упасть и утонуть, чем быть съеденным гигантской птицей.

Прежде чем он успел принять решение, птица остановилась, и пастуха ударили обо что-то с такой силой, что на мгновение он остолбенел. Оглядевшись вокруг, когда он пришел в себя, он увидел, что находится на вершине башни в море. Рядом с ним лежала туша быка. Над ними возвышался зиз, его глаза горели, как два огня, клюв был занесен для удара.

Пастух быстрым движением выхватил нож, который носил за поясом, и ударил по отверстию опускающегося клюва. Птица издала пронзительный крик боли, когда нож пронзил ее язык, и через несколько мгновений она растворилась в воздухе. Его полет был так быстр, что почти мгновенно он превратился в маленькую точку в залитом лунным светом небе.

Совершенно измученный, пастух спал, пока его не разбудил звук голоса. Открыв глаза, он увидел, что взошло солнце. Над ним стояла женщина восхитительной красоты. Он вскочил на ноги и низко поклонился.

"Кто ты?" - спросила принцесса Солима, потому что это была она. - А скажи мне, как ты попал сюда с этой тушей быка, так далеко от суши, так высоко, как эта башня в море?

"Об истине, которую я едва ли знаю", - ответил пастух. "Может быть, я околдован или вижу сон, потому что мое приключение превосходит все ожидания", - и он рассказал об этом.

Принцесса ничего не сказала, но жестом показала ему следовать за ней. Он подчинился, и она поставила перед ним еду. Он был ужасно голоден и отдал должное еде. Затем она повела его в ванную комнату.

- Умойся и переоденься, - сказала она, подавая ему кое-что из одежды, - а потом мне нужно о многом тебя расспросить.

Пастух почувствовал себя намного лучше, когда искупался, а затем, облачившись в странные одежды, которые она ему подарила, предстал перед принцессой.

Она смотрела на него так долго и испытующе, что он смутился и покраснел.

- Ты красив на вид и мужественного телосложения, - сказала принцесса.

Пастух смог только пробормотать что-то в ответ, но через некоторое время сказал: "Прекрасная леди, кто ты и что ты, я не знаю. Такая красота, как у тебя, по праву принадлежит только принцессам. Я всего лишь бедный пастух.

"А разве пастух не может быть красивым?" спросила она. "Скажи мне: кто установил закон, по которому только королевские особы могут быть красивы?" Я видел принцев с подлыми лицами".

Она внезапно остановилась, потому что не хотела выдавать свою тайну. Они сидели в маленькой комнате в башне, неизвестной многочисленным стражникам внизу, и, хотя пастух протестовал, принцесса сама прислуживала ему, принося еду и подушки, на которых он мог отдохнуть этой ночью.

На следующее утро они вместе поднялись на башню.

- Я прихожу сюда каждое утро, - сказала принцесса.

"Почему?" - спросил пастух.

- Посмотреть, придет ли мой муж, - последовал ответ.

"Кто он?" - спросил пастух.

Принцесса рассмеялась.

- Я не знаю, - ответила она. - Иногда по утрам, когда я стояла здесь и горевала о своем одиночестве, у меня возникало желание поклясться, что я выйду замуж за первого мужчину, который сюда войдет.

Пастух молчал. Затем он смело посмотрел в глаза принцессе и сказал: "Ты сказала мне, что я первый мужчина, пришедший к тебе. Я осмелел, чтобы признаться тебе в своей любви, в чувстве, которое охватило меня в тот момент, когда мои глаза увидели тебя. Кто ты, что ты такое, я не знаю, мне все равно. Будем ли мы мужем и женой?"

Принцесса протянула ему руку.

"Это предопределено", - сказала она, и таким образом их верность была подтверждена.

- Мы не можем оставаться здесь вечно, - сказала принцесса через некоторое время. - Можешь ли ты, избранник моего сердца, придумать какой-нибудь способ сбежать?

Несколько мгновений он задумчиво смотрел на тушу быка.

"У меня получилось", - возбужденно воскликнул он. "Можно с уверенностью предположить, что чудовищная птица, которая принесла меня, вернется за едой. Тогда Он сможет унести нас прочь. Если небеса одобряют, - пылко сказал он, - так и будет.

В ту же ночь зиз вернулся и полакомился быком, и пока он был полностью занят утолением своего голода, пастух ухитрился привязать к его ногам крепкие веревки. К нему он прикрепил большую корзину, в которой он и его невеста удобно устроились на подушках. Они также не забыли взять с собой запас еды.

Ближе к утру зиз медленно поднялся в воздух, и влюбленные крепко прижались друг к другу, пока корзина вращалась все больше и больше. Гигантская птица, казалось, вообще не заметила своей ноши и через мгновение начала стремительный полет над морем. Через много часов стал виден город, и по мере приближения к нему пастух мог заметить волнение, вызванное появлением зиза. Птица начала уставать и, наконец, заметив привязанный к ее лапам груз, явно стремилась избавиться от него.

Пролетев низко, он ударил корзиной о башню. Пассажиры испугались, что их могут убить, но внезапно веревки лопнули, корзина оказалась на парاپете башни, и птица быстро улетела.

Не успел пастух вместе со своей невестой выбраться из корзины, как появились вооруженные стражники. При виде принцессы они опустили оружие и пали ниц.

- Сообщите моему отцу, что я вернулась, - сказала она, и они немедленно поднялись, чтобы выполнить ее приказ.

"Ты знаешь, где находишься?" - спросил пастух.

"Да, это королевский дворец", - последовал ответ.

Вскоре появился король и с почти истерической радостью обнял свою дочь.

"Я счастлив видеть тебя снова", - воскликнул он. "Я прошу у тебя прощения за то, что замуровал тебя в морской крепости. Ты расскажешь мне обо всех своих приключениях.

Затем он увидел пастуха.

- Кто это? - требовательно спросил он.

- Твой зять, мой муж, - сказала принцесса, и радость отразилась в ее блестящих глазах.

"Какой ты принц?" - спросил король.

- Принц среди мужчин, - быстро ответила принцесса. "Человек без богатства, который происходит из народа и научит нас его нуждам и тому, как управлять им".

Король смирился с неизбежным. Он благословил своего зятя и дочь, назначил их правителями провинции, и они поселились там, чтобы сделать всех полностью счастливыми, довольными и процветающими.

Затем дверь медленно открылась, и на пороге появилась фигура в белом. (Страница 286).[Включить в список](#)

Приключения короля Александра

I. Видение победы

Более двух тысяч лет назад в Македонии жил царь, который был великим завоевателем, и когда родился его сын Александр, прорицатели и жрицы храмов предсказали, что он будет более великим воином, чем его отец. Александр был замечательным мальчиком, и его отец, король Филипп, очень гордился им, когда он приручил резвого коня, с которым никто другой не мог справиться. Учителями Александра были мудрейшие философы того времени, и когда ему было всего шестнадцать лет, Филипп оставил его во главе страны, отправившись покорять Византию. Александру было всего двадцать, когда он взошел на трон, но до этого он подавил восстание и доказал, что обладает исключительной смелостью.

"Я завоюю весь мир", - сказал он, и хотя он правил всего тринадцать лет и умер в возрасте тридцати трех лет, он осуществил свои амбиции. Все известные тогда страны должны были признать его верховенство.

Король Александр был пьяницей и очень жестоким, но к евреям он относился по-доброму. Когда они услышали, что он одержал победу над Дарием, персидским царем, который был их правителем, и что он идет на Иерусалим, они серьезно встревожились. Однако верховный жрец Джадуа посоветовал народу приветствовать Александра с большой церемонией.

Все священники и левиты облачились в свои самые роскошные одежды, население облачилось в праздничные наряды, а улицы города были весело украшены разноцветными знаменами и гирляндами цветов. За ночь до того, как Александр прибыл во главе своей армии, была сформирована длинная процессия из священников, левитов и старейшин города, каждый из которых нес зажженный факел. У ворот города они ожидали приближения могучего воина.

Ранним утром, еще до восхода солнца, появился Александр и был поражен великолепным зрелищем, представшим его взору. Во главе процессии стоял первосвященник в своих сияющих белых одеждах, с драгоценными камнями эфода, сверкающими на его груди. К удивлению своих военачальников, Александр сошел с коня и низко поклонился верховному жрецу.

"Подобно ангелу являешься ты мне", - сказал он.

"Пусть твой приход принесет мир", - ответил Джадуа.

Парменион, главный из полководцев Александра, пообещал солдатам богатую добычу в Иерусалиме, подошел к царю и сказал:

"За что ты считаешь этого иудейского священника выше всех людей?"

"Я скажу тебе", - ответил Александр. "Во снах я часто видел этого достойного священника. Он всегда призывал меня быть храбрым и всегда предсказывал мне победу. Разве я не должен тогда отдать дань уважения моему ангелу-хранителю?"

Повернувшись к священнику, он сказал: "Веди меня в свой Храм, чтобы я мог вознести благодарение Богу моего ангела-хранителя".

Уже рассвело, и священники прошли процессией перед королем Александром мимо ликующих толп людей. В Храме царь снял сандалии, но жрецы дали ему пару украшенных драгоценными камнями туфель, опасаясь, что он может поскользнуться на мостовой. Король был доволен всем, что увидел, и пожелал, чтобы в святом здании была установлена его статуя или портрет.

"Возможно, этого и не будет, - ответил первосвященник, - но в честь твоего визита все мальчики, родившиеся в Иерусалиме в этом году, будут названы Александром".

"Это хорошо, - сказал король, очень довольный. - проси у меня, чего пожелаешь, и, если это будет в моих силах, я исполню это".

"Могущественный монарх, - сказал Джадуа, - мы не желаем ничего, кроме того, чтобы нам разрешили служить нашему Богу в соответствии с нашими законами. Позволь нам свободно и беспрепятственно исполнять наши религиозные обряды. Даруй также эту привилегию евреям, живущим во всех твоих владениях, и мы всегда будем молиться о твоей долгой жизни и триумфе".

"Это лишь малая толика, о чем вы просите, - ответил король, - и эта малость легко дается".

Услышав благую весть, люди громко зааплодировали, и многие евреи записались в армию.

Александр пробыл некоторое время в Иерусалиме, и из Ханаана прибыли гонцы с просьбой заставить евреев вернуть им их землю.

"В Книгах Моисея написано, - сказали они, - что Ханаан и его границы принадлежат хананеям".

Горбунья Гебия взялась ответить.

"Также написано в Книгах Моисея, - сказал он, - "Проклят Ханаан; рабом он будет братьям своим". Собственность раба принадлежит его хозяину, поэтому Ханаан наш".

Александр дал послам Ханаана три дня на то, чтобы ответить на это, но они бежали из Иерусалима.

Следующими прибыли гонцы из Египта с просьбой вернуть золото и серебро, взятые израильтянами из земли фараона.

- Что говорит на это Гебия? - спросил Александр.

"Мы вернем золото и серебро, - ответил горбун, - когда нам заплатят за многие, многие годы труда наших предков в Египте".

"Поистине мудрый ответ", - сказал Александр и дал египтянам три дня на обдумывание. Но они тоже бежали.

Когда Александр покинул Иерусалим, он обратился за советом к мудрецам Израиля.

"Я желаю, - сказал он, - завоевать землю за Горами Тьмы в Африке; я также желаю взлететь выше облаков и узреть небеса, а также спуститься в морские глубины и собственными глазами увидеть морских чудовищ".

Как это сделать, его проинструктировали мудрецы, но они предупредили его никогда не входить в Вавилон.

"Ибо если ты когда-нибудь войдешь в город Вавилон, - сказали они, - то непременно умрешь".

Король Александр поблагодарил их за совет и предупреждение и пустился в путь.

II. Страна тьмы и врата Рая

Спустя много дней король Александр прибыл в Горы Тьмы. Действуя по совету мудрецов, он запасся ослами из Ливии, потому что они обладают способностью видеть в темноте, а также веревкой большой длины. Оседлав ослов, он и его люди погрузились в царство тьмы, на ходу разматывая веревку, чтобы с ее помощью найти дорогу обратно.

Вокруг них царили крошечная тьма и тишина, которые внушали мужчинам благоговейный трепет. Ослы, однако, пробирались сквозь высокие деревья, которые росли так высоко и густо, что сквозь них не проникал ни малейший луч света. Сколько дней они шли таким образом, они не знали, потому что день и ночь были похожи. Люди спали, когда уставали, ели, когда были голодны, и полагались на ослов и веревку.

Наконец, когда они вышли на свет, солнце почти ослепило их, и прошло некоторое время, прежде чем они смогли как следует разглядеть. Затем, к своему великому удивлению, они обнаружили, что в этой стране нет мужчин, только женщины, высокие и прекрасно сложенные, одетые в шкуры и вооруженные луками и стрелами.

"Кто ты?" - спросил Александр.

"Мы амазонки, женщины, искусные в войне и искусстве охоты", - ответили они.

"Веди меня к своей царице, - приказал Александр, - и прикажи ей сдаться, ибо я Александр Великий, македонянин и завоеватель мира. Я сражаюсь не ночью, ибо презираю красть

победы в темноте, а мои люди вооружены волшебными копьями из золота и серебра и поэтому непобедимы".

Перед ним предстала царица амазонок, прекрасная женщина с длинными волосами цвета воронова крыла.

"Приветствую тебя, могучий воин", - сказала она. "Ты пришел убивать женщин?"

"Возможно, именно ты одержишь надо мной победу", - ответил Александр.

Королева амазонок улыбнулась.

"Тогда о тебе скажут, - ответила она, - что ты был доблестным воином, покорившим мир, но сам был покорен женщинами. Это должно стать вашим посланием истории?"

Царь Александр был человеком образованным и мудрым, а также великим воином, но слова царицы Амазонок были таковы, что он не смог ответить. Он низко поклонился королеве и жестом показал, что ему нечего сказать.

"Значит, будет мир", - сказала королева. "По крайней мере, до твоего возвращения позволь мне приготовить для тебя пир".

В хижине, сделанной из бревен и украшенной шкурами, перед Александром поставили грубый деревянный стол, а на него положили золотой каравай.

"Вы едите золотой хлеб?" - спросил король, сильно удивленный.

"Нет", - ответила королева. "Мы женщины с простыми вкусами, но ты могущественный король. Если ты всего лишь хотел есть обычный хлеб в этой стране, почему ты хотел завоевать ее? Неужели в твоей родной земле больше нет хлеба, и ты должен отважиться на опасности темных гор, чтобы съесть его здесь?"

Александр склонил голову на грудь. Никогда прежде ему не было стыдно.

"Я, Александр Македонский, - сказал он, - был глупцом, пока не пришел в страну за Горами Тьмы и не научился мудрости у женщин".

Со всей поспешностью он вернулся через страну вечной ночи на своих ливийских ослах. Но во время бегства веревка оборвалась. Ему пришлось всецело положиться на ослов, и много долгих и утомительных дней и ночей провел он в пути, прежде чем снова увидел свет.

Александр очутился в новой и прекрасной стране. Не было видно ни людей, ни животных, а река с самой чистой водой, которую он когда-либо видел, тихо текла. В ней было полно рыбы, которую солдаты ловили довольно легко. Но странная вещь произошла, когда, разделав рыбу, готовую к приготовлению, они отнесли ее к реке, чтобы почистить. Вся рыба снова ожила; кусочки соединились вместе и уплыли в воду.

Сначала Александр не поверил этому, но после того, как он сам провел эксперимент, он сказал: "Пусть все раненые искупаются в этой реке, ибо, несомненно, она излечит всех больных. Это, должно быть, Река Жизни, которая течет из Рая".

Он решил следовать по ручью до его истока и найти Эдемский сад. По мере того как он продвигался вперед, долина, по которой протекал ручей, становилась все уже и уже, пока, наконец, не смог пройти только один человек. Александр продолжил свой путь пешком, а несколько его военачальников шли позади. Горы, густо покрытые зеленойшей

растительностью, возвышались по обе стороны, тихая река сужалась до тех пор, пока не превратилась в мягко текущую серебристую полосу, а в воздухе стоял восхитительный аромат.

Наконец, там, где горы с обеих сторон сходились, путь Александру преградила огромная каменная стена. Из крошечной трещины вытекала Река Жизни, а рядом с ней была золотая дверь с прекрасным орнаментом. Перед этой дверью Александр остановился. Затем, обнажив свой меч, он ударил рукоятью по Вратам Рая.

Ответа не последовало, и Александр постучал во второй раз. Снова ответа не последовало, и в третий раз Александр постучал с некоторым нетерпением.

Затем дверь медленно открылась, и на пороге появилась фигура в белом. В руке он держал золотой череп с глазами из рубинов.

"Кто так грубо стучит во врата рая?" - спросил ангел.

"Я, Александр Великий, Македонянин, завоеватель мира", - гордо ответил Александр. "Я требую допуска в Рай".

"Неужели ты принес мир всему миру, раз называешь себя его победителем?" требовательно спросил ангел.

Александр ничего не ответил.

"Только праведники, несущие мир человечеству, могут войти в Рай живыми", - мягко сказал ангел.

Александр смущенно опустил голову; затем прерывающимся от волнения голосом попросил, чтобы ему подарили хотя бы что-нибудь на память о его визите.

Ангел протянул ему череп, сказав: "Возьми это и поразмышляй над его значением".

Ангел исчез, и золотая дверь закрылась.

Череп был таким тяжелым, что при всей своей огромной силе Александр едва мог нести его. Когда он положил его на весы, чтобы определить его вес, то обнаружил, что он тяжелее всех его сокровищ. Никто из его мудрецов не мог объяснить эту тайну, и поэтому Александр разыскал среди своих солдат еврея, который был учеником раввинов.

Взяв пригоршню земли, еврей положил ее на глаза, и череп стал легким, как воздух.

"Смысл ясен", - сказал еврей. "Человеческий глаз удовлетворен только после того, как его засыпят землей — в могиле. Только после смерти человек может надеяться попасть в Рай".

Александру не терпелось поскорее покинуть этот странный край, но многие из его солдат заявили, что они поселятся на берегах Реки Жизни. Однако на следующее утро река исчезла. Там, где все было прекрасно, теперь была только пустынная равнина, ограниченная голыми скалистыми горами, уходящими к облакам.

С тяжелым сердцем люди Александра двинулись в обратный путь.

III—Чудеса света

Однажды послышался странный грохочущий звук, и ближе к вечеру армия остановилась на берегу реки, еще более таинственной, чем Река Жизни. Это была река не из воды, а из песка и камней. Она текла с ревом, и каждые несколько минут в воздух взлетали огромные камни.

Александр спросил солдата-еврея, может ли он объяснить.

"Это, - сказал еврей, - Самбатсион, река, которая перестает течь в субботу".

- А что лежит за пределами?

"Земля потерянных десяти колен Израилевых", - последовал ответ. "Никто не видел этой страны".

"Значит, реку нельзя пересечь?" - спросил Александр.

- Не всеми, кто желает перейти границу.

На следующий день была пятница, и Александр подождал до вечера, чтобы посмотреть, что произойдет.

За час до захода солнца, во время начала субботы, река перестала течь. Грохот стих, и Самбатсион превратился в широкое пространство сверкающего желтого песка.

"Завтра я переправлюсь со своей армией", - сказал Александр, но на следующее утро Самбатсион был окутан плотными черными облаками.

Александр не мог видеть ни на ярд перед собой, и когда он отважился выйти на песок, лошади утонули в нем. Языки пламени были видны и в облаках. После того, как солнце село и Шаббат закончился, облака рассеялись, снова раздался грохот, и песок снова потек рекой.

Александр на некоторое время был разочарован, но в конце концов утешил себя мыслью, что покорил весь мир.

"Теперь я должен осуществить свой проект - подняться над облаками, а затем спуститься в море", - сказал он и приступил к выполнению инструкций, данных ему в Иерусалиме.

Четырех огромных орлов поймали и приковали цепями к большому ящику. На каждом конце ящика было по шести, и на конце каждого был прикреплен блестящий драгоценный камень. Когда все было готово, Александр вошел в ложу и осторожно закрыл дверцы.

"Так Нимрод вознесся на небо, - сказал он, - но он был глупцом. Он пускал стрелы в воздух, и когда ангелы вернули их, обгаренные кровью, он подумал, что убил Бога. Я желаю только увидеть небеса, а не покорять их".

Он подал сигнал, и головы прикованных к шестам орлов были обнажены. В тот момент, когда они увидели сверкающие драгоценности, они попытались схватить их, но не смогли. Так они продолжали подниматься все выше и выше, пока ящик не оказался над облаками. Глядя через окна вверх и вниз ящика, Александр мог видеть, как высоко он находится. Долгое время он не видел ничего, кроме облаков, которые казались под ним безбрежным морем, но когда они рассеялись, он снова увидел землю.

Он был так высоко, что мир казался ему шаром. До тех пор он не знал, что земля круглая. Моря, покрывавшие большую часть земного шара, были похожи на извивающихся змей.

"Теперь я понимаю, - сказал он, - почему мудрые раввины говорят, что огромная рыба, левиафан, окружает мир, засунув свой хвост в пасть".

Затем он посмотрел вверх. Солнце казалось еще дальше, чем когда-либо.

"Небеса не так близки, как я думал", - сказал он и, увидев себя всего лишь крошечной точкой в нескольких милях над землей и еще дальше от небес, впервые в жизни испугался. Палкой он сбил драгоценные камни с шестов снаружи шкатулки, и орлы, больше не видя их, начали спускаться. Александр вздохнул свободнее, когда снова оказался в безопасности на земле, но он не стал рассказывать своим генералам о том, что видел.

"Подожди, пока я не спущусь в море", - сказал он.

По его приказу был изготовлен водолазный колокол из прозрачного толстого стекла, окованный железом. Александр вошел в колокол, затем все соединения были плотно скреплены смолой, и колокол с помощью цепей спустили с корабля в океан.

Прежде чем войти, Александр принял меры предосторожности и надел волшебное кольцо, которое прислала ему его жена Роксана. Это, по ее словам, защитит его от чудовищ глубин.

Колокол опускался все ниже, в водянистую пучину, и некоторое время Александр ничего не мог разглядеть. Когда его глаза привыкли к странному зеленоватому свету, он заметил множество странных рыб, снующих вокруг колокола. Многие из них имели форму, которую человек никогда не мог себе представить, некоторые были такими крошечными, что он едва мог их разглядеть, а другие такими большими, что одно из этих чудовищ действительно пыталось проглотить колокол. Но Александр показал волшебное кольцо, которое сияло, как пылающая звезда, и чудовище метнулось прочь.

Колокол погрузился так глубоко, что в конце концов солнечный свет не смог проникнуть внутрь. Большинство рыб, однако, светились, и Александр был почти ослеплен сменой ярких огней по мере того, как обитатели глубин быстро плавали вокруг колокола. Он увидел раковины дивной красоты вместе с жемчужинами огромного размера. Ему открылись сокровища глубин, и он увидел, что богатства на суше - ничто по сравнению с ними. Он увидел коралловых насекомых за их работой по строительству, чарующей красоты, растущих на илистом дне океана.

"Интересно, - сказал Александр, - осмелюсь ли я выйти и забрать с собой некоторые из этих прекрасных драгоценных камней?" Кольцо защитит меня".

Александр был одним из самых храбрых людей, когда-либо живших на свете, и он немедленно приступил к попытке открыть колокол. При этом он загремел цепями, с помощью которых его опускали, и Робус, дежурный офицер, воспринял это как сигнал поднять колокол.

В волнении он уронил цепи в море, и они с громким грохотом упали на колокол и разбили его вдребезги. Когда Робус увидел, что произошло, он бросился в море в доблестной попытке спасти своего хозяина.

Внизу, в сверкающих глубинах океана, Александр увидел, как рыбы в большом страхе убегают прочь, и услышал звон цепей, когда они падали в воду. Он поднял глаза и увидел, как они врезались в колокол. Ужасный, жужжащий звук заполнил его уши, тысячи ослепительных цветов заплескали перед глазами и вызвали головокружение.

Собравшись с духом, он вспомнил о своем кольце, и тут же большая рыба проплыла под ним, подняла его из-под обломков колокола и быстро всплыла на поверхность. Александр вынырнул как раз в тот момент, когда Робус нырнул в море. Однажды он показал рыбе свое кольцо, и она нырнула и благополучно доставила своего доблестного офицера к себе.

"Я видел достаточно, - сказал Александр, оказавшись в безопасности на суше, - больше, чем полагается видеть смертным. Я узнал, что земля предназначена для человека, а воздух наверху и воды внизу - для других, более удивительных созданий Божьих".

Он начал готовиться к возвращению в Македонию, но его армия была утомлена долгим маршем и умоляла его дать им отдохнуть. Соответственно, он остановился за пределами Вавилона. Его охватила болезнь, но он помнил предупреждение раввинов и не захотел входить в город. Несколько дней он бродил по городу, пока его солдаты не начали проявлять признаки мятежа. Затем, отбросив всякую осторожность, Александр вступил в Вавилон.

Сразу же его болезнь приняла серьезный оборот, и через несколько дней он скончался. Когда евреи услышали эту новость, они искренне оплакивали его, поскольку знали, что потеряли хорошего друга. Все, что осталось в память об Александре, - это город Александрия, который он основал в Египте. Он стоит и по сей день.

В тексте исправлены типографские ошибки:

Страница 129: "Я, Балам, есмь" заменено на "Я, Билам, есмь"

Страница 132: "в его классе" заменено на "в его саду"

Страница 217: "Я предшествую" заменено на "я воспринимаю"